

Лиза Джейн Смит

Странная способность

Темные видения – 1

Глава 1

Никто не приглашает местную ведьму на вечеринки. Неважно, насколько та красива. И это была основная проблема.

«Мне плевать, — думала Кейтлин. — Мне никто не нужен».

Она сидела на уроке истории, слушая, как Марси Хуан и Пэм Сэссин планируют вечеринку в следующие выходные. Она ничего не могла с этим поделать, просто слушала их, в то время как тихий монотонный голос мистера Флинна не шел ни в какое сравнение с их оживленным перешептыванием. Кейт прислушивалась к разговору, при этом делая вид, что ей все равно. Она яростно хотела уйти. Но не могла, поэтому машинально чертила на разлинованном листе в тетради по истории.

Девушка была полна противоречивых чувств. Она ненавидела Пэм и Марси и хотела, чтобы они умерли, или, по крайней мере, чтобы с ними произошел какой-нибудь кровавый несчастный случай, причинивший им сильный вред, который сделал бы их сломленными и несчастными. В то же время внутри нее было огромное желание... Если бы только они впустили ее в свой мир. Она не настаивала на том, чтобы быть самой популярной, самой обожаемой девушкой в школе. Она бы довольствовалась местом в группе, которое было бы прочно закреплено за ней. Они могли бы качать головами и говорить: «А это Кейтлин, она странная, но чтобы мы без нее делали?» И это было бы здорово, пока она была частью их мира.

Но этого не произойдет. Никогда. Марси бы даже в голову не пришло пригласить Кейтлин на вечеринку. Зачем ей делать то, чего никто раньше не делал? Никто и никогда не приглашал туда ведьму, и никто не думал, что милая, незаметная девушка со странными глазами захотела бы пойти.

«И мне плевать, — подумала Кейтлин, вернувшись мыслями к началу. — Это мой последний год. Остался еще один семестр. Потом я закончу школу и... Надеюсь, я никогда не встречу никого отсюда снова».

Но, разумеется, это было еще одной проблемой. В таком городишке, как Тарафэр, она будет видеть их и их родителей каждый день весь следующий год. И через год, и еще через один, и...

Выхода нет. Если бы она могла уехать в колледж, все было бы по-другому. Но она не получила стипендию в колледж искусств, и, в любом случае, еще есть папа. Он нуждается в ней, да и денег нет. Она нужна отцу. Так что, колледж с двухгодичным курсом, или вообще ничего.

Кейт представила следующие годы своей жизни, блеклые, как зима в Огайо за окном, заполненные бесконечными холодными аудиториями. Все время сидеть и слушать, как девушки планируют вечеринки, на которые она не приглашена. Вечное неприятие. Бесконечная боль и желание быть настоящей ведьмой, такой, которая могла бы наложить самое отвратительное, болезненное и изнуряющее проклятье на них всех.

Во время своих размышлений она рисовала, или, скорее, ее рука чертила, а девушка этого не осознавала. Теперь она взглянула на рисунок и в первый раз увидела, что же на нем было.

Паутина.

Но самым странным было то, что находилось под ней, так близко и почти ощутимо. Пара глаз, широко распахнутых, круглых, обрамленных ресницами. Глаза олененка Бэмби, глаза ребенка.

Уставившись на рисунок, Кейтлин неожиданно почувствовала головокружение, как будто она падала. Как будто изображение тянуло Кейт внутрь себя. Это было ужасное ощущение и такое знакомое. Оно возникало каждый раз, когда она рисовала картинки, подобные этой, за них ее и прозвали ведьмой.

Рисунки, которые осуществлялись.

Она дернулась назад. Внутри нее было болезненное, тянущее на дно чувство.

«О, пожалуйста, нет, — подумала она. — Не сегодня, не здесь, не в школе. Это просто рисунок и он ничего не значит. Пожалуйста, пусть это будет просто рисунок».

Но она могла почувствовать, как ее тело напряглось, игнорируя ее разум, стало холодным как лед, готовясь к тому, что должно произойти.

Ребенок. Она нарисовала глаза ребенка. Это значит, что какой-то ребенок в опасности.

Но какой? Уставившись на рисунок, Кейт ощутила тягу, почти рывок в руке. Пальцы чувствовали то, что должно было появиться. Небольшой полукруг с маленькими изгибами по краям. Курносый нос. Большой сплошной круг, рот, открытый от страха, удивления или боли. Четкий изгиб, выделяющий овал подбородка. Ряды вьющихся волос. Затем зуд, рывок в руке исчез, и она выдохнула.

Вот и все. Ребенок на картинке должен быть девочкой, судя по волосам. Волнистым волосам. Хорошенькая маленькая девочка с волнистыми волосами и паутиной на лице.

Случится что-то, в чем будут задействованы ребенок и паук. Но где и с каким ребенком? И когда? Сегодня? На следующей неделе? В следующем году?

Этого было недостаточно.

Да и никогда не было. Это была самая ужасная часть ужасного «дара» Кейтлин. Ее рисунки всегда были точными, они всегда... всегда осуществлялись. Все заканчивалось тем, что Кейт наблюдала в жизни то, что она нарисовала на бумаге.

Но всегда не вовремя.

Что она могла сделать прямо сейчас? Бежать по городу с мегафоном, крича всем детям быть осторожнее с пауками? Пойти в начальную школу в поисках девочек с волнистыми волосами?

Даже если бы она попыталась им сказать, они бы просто сбежали от нее. Как будто это Кейтлин навлекала те вещи, которые она рисовала. Как будто это она заставляла их осуществляться, а не просто предсказывала их.

Линии картинки стали изгибаться. Кейтлин моргнула, чтобы выпрямить их. Единственное, что она не будет делать, так это плакать, потому что Кейт никогда не плачет.

Никогда. Ни разу с тех пор, как умерла ее мама. Кейт тогда было восемь. С тех пор она научилась сдерживать слезы.

У входа в класс раздался шум. Обычно мягкий и мелодичный голос мистера Флинна, под который студенты могли легко уснуть, замолк.

Крис Барнабл, работающий в старших классах в качестве помощника, принес розовый листочек. Уведомление.

Кейтлин смотрела, как мистер Флинн взял его, прочитал, затем спокойно посмотрел на класс, поморщив нос, чтобы сдвинуть очки на место.

— Кейтлин, тебя вызывают в кабинет директора.

Кейт уже тянулась за книгами. Она держала спину очень прямо, а голову очень высоко, когда шла по проходу, чтобы забрать уведомление, которое гласило: *«Кейтлин Фэйрчайлд, в кабинет директора, немедленно»*. Рядом со словом «немедленно» стояла галочка, что придавало посланию атмосферу срочности и не предвещало ничего хорошего.

— Снова неприятности? — спросил кто-то ехидным голосом с первых парт. Кейтлин не могла сказать, кто это был, и она не повернулась, чтобы посмотреть. Она вышла вместе с Крисом.

«Снова неприятности, — думала она, пока спускалась вниз по лестнице к кабинету директора. — Что у них на нее в этот раз? Те отмазки, "подписанные ее отцом" прошлой осенью?»

Кейт пропускала много занятий, потому что были времена, когда она просто не могла выносить всего этого. Как только становилось слишком плохо, она ехала на Пиквей Роуд, туда, где были фермы, и рисовала. Никто ее там не беспокоил.

— Мне жаль, что у тебя неприятности, — произнес Крис Барнабл, когда они подошли к кабинету. — Я имею в виду... Мне жаль, если у тебя неприятности.

Кейтлин взглянула на него прямо. Он был симпатичным парнем: блестящие волосы, добрые глаза, как у Морячка — кокер-спаниеля, который был у нее когда-то. Она ни на секунду не была одурочена.

Мальчишки-мальчишки, они совершенно бесполезны. Кейт точно знала, почему они так хорошо относились к ней. От матери ей достались кремовый ирландский цвет лица и рыжие, как осеннее пламя, волосы, а также гибкая стройная фигура.

Но глаза были ее собственные, и она беспощадно использовала их. Она уставилась на Криса ледяным взглядом, так, как обычно она старалась не смотреть. Она заглянула в его лицо.

Он побледнел.

Обычно люди реагировали именно так, встречаясь глазами с Кейтлин. Ни у кого не было таких глаз, как у нее. Они были дымчато-голубыми, и снаружи радужной оболочки, впрочем, как и по центру, были темные кольца.

Ее отец говорил, что они прекрасны и что Кейтлин была отмечена феями. Но остальные люди говорили совсем другое. С самого детства Кейтлин слышала перешептывания, что у нее были странные глаза, дурные глаза. Глаза, которые видят то, чего не должны.

Иногда, как сейчас, Кейтлин использовала их в качестве оружия. Она смотрела на парня до тех пор, пока дурачок не отступил. Затем она скромно опустила ресницы и зашла в кабинет.

Она получила короткое и нездоровое ощущение триумфа. Пугание кокер-спаниелей вряд ли можно было назвать достижением. Но Кейтлин была слишком взволнована и несчастна, чтобы беспокоиться об этом. Секретарь махнул рукой в сторону двери директора, и Кейтлин собралась с духом. Она открыла дверь.

Мисс МакКаслан, директор, была не одна. Рядом с ней за столом сидела загорелая приятная молодая женщина с короткими светлыми волосами.

— Поздравляю, — сказала блондинка, быстро и грациозно поднявшись со стула. Кейтлин стояла неподвижно с высоко поднятой головой. Она не знала, что и подумать. Внезапно на нее накатило ощущение, похожее на предчувствие.

«Вот оно. То, что ты ждала».

До этого она и не знала, что чего-то ждала.

«Разумеется, ждала. Этого. Следующие несколько минут изменят всю твою жизнь».

— Меня зовут Джойс, — продолжила блондинка, — Джойс Пайпер. Ты меня не помнишь?

Эта женщина на самом деле казалась знакомой. Ее приглаженные светлые волосы лежали на голове, как мокрый мех у морского котика, ее глаза были необыкновенного зелено-голубого цвета — аквамариновые, на ней был элегантный розовый костюм, а двигалась она, как преподаватель по аэробике.

Воспоминание внезапно ворвалось к Кейтлин в голову:

— Проверка зрения.

Джойс кивнула.

— Точно, — воскликнула она. — А сейчас расскажи, что ты помнишь об этом?

В замешательстве Кейтлин взглянула на мисс МакКаслан. Директор, маленькая женщина, достаточно полненькая и очень симпатичная, сидела, сложив ладони на столе. Она казалась спокойной, но ее глаза сверкали.

«Хорошо, по крайней мере, у меня нет неприятностей, — подумала Кейтлин. — Но что тогда происходит?»

Кейт неуверенно стояла в центре кабинета.

— Не бойся, Кейтлин, — сказала директор, слегка махнув рукой, на которой были надеты многочисленные кольца, — садись.

Кейт села.

— Я не кусаюсь, — добавила Джойс, тоже присев, не отводя своих аквамариновых глаз от Кейт. — Что ты помнишь?

— Это был просто тест, как у окулиста, — сказала Кейтлин медленно. — Я думала, это была какая-то новая программа.

Все привозят новые программы в Огайо. Огайо настолько показателен, что его люди являются идеальными подопытными кроликами.

Джойс слегка улыбнулась.

— Это была новая программа. Но мы не совсем проецировали образы. Ты помнишь тест, где нужно было записывать буквы, которые ты видела?

— О, да.

«Его было нелегко запомнить, потому что все, что происходило во время теста, было очень размытым. Он проходил прошлой осенью, в начале октября», — подумала Кейт.

Джойс зашла в аудиторию и заговорила с классом. Было достаточно просто. Джойс попросила их сотрудничать. Затем провела некие расслабляющие упражнения, после которых Кейтлин расслабилась так, что все стало туманным.

— Вы выдали всем карандаш и листок, — неуверенно сказала она Джойс. — Затем вы проецировали буквы на экран. И они становились все меньше и меньше. Я едва могла их записывать. — И добавила: — Я была какой-то усталой.

— Немножко гипноза, чтобы преодолеть барьеры, — объяснила Джойс, наклонившись. — Что еще?

— Я продолжила писать буквы.

— Да, — подтвердила Джойс. Легкая улыбка сверкнула на ее загорелом лице. — Разумеется, ты продолжила.

Через секунду Кейт спросила:

— И что, у меня хорошее зрение?

— Без понятия! — Джойс выпрямилась, по-прежнему улыбаясь. — Ты хочешь знать, как на самом деле проходил тест, Кейтлин? Мы проецировали буквы, делая их меньше и меньше, до тех пор, пока они вообще не исчезли.

— Исчезли?

— Последние двадцать кадров. Это были точки, абсолютно бесформенные. У тебя могло бы быть зрение, как у ястреба, но ты бы ничего не различила.

У Кейтлин прошли мурашки по спине.

— Я видела буквы, — настаивала она.

— Я знаю, что ты видела. Но не глазами.

В комнате стояла полная тишина... Сердце Кейтлин тяжело забилося.

— В соседней аудитории сидел человек, — начала объяснять Джойс. — Выпускник с отличной концентрацией, он смотрел на таблицы с буквами. Именно поэтому ты видела буквы, Кейтлин. Ты видела его глазами. Ты ожидала увидеть буквы в таблице, твой разум был открыт, и ты получала то, что видел он.

Кейтлин слабо вымолвила:

— Это так не действует.

«О Боже, пожалуйста, меньше всего мне нужна еще одна способность, еще одно проклятье».

— Действует. Все время, — возразила Джойс. — Это называется «дистанционное наблюдение» — знание события за пределами обычных чувств. Твои рисунки — это дистанционное наблюдение событий, иногда событий, которые еще не произошли.

— Что вы знаете о моих рисунках? — Волна эмоций вернула Кейт на землю. Это нечестно. Эта незнакомая женщина приходит, играет с ней, тестирует, дразнит ее, а сейчас говорит о ее личных рисунках. Ее очень личных рисунках, о которых люди из Тарафэра

старались даже не вспоминать.

— Я расскажу тебе то, что я знаю, — предложила Джойс. Ее голос был мягким и размеренным, она пристально наблюдала за Кейт своими аквамариновыми глазами. — Я знаю, что ты впервые открыла свой дар, когда тебе было девять лет. Мальчик, живший по соседству, исчез.

— Дэнни Линденмайер, — быстро добавила директор.

— Дэнни Линденмайер исчез, — согласилась Джойс, по-прежнему не отрывая взгляда от Кейтлин. — Полиция опрашивала соседей, ища его. Ты рисовала карандашами, когда они говорили с твоим отцом. Ты слышала все о пропавшем мальчике. И когда закончила рисовать картинку, ты не могла понять ее. Картинка с деревьями, мостом и чем-то квадратным.

Кейт кивнула, чувствуя, что проиграла. Воспоминание всколыхнулось в ней, доводя до головокружения. Тот первый рисунок, такой темный и странный, и ее собственный страх... Она знала тогда, то, что нарисовала ее рука, было чем-то плохим. Но она не знала почему.

— На следующий день по телевизору ты увидела место, где нашли труп мальчика, — продолжила Джойс. — Под мостом у деревьев, в упаковочном ящике.

— В чем-то квадратном, — произнесла Кейтлин.

— Это полностью совпадало с твоим рисунком, даже притом, что ты никоим образом не могла знать это место, мост был в тридцать милях */1/* от твоего дома, в городке, где ты ни разу не была. Когда твой отец увидел новости по телевизору, он тоже узнал твой рисунок. Это его взволновало. Он начал показывать картинку всем и рассказывать твою историю. Но люди реагировали плохо. Они и так считали тебя немного странной из-за глаз, но это было еще хуже, и им это не нравилось. А когда это случилось еще раз и еще раз, когда твои рисунки продолжили сбываться, люди испугались.

— И у Кейтлин началось что-то вроде проблемы с общением, — вежливо вставила директор. — Она с рождения непокорная и немного взведенная, как курок пистолета. Но тогда она стала раздражительной и равнодушной. Защитная реакция, — женщина прицокнула языком.

Кейтлин яростно уставилась на директора, но спокойный, сочувствующий голос Джойс обезоруживал.

— Ну, вы знаете все обо мне, — обратилась Кейт к Джойс. — У меня проблемы с общением, и что?

— У тебя нет проблем с общением, — перебила Джойс. Она была крайне удивленной. Женщина наклонилась вперед и настойчиво произнесла: — У тебя дар. Потрясающий дар. Кейтлин, неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты не понимаешь, как ты необычна и как это удивительно?

По своему опыту Кейтлин могла утверждать, что необычный вовсе не приравнивался к удивительному.

— В целом мире всего несколько людей, которые, как и ты, обладают необычным даром, — сказала Джойс. — В США мы нашли только пятерых.

— Пятерых кого?

— Пятерых старшеклассников, таких же, как и ты. Разумеется, все с разными способностями. Ни у кого из вас нет одинакового дара. И это здорово, это как раз то, что мы искали. Мы сможем провести много экспериментов.

— Вы хотите проводить на мне эксперименты? — Кейтлин испуганно взглянула на директора.

— Кажется, я поторопилась. Позволь мне объяснить. Я из города Сан-Карлос, Калифорния.

Это объясняло загар.

— И я работаю в Институте Зитса. Очень маленькая лаборатория, не сравниться со Стэндфордским Исследовательским Институтом или университетом Дьюка. Он был создан в прошлом году, его основой послужил грант, выделенный на проведение

научно-исследовательских работ Фондом Зитса. Мистер Зитс, хм, как его описать? Он невероятный человек. Глава одной из корпораций в Кремниевой долине[2]. Но его настоящий интерес — это экстрасенсорные явления. Исследование экстрасенсорных способностей.

Джойс остановилась и убрала блестящие светлые волосы со лба. Кейтлин почувствовала, что та переходит к самому главному.

— Он основал фонды для одного очень особенного проекта, очень важного проекта. Это была его идея, провести отбор в старших классах по всей стране, определяя учеников с высоким экстрасенсорным потенциалом. Найти пять или шесть лучших, самых лучших, и привести их в Калифорнию на год для тестирования.

— На год?

— Это и есть самое лучшее, неужели ты не понимаешь? Вместо того чтобы проводить несколько отдельных тестов, мы будем проводить их ежедневно, по обычному расписанию. Мы сможем отметить все изменения твоих способностей в зависимости от твоего биоритма, питания...

Джойс резко замолчала. Прямо посмотрела на Кейт и взяла ее руки.

— Кейтлин, отбрось свои защитные стены и просто послушай меня минутку. Можешь сделать это?

Кейт почувствовала, как ее руки дрожат в холодной хватке блондинки. Она сглотнула, неспособная отвести взгляд от этих аквамариновых глаз.

— Кейтлин, я здесь не для того, чтобы причинить тебе боль. Я очень тобой восхищаюсь. У тебя удивительный дар. Я хочу изучать его. Я провела всю свою жизнь, готовясь изучать его. Я посещала колледж в Дьюке, там, где Райн проводил свои телепатические эксперименты. Я получила степень магистра по парапсихологии, я работала в «Дрим Лаборатории» в Маймониде, и в «Майнд Сайэнс Фаундейшен» в Сан-Антонио, и в «Инженеринг Аномализ Рисеч Лаборатории» в Принстоне. Все, что я когда-либо хотела, это такого человека как ты. Вместе мы можем доказать, что то, что ты делаешь — настоящее. Мы можем получить неопровержимое научное доказательство. Мы можем показать миру, что экстрасенсорное восприятие существует.

Она остановилась и Кейт услышала шум копировальной машины в приемной.

— Кейтлин тоже может найти в этом свои плюсы, — сказала мисс МакКаслан. — Я думаю, вам нужно объяснить все условия.

— Ах, да, — Джойс отпустила руки Кейтлин и взяла папку со стола. — Ты будешь ходить в очень хорошую школу в Сан-Карлосе до самого окончания. Тем временем ты будешь жить в Институте с четырьмя отобранными студентами. Мы будем проводить тестирования каждый день, но это не будет занимать много времени — час или два в день. А в конце года ты получишь стипендию в колледж, который выберешь.

Джойс открыла папку и протянула ее Кейтлин.

— Очень щедрую стипендию.

— Очень щедрую стипендию, — повторила мисс МакКаслан.

Кейт смотрела на цифру на бумаге.

— Это для всех нас?

— Это тебе, — сказала Джойс. — Тебе одной.

Кейтлин показалось, что у нее закружилась голова.

— Ты pomoжешь развитию науки, — продолжила Джойс. — И ты могла бы устроить себе новую жизнь. Все сначала. Никому в твоей новой школе не нужно знать, почему ты там, ты можешь быть просто обычной старшеклассницей. Следующей осенью ты могла бы поехать в университет Стэнфорда или Сан-Франциско, Сан-Карлос в получасе езды от Сан-Франциско на юг. И после этого ты свободна. И можешь ехать куда угодно.

А вот теперь у Кейтлин на самом деле закружилась голова.

— Тебе понравится область Залива[3]. Солнечный свет, красивые пляжи, ты не поверишь, вчера, когда я уезжала, было 70 градусов[4]. 70 градусов зимой! Секвойи, пальмы.

— Я не могу, — слабо сказала Кейтлин.

Джойс и директор с удивлением посмотрели на нее.

— Я не могу, — повторила Кейт громче, вновь выстраивая вокруг себя крепость. Ей нужны эти стены, иначе она может поддаться этой яркой картинке, которую Джойс нарисовала у нее в голове.

— Неужели ты не хочешь сбежать? — спокойно поинтересовалась Джойс.

Не хочет ли она? Настолько сильно, что иногда она чувствовала себя птицей, бьющейся крыльями о стекло. За исключением того, что она никогда не была уверена, что однажды действительно сбежит. Она просто думала, что где-то должно быть место, где ей будет хорошо. Место, где бы ее приняли просто так, где для этого не нужно было прилагать усилий.

Она никогда не думала о Калифорнии как о таком месте. Калифорния была слишком роскошной, слишком головокружительной и захватывающей. Она была подобна мечте. Да и деньги...

Но ее папа.

— Вы не понимаете. Мой папа... Я никогда не уезжала от него, с тех самых пор, как умерла мама, и он нуждается во мне. Он не... он действительно нуждается во мне.

На лице мисс МакКаслан появилось сочувствие. Она, конечно, знала ее отца. Раньше он был выдающимся профессором по философии, он писал книги. Но, после того как мама Кейтлин умерла, он стал... рассеянным. Ее отец часто пел себе под нос и перебивался случайным заработком в городе. Он не получал много, выполняя мелкую работу. Когда приходили счета, он шаркал ногами и ерошил волосы, выглядя при этом обеспокоенным и пристыженным. Ее отец был почти как ребенок, но он обожал Кейт, а она обожала его. Она никогда бы не позволила чему-нибудь причинить ему боль.

И уехать от него так скоро... Еще даже не став достаточно взрослой, чтобы пойти в колледж. Поехать в Калифорнию, да еще и на целый год.

— Это невозможно, — сказала она.

Мисс МакКаслан смотрела на свои полные руки.

— Но, Кейтлин, ты не думаешь, что твой отец хотел бы, чтобы ты поехала? Чтобы ты поступила так, как лучше для тебя?

Кейтлин покачала головой. Она не желала выслушивать аргументы. Она все для себя решила.

— А ты бы не хотела научиться контролировать свой дар? — спросила Джойс.

Кейтлин взглянула на нее.

Возможность контроля никогда не приходила ей в голову. Образы появлялись, когда она их не ожидала; завладевали ее рукой на бессознательном уровне. Она не понимала, что происходит до тех пор, пока это не заканчивалось.

— Я думаю, ты можешь научиться, — сказала Джойс. — Я считаю, ты и я... мы могли бы многому научиться... вместе.

Кейт открыла рот. Но перед тем как она ответила, снаружи офиса раздался ужасный звук.

Это походило на грохот, скрежет и битье стекла одновременно. И это был ужасный шум, настолько ужасный, что Кейтлин сразу поняла, что он мог произойти только из-за чего-то очень необычного. И это было достаточно близко.

Джойс и Мисс МакКаслан подпрыгнули. Первой до двери добралась маленькая полная женщина. Она промчалась по коридору на улицу. Кейт и Джойс последовали за ней. Люди сбегались с обеих сторон Хардинг Стрит по скрипучему снегу. Холодный воздух щипал щеки Кейтлин. Косой дневной солнечный цвет выделял острый контраст между светом и тенью, делая сцену, которая развернулась перед взором Кейтлин, пугающе четкой и ясной.

Желтый «Неон» стоял на Хардинг Стрит, он был развернут не в ту сторону, задние колеса на тротуаре, левый бок смят. Машина выглядела так, как будто в нее врезались сбоку, и она несколько раз развернулась вокруг своей оси. Кейтлин узнала автомобиль, он

принадлежал Джерри Крачфилду, одному из немногих студентов, у которого была своя машина.

Темно-синий многоместный легковой автомобиль, стоящий посреди улицы, был повернут прямо в сторону Кейт. Весь капот был смят в гармошку. Металл изогнут и деформирован, фары разбиты.

Полли Вертанен, школьница, тянула за рукав Мисс МакКаслан.

— Я все видела, Мисс МакКаслан. Джерри только выехал с парковки, но тот автомобиль ехал слишком быстро. Они просто врезались в него... Я все видела. Они ехали слишком быстро.

— Это машина Мэриан Гантер, — резко сказала Мисс МакКаслан. — Там ее маленькая дочь. Пока не двигайте ее! Не двигайте!

Директор продолжала говорить, но Кейт больше ее не слышала.

Она уставилась на лобовое стекло автомобиля. До этого она не заметила, но сейчас все поняла... Люди вокруг нее бегали и кричали. Кейтлин едва ли видела их. Весь ее мир был сфокусирован на лобовом стекле машины.

Маленькую девочку бросило на него, возможно, оно треснуло от удара. Она фактически лежала, касаясь лбом стекла. Как будто она смотрела сквозь него широко открытыми глазами.

Огромными глазами. Большими, круглыми, с густыми ресницами. Глазами олененка Бэмби.

У нее был маленький курносый нос и круглый подбородок. Волнистые светлые волосы приклеились к стеклу.

Само стекло потрескалось и напоминало паутину. Паутину, наложенную на лицо ребенка.

— О, нет, пожалуйста, нет, — прошептала Кейтлин.

Она почувствовала, что пытается найти опору, не осознавая какую. Кто-то помог ей не упасть.

Сирены были все ближе. Толпа собиралась вокруг автомобиля, закрывая ребенка от Кейтлин.

Она знала Курта Гантера. Маленькая девочка, должно быть, Линди. Его малышка-сестра. Почему Кейтлин раньше этого не поняла? Почему картинка не показала ей? Почему она не показала эту аварию с датой и местом, вместо того душераздирающего лица ребенка. Почему это все было таким бесполезным? Чертовски бесполезным?

— Тебе нужно присесть? — спросил человек, который поддерживал ее.

Это была Джойс Пайпер, и она дрожала. Кейт тоже дрожала, очень быстро дыша. Она вцепилась в Джойс еще сильнее.

— Вы действительно имели это в виду? Что я научусь контролировать... то, что я делаю? — Кейт не могла назвать это даром.

Джойс посмотрела на нее, потом на аварию взглядом человека, который только что что-то осознал.

— Я так думаю. Я надеюсь.

— Вы должны пообещать.

Джойс посмотрела Кейт прямо в глаза, никто в Тарафэре никогда не смотрел на нее так.

— Я обещаю попробовать, Кейтлин.

— Тогда я поеду, папа поймет.

Аквамариновые глаза Джойс заблестели.

— Я так рада. — Она дрожала от возбуждения. — Там 70 градусов, Кейт, — добавила она мягко, почти рассеяно. — Не бери много вещей.

Глава 2

Той ночью у Кейтлин был странно реалистичный сон. Она была на скалистом мысе,

кусочке земли, окруженном холодным, серым океаном. Тучи над головой были почти черными, и ветер бросал мелкие брызги прямо ей в лицо. Она почти могла ощущать их сырость и прохладу. Кто-то сзади назвал ее имя. Но когда девушка оглянулась, сон оборвался.

Кейт сошла с самолета, ощущая головокружение и триумф. До этого она ни разу не летала на самолете, но, оказалось, что это было очень просто. Она жевала жвачку во время взлета и посадки, проявила чудеса гибкости в крошечном туалете, расчесала волосы и расправила свое красное платье, как только самолет подлетел к воротам. Совершенство.

Она была очень счастлива. Так или иначе, с тех пор, как решение ехать было принято, настроение Кейт все улучшалось и улучшалось. Жизнь в Институте больше не казалась мрачной необходимостью. Это была мечта, которую показала ей Джойс, начало новой жизни. Ее отец был невероятно милым и понимающим. Он провожал ее так, будто она ехала в колледж. Предполагалось, что Джойс встретит ее здесь, в аэропорту Сан-Франциско.

Но аэропорт был многолюден, и не было ни намека на присутствие Джойс. Люди проносились мимо. Кейт держалась поближе к воротам, высоко подняв голову, пытаясь выглядеть непринужденно. Последнее, чего она хотела, чтобы кто-нибудь спросил, нужна ли ей помощь.

— Простите!

Кейтлин мельком взглянула в сторону, откуда раздался незнакомый голос. Это не было предложением помощи, а было чем-то, что ее встревожило. Один из тех сектантов, которые бродят по аэропорту и просят денег. На нем было красноватое одеяние.

«Тосканский красный», — подумала Кейт, как будто собиралась рисовать его одежду.

— Пожалуйста, уделите мне минутку вашего времени. — Голос был вежливым, но в то же время настойчиво-повелительным. Мужчина говорил как иностранец.

Кейт осторожно начала отходить или попыталась это сделать. Рука схватила ее. Кейтлин смотрела на нее в изумлении, разглядывая тонкие длинные пальцы коричневого как карамель цвета, держащие ее запястье.

«Хорошо, придурок, ты сам напросился!»

Возмущенная, Кейт обрушила на него всю силу своих дымчатых глаз с необычными кольцами.

Он просто посмотрел на нее, и когда Кейт заглянула вглубь его глаз, она пошатнулась.

Его кожа была все того же карамельного цвета, а глаза были узкими и очень темными, со складкой у век.

Кейт вспомнила фразу «кошачьи глаза».

Его слегка вьющиеся волосы были какого-то бледно-мерцающего каштанового цвета, как у белой березы.

Все это не сочеталось между собой.

Но не это заставило Кейт пошатнуться, а ощущение огромного количества прожитых лет. Когда она заглянула ему в глаза, ей показалось, что она увидела там века. Тысячелетия. У него не было морщин, но, глядя в его глаза, можно было подумать, что этот человек живет еще со времен ледникового периода.

Кейт не помнила, чтобы она за свою жизнь когда-нибудь кричала, но она решила закричать сейчас.

У нее не было ни шанса. Хватка на запястье усилилась, не успев даже вдохнуть, девушка почувствовала, что ее толкнули и потянули куда-то. Мужчина в странном одеянии тащил ее назад, к телетрапу Джетуэй[5]. Только там уже не было самолета, и коридор был пуст. Двойные двери были закрыты, отрезая Кейт от аэропорта. Девушка по-прежнему была слишком шокирована, чтобы закричать.

— Не двигайся, и я не причиню тебе боли, — мрачно сказал мужчина в красном. Его кошачьи глаза были суровыми.

Кейтлин не верила ему. Он был из какой-то секты, и, очевидно, был безумен, раз затащил ее в это безлюдное место. Ей нужно было бороться с ним раньше. Ей нужно было

закричать, когда у нее был шанс. Теперь она в ловушке.

Не отпуская ее руки, мужчина капался у себя в одежде.

«Ищет пистолет или нож», — подумала Кейт. Ее сердце бешено стучало. Если бы он хоть на секунду ослабил хватку на ее руке, если бы она могла добраться до другой стороны дверей, где были люди...

— Вот, — сказал мужчина. — Все, что мне нужно, чтобы ты посмотрела на это.

Он держал в руках вовсе не оружие, а листок бумаги. Сложенный, глянцевый листок.

Ошеломленной Кейт показалось, что это брошюра.

«Не могу поверить в это, — подумала девушка. — Он сумасшедший»

— Просто посмотри, — повторил мужчина.

Кейтлин не могла не посмотреть, он держал листок прямо у нее перед лицом. Листок оказался цветной фотографией сада роз. Сад роз, обнесенный стеной, с фонтаном по центру и чем-то высывающимся из него.

«Может, скульптура из льда?» — потрясенно подумала Кейт. Она была высокой, белой и полупрозрачной, как ограненная колонна. В одной из многих граней было видно крошечное, совершенное отражение розы.

Сердце Кейтлин все еще бешено билось. Это все было слишком странным. И так же страшно, как если бы он пытался причинить ей боль.

— Этот кристалл... — начал мужчина, и Кейт увидела свой шанс.

Когда он заговорил, железная хватка на руке немного ослабла, а его глаза были сосредоточены на фото. Кейт дернулась назад, радуясь, что на ней было красное платье и туфли-лодочки, и ударила двухдюймовым[6] каблуком мужчине по голени. Тот вскрикнул и отпустил ее.

Кейт стукнула обеими руками по двойной двери и вырвалась в аэропорт, затем она просто побежала. Побежала, не оглядываясь, чтобы посмотреть преследует ли ее тот мужчина. Она избегала стульев и телефонных будок, слепо направляясь к толпе людей.

Девушка не остановилась, пока не услышала, как кто-то окликнул ее по имени.

— Кейтлин!

Это была Джойс, направляющаяся в другую сторону, в сторону ворот. Кейтлин никогда не испытывала такого облегчения при виде кого-то знакомого.

— Извини, движение было ужасным, а парковаться в этом месте всегда... — она замолчала. — Кейтлин, что случилось?

Кейт сжалась в объятиях Джойс. Теперь она была в безопасности. Ей даже почему-то хотелось смеяться.

«Истерика, наверное», — сказала она себе. Ее ноги дрожали.

— Это было слишком странно, — произнесла она, тяжело дыша. — Там был парень из какой-то секты или что-то вроде того, и он схватил меня. Скорее всего, ему нужны были только деньги, но я подумала...

— Он схватил тебя? Где он сейчас?

Кейтлин неясно махнула рукой.

— Где-то там. Я ударила его и убежала.

В аквамариновых глазах Джойс мелькнуло мрачное одобрение, но все, что она сказала, это:

— Пошли. Нам лучше рассказать об этом службе безопасности аэропорта.

— О, да я в порядке. Он просто какой-то ненормальный...

— От таких психов мы избавляемся. Даже в Калифорнии, — категорично сказала Джойс.

Служба безопасности отправила людей искать мужчину, но его уже там не было.

— Кроме того, — сказал Кейтлин и Джойс охранник. — Он не мог открыть двери к телетрапу. Они закрыты.

Кейтлин не хотелось спорить. Ей хотелось все забыть и поехать в Институт. Совсем не так она планировала свой грандиозный приезд в Калифорнию.

— Поехали,— сказала она Джойс.

Та вздохнула и кивнула.

Они забрали багаж Кейтлин и отнесли его в быстрый маленький автомобиль с откидным верхом, машину Джойс. Кейт чувствовала, как она подскакивает на сидении, пока Джойс вела машину. Дома было холодно, с двадцатидюймовым[7] слоем снега на земле. А здесь они ехали с откинутым верхом, и светлые волосы Джойс растрепались от ветра.

— Как та девочка из аварии? — поинтересовалась Джойс.

Настроение Кейтлин упало до нуля.

— Она все еще в больнице. Неизвестно, будет ли она в порядке, — Кейт сжала губы, показывая, что она больше не собирается отвечать на вопросы о Линди.

Но Джойс больше не задавала вопросов, вместо этого она сказала:

— Двое твоих соседей уже в Институте, Льюис и Анна. Я думаю, они тебе понравятся.

«Льюис – мальчик».

— А сколько мальчиков из нас пятерых? — спросила Кейтлин с подозрением.

— Боюсь, что трое, — серьезно ответила Джойс и, взглянув на Кейт, развеселилась.

Кейтлин отказывалась быть веселой. Три мальчика и только одна другая девушка. Трое неряшливых, с мясистыми ладонями, слишком большие, чтобы сдерживаться, с бушующими гормонами Пауэр Рейнджера[8] .

Кейт однажды опробовала парней. Два года назад, когда она была младше. Она позволила одному из них водить ее гулять, возить к озеру Эри каждый пятничный и субботний вечер. И она мирилась с тем, что он от нее хотел, с некоторой частью того, что он хотел, пока он болтал о Металлике[9], Бенгалз[10] и Транс-Ам[11], о которых Кейт ничего не знала. После первого свидания Кейтлин решила, что парни, должно быть, — инопланетная раса, и просто пыталась ладить с ним, не вслушиваясь в то, о чем он говорил. Она все еще надеялась, что он возьмет ее на следующую вечеринку со своей компанией.

Кейт уже полностью ее распланировала. Он привезет ее в один из тех больших домов на холме, куда ее никогда не приглашали. Она наденет что-нибудь неброское, чтобы не выделяться на фоне хозяйки. Со своим бой-френдом, обнимающим ее, девушка будет скромно держаться в тени, и она будет хвалить все, что увидит. И вся компания поймет, что Кейтлин не монстр, и они впустят ее к себе, может, не сразу же, а через какое-то время, как только они привыкнут, что теперь она рядом.

Ошибка.

Когда она упомянула о вечеринке, ее любящий озера бой-френд ходил вокруг да около, в конце концов правда вышла на поверхность. Он не собирался брать ее с собой на люди, она была достаточно хороша, чтобы быть с ним наедине в темноте, но не настолько, чтобы его видели с ней днем.

Это был один из тех случаев, когда было очень трудно не расплакаться. Сжав губы, она приказала ему отвезти ее домой. Он становился все злее и злее, пока они ехали. Когда Кейтлин резко распахнула дверь, парень сказал:

— В любом случае я собирался тебя бросить. Ты не похожа на нормальную девушку. Ты холодная.

Кейт уставилась в след уже уехавшей машины. Итак, она была ненормальной. Ну и ладно, она это знала и раньше. Итак, она была холодной, и то, как он это сказал, делало очевидным, что он имел в виду не только ее личность. Он имел в виду что-то большее.

Ну что ж, это тоже нормально. Она лучше будет холодной всю свою жизнь, чем будет что-то чувствовать к парню, похожему на этого. Воспоминание о его влажных ладонях на ее руках тут же заставило ее захотеть вытереть собственные руки о подол красного платья.

«Итак, я холодная, — подумала Кейтлин, шевелясь на переднем сидении машины Джойс. — И что? В жизни есть другие вещи, которыми стоит интересоваться».

И на самом деле ей было все равно, сколько парней в Институте. Она будет игнорировать их всех. Она будет вместе с Анной. Она надеялась, что Анна не была помешана на парнях.

«И то, что ты ей понравишься», — добавил тихий раздражающий внутренний голос. Кейтлин подавила эту мысль и покрутила головой, отбросив назад волосы, наслаждаясь движением и лучами солнца.

— Еще очень далеко? — спросила она. — Не могу дождаться.

Джойс рассмеялась.

— Нет, осталось немного.

Сейчас они ехали по жилым улицам. Кейт нетерпеливо осмотрелась по сторонам, чувствуя покалывание в животе. Что, если институт был слишком большим, слишком стерильным и слишком пугающим? Она представила себе огромное, широкое краснокирпичное здание, что-то вроде ее старой школы в Тарафэре.

Джойс свернула с дороги, и Кейт уставилась на дом.

— Это он?

— Ага.

— Но он же пурпурный[12].

Он был совершенно пурпурный. Кровельные стороны были светлыми, но при этом насыщенного пурпурного цвета. Внутренняя деревянная отделка окон была темно-пурпурной. А дверь и изогнутый балкон сияли блестящим пурпурным цветом. Единственное, что не было этого цвета, — шиферная серая крыша и кирпичи в трубе.

Кейт чувствовала себя так, будто ее уронили в бассейн с виноградным соком. Она не знала, нравится ли ей комбинация цветов, или она ее просто ненавидит.

— У нас еще не было времени, чтобы покрасить его, — объяснила Джойс, паркуясь. — Мы были заняты изменением большей части первого этажа в лаборатории. Ты можешь все осмотреть завтра. А сейчас... Не хочешь ли ты познакомиться со своими соседями?

Кейт почувствовала, как ее желудок сжался. Институт был намного меньше, намного теснее, чем она представляла. Она действительно будет жить с этими людьми.

— Конечно, это то, что надо, — ответила она, и подняла голову очень высоко, выходя из машины.

— Пока не беспокойся о багаже, просто заходи. Иди прямо, мимо гостиной, и ты увидишь лестницу справа, иди наверх, весь второй этаж для вас, ребята. Я сказала Анне и Льюису, что вы можете решить ситуацию с ванной самостоятельно.

Кейтлин пошла, стараясь не медлить, но и не спешить. Она никому не позволит увидеть, как она нервничает. Слишком пурпурная парадная дверь была не заперта. Внутри дом не был такого оттенка. Он выглядел достаточно обычным, с большой гостиной справа и довольно большой столовой слева.

«Не смотри туда сейчас. Иди наверх».

Ноги Кейтлин ступали по плиточному холлу, который отделял гостиную от столовой, пока она не добралась до лестницы.

«Не торопись. Дыши».

Но ее сердце билось слишком быстро, а ноги хотели скакать по ступенькам. Лестница развернулась на сто восемьдесят градусов на площадке, и девушка была наверху.

Коридор был набит беспорядочно сваленными остатками мебели. Впереди, слева от Кейт, была открыта дверь, и девушка могла слышать голоса находившихся в комнате.

«Ладно, да какая разница, хорошие ли они? Возможно, они подонки, но мне плевать. Мне никто не нужен, а может, я смогу научиться накладывать проклятья на людей».

Паника, возникшая в последнюю минуту, сделала Кейтлин безрассудной, и она зашла в комнату почти воинственно.

И остановилась. Девушка сидела на коленках на не застеленной кровати. Милая девушка, привлекательная, темненькая, с высокими скулами и с выражением безмятежности на лице. Воинственность Кейтлин постепенно рассеялась, и все те стены, которые она обычно держала вокруг себя, стали рушиться. Казалось, от девушки веяло покоем, как прохладным ветерком. Она улыбнулась.

— Ты Кейтлин.

— А ты... Анна.
— Анна Ева Вайтрейвэн.
— Какое удивительное имя, — сказала Кейт.

Это не было тем, что говорили в школе Уоррен Джи, но Кейтлин больше не была там. На безмятежном выражении лица Анны появилась очередная улыбка.

— А у тебя красивые глаза, — сказала она.
— Да? — нетерпеливо произнес другой голос. — Эй, повернись.

Кейт уже поворачивалась. В дальней части комнаты был альков[13] с окном. Оттуда и выходил парень. Он не выглядел угрожающе. У него была кипа темных волос и темные миндалевидные глаза. По фотоаппарату в его руках Кейт поняла, что он снимал из открытого окна.

— Улыбайся, — вспышка ослепила Кейтлин.
— Оу!

— Извини, я хотел запечатлеть момент, — парень отпустил камеру, и она подпрыгнула на ремне, висающем на его шее. Он протянул руку. — У тебя действительно красивые глаза. Немного странные. Я Льюис Чао.

Кейт решила, что у него приятное лицо. Он не был большим и грубым парнем, скорее маленьким и изящным. Его рука не была потной, когда она пожала ее, и его глаза не были голодными.

— Льюис фотографирует с того момента, как мы приехали утром, — сказала Анна. — У нас уже весь район запечатлен.

Кейтлин поморгала, чтобы отойти от вспышки, и с любопытством посмотрела на Льюиса.

— Да? А откуда ты?
«Это, должно быть, еще дальше Огайо», — подумала она.
Он блаженно улыбнулся.
— Из Сан-Франциско.

Кейтлин засмеялась, и внезапно они засмеялись все вместе. Не злобным смехом, не смеясь над кем-то, а удивительными потоками хихиканья. И тогда Кейт поняла.

«Я буду здесь счастлива», — осознала она. Это было слишком глобальное открытие, чтобы принять его сразу. Она будет счастлива год. Перед ней открылся потрясающий вид. Она сидит у камина, который видела внизу, учится, остальные работают над проектами, все связано теплом и пониманием, даже когда они заняты своими делами. Совсем разные, но не обращающие внимания на отличия.

Нет нужды в выстраивании стен между ними.

Они охотно начали разговаривать в теплой дружелюбной атмосфере. Казалось вполне естественным, сесть рядом с Анной на кровати.

— Я из Огайо, — начала Кейт.
— Ага, любительница конских каштанов[14], — вставил Льюис.
— Я из штата Вашингтона, — сказала Анна. — Недалеко от Пьюджет-Саунд.
— Ты коренная американка, да?
— Да, суквамиш[15].
— Она разговаривает с животными, — сказал Льюис.

Анна кротко поправила:

— На самом деле я не говорю. Я могу влиять на них, чтобы они делали определенные вещи. Это что-то типа проецирования мыслей, как говорит Джойс.

Проецирование мыслей животным? Несколько недель назад Кейт бы сказала, что это — безумие, но тогда не является ли ее собственный «дар» безумным? Если возможен один, то возможен и другой.

— Я владею психокинезом. Могу управлять предметами усилием воли.
— Типа... можешь гнуть ложки? — спросила Кейт неуверенно.
— Не, сгибание ложек — это трюк. Настоящий психокинез затрагивает только

маленькие предметы, например, отклонение стрелки компаса. А ты что делаешь?

Неожиданно для нее самой сердце Кейтлин стало громко биться. Она никогда в своей жизни не произносила вслух то, что собирается сказать сейчас.

— Ну... Я как бы вижу будущее. Если не я, то, по крайней мере, мои рисунки видят. А потом я смотрю на картинки и понимаю, что они показывают. Но обычно только после того, как что-то уже произошло, — бессвязно закончила Кейт.

Льюис и Анна выглядели задумчивыми.

— Это круто, — наконец сказал Льюис, а Анна спросила:

— Так ты художница?

Облегчение, которое испытала Кейтлин, было болезненным, а его последствие заставило ее ликовать.

— Ну да, я люблю рисовать.

«Я бы хотела порисовать прямо сейчас», — подумала она, желая взять свои пастели. Она бы нарисовала Анну... жжено-коричневым, матово-черным и охрой. И Льюиса... иссиня-черным его волосы, которые были такими сияющими, и чем-то вроде смеси телесной охры для его кожи.

«Позже», — сказала она себе.

Вслух же она произнесла:

— Что там насчет комнат? Кто куда?

— Это именно то, что мы пытались решить все это время, — сказала Анна. — Проблема в том, что предполагается, что нас пять студентов, а у них только четыре спальни. Вот эта и следующая, которая даже еще больше, и две маленькие в задней части дома.

— И только в больших есть кабельное телевидение. Объяснял и объяснял я, — добавил Льюис, выглядя несчастным. — Мне нужно MTV, но она не понимает. И мне нужно достаточное количество розеток для компьютера, для стерео и остального, и только в больших комнатах их хватает.

— Это нечестно с нашей стороны — взять хорошие комнаты, пока остальные даже не приехали, — ответила Анна спокойно, но твердо.

— Но мне нужно MTV, а то я умру.

— Ладно, мне кабель не нужен, — произнесла Кейт. — Но мне нужна комната, выходящая на север, я люблю рисовать по утрам.

— Ты еще не слышала самую плохую новость, во всех комнатах разные вещи, — проинформировал Льюис. — Следующая комната огромная, в ней очень широкая кровать, балкон и джакузи. В этой есть альков и личная ванная, но в ней нет платяного шкафа. У двух оставшихся комнат есть нормальные шкафы, но у них общая ванная.

— Очевидно, что большая комната должна принадлежать тем, кто будет делить ее, потому что двоим из нас придется жить вместе, — сказала Кейтлин.

— Здорово. Я буду делить комнату с любой из вас, — быстро сказал Льюис.

— Нет-нет-нет, дай-ка мне сначала посмотреть на свет в маленьких комнатах, — сказала Кейт, вскакивая с кровати.

— Лучше проверь джакузи, — крикнул ей в след Льюис.

В коридоре Кейтлин повернулась, чтобы посмеяться над ним, и столкнулась с кем-то, поднимающимся по лестнице.

Столкновение не было сильным, но Кейт автоматически отпрянула и ударилась ногой обо что-то твердое. В колене вспыхнула жгучая боль, заставив ее на мгновение потерять дар речи. Она сжала зубы и злобно посмотрела на вещь, которая была причиной ее боли. Это была тумбочка с выдвинутым ящиком с острыми краями.

«Что вообще вся эта мебель делает в коридоре?»

— Извини, пожалуйста, — протянул тихий голос с южным акцентом. — Ты в порядке?

Кейтлин взглянула на загорелого блондина, который налетел на нее. Конечно же, это был парень. И большой, не такой маленький и безобидный, как Льюис. Он был из тех

парней, которые приводят в возбуждение все вокруг себя, полностью заполняя своим присутствием коридор. Весьма мужественным присутствием. Если Анна была прохладным ветром, то этот парень был золотой солнечной вспышкой.

Так как продолжать игнорировать парня было невозможно, Кейтлин направила свой самый лучший взгляд на него, он мягко посмотрел в ответ, а Кейт с удивлением осознала, что его глаза были янтарного цвета, золотого, всего на несколько оттенков темнее его волос.

— Тебе больно, — очевидно, парень принял ее озлобленный взгляд за страдание. — Где болит? — потом он сделал то, что повергло Кейтлин в шок: он встал на колени.

«Он собирается просить прощение, — с ужасом подумала она. — О Боже, в Калифорнии все чокнутые».

Но парень не извинялся, он даже не смотрел на нее, он тянулся к ее ноге.

— Это здесь, да? — спросил он голосом джентльмена с южным акцентом.

Кейт открыла рот, но все, что она могла делать, это смотреть на него, она стояла, прислоняясь спиной к стене, и не могла сбежать.

— Вот здесь? В этом месте? — ловко и бесцеремонно он приподнял подол красного платья.

Кейтлин была в шоке. Просто до этого с ней не случалось ничего подобного, что помогло бы ей понять, как поступить в такой ситуации. Совершенно незнакомый человек, лезущий к ней под юбку в публичном месте. Но как он это делал... не как озабоченный парень, а скорее... скорее, как врач, осматривающий пациента.

— Это не порез, а просто шишка, — сказал парень. Он не смотрел ни на ее ноги, ни на нее, он смотрел вниз по коридору. Его пальцы легко ощупывали поврежденное место, как бы оценивая его. Пальцы были сухими, но теплыми, неестественно теплыми.

— Если ничего не делать, у тебя останется большой синяк. Почему бы тебе не замереть ненадолго и дать мне посмотреть, смогу ли я помочь.

Эти слова, наконец, заставили Кейтлин заговорить.

— Замереть? Не двигаться? Зачем?

Молодой человек махнул рукой.

— Пожалуйста, не шуми.

Кейт была поражена.

— Да, — сказал парень, как бы обращаясь к себе. — Да, я думаю, я смогу немного помочь. Я попробую.

Кейт не двигалась, потому что она была парализована. Она ощущала его пальцы сзади на ее колене, месте ужасно интимном, невероятно нежном и уязвимом. Кейтлин не могла вспомнить никого, кто дотрагивался до этого места, даже врача.

Затем прикосновение изменилось. Оно стало обжигающе покалывающим. Как медленный огонь. Это было почти больно, Кейт выдохнула.

— Что ты со мной делаешь? Прекрати! Что ты делаешь?

Он ответил тихим, неторопливым голосом, даже не взглянув на нее:

— Направляю энергию. Пытаюсь.

— Я сказала, прекрати, ой!

— Пожалуйста, сотрудничай со мной сейчас, а не борись.

Кейтлин просто посмотрела на его макушку, его золотистые волосы были непослушными, укладываясь кудряшками и локонами.

Странное ощущение охватило Кейтлин, оно текло из колена по всему телу, распространяясь по каждому сосуду и капилляру.

Чувство восстановления и обновления. Это, как глотнуть чистой холодной воды, когда ты невероятно сильно хочешь пить, или промокнуть в приятно ледяном тумане, когда тебе очень жарко. Кейтлин внезапно почувствовала, что до этого момента она проснулась не до конца.

Теперь парень выполнял какие-то странные движения, как будто удаляя нитки с ее колена. Прикоснулся, стряхнул. Прикоснулся, стряхнул. Как будто собирал что-то, а потом

стряхивал капли воды с пальцев.

Внезапно Кейтлин поняла, что боль прошла.

— Вот и все, — весело сказал молодой человек. — Если сейчас я накрою это, — он прикоснулся теплой ладонью к задней части ее колена, — синяк не появится.

Парень быстро поднялся и отряхнул руки. Он дышал так, как будто пробежал кросс на скорость. Кейтлин уставилась на него. Она сама чувствовала себя готовой бежать. Она никогда не ощущала себя такой свежей, оживленной. В этот момент она еще разок взглянула на его лицо и подумала, что ей, возможно, стоит присесть.

Когда он посмотрел на нее, она ожидала... ну, она не знала, чего именно. Но чего она точно не ожидала, так это быстрой, почти рассеянной улыбки от парня, который уже повернулся, чтобы уйти.

— Извиняюсь за это. Я думаю, я лучше пойду вниз и помогу Джойс с багажом, прежде чем собою еще кого-нибудь.

Он начал спускаться вниз.

— Подожди минутку, кто ты? И...

— Меня зовут Роб. — Улыбнулся он через плечо. — Роб Кесслер. Он дошел до лестничной площадки, развернулся и исчез.

— И как ты делаешь это? — сказала Кейт в пустоту.

«Роб. Роб Кесслер», — подумала она.

— Эй, Кейтлин, — позвал ее голос Льюиса из спальни. — Ты еще там? Эй, Кейтлин, иди быстрее сюда.

Кейт колебалась, все еще смотря вниз лестницы. Затем она собрала свое самообладание и медленно вошла в комнату. Льюис и Анна были в алькове и выглядывали из окна.

— Он здесь, — взволнованно сказал Льюис и достал фотоаппарат. — Это должен быть он.

Глава 3

— Кто? — спросила Кейтлин, надеясь, что никто не посмотрит на нее внимательно. Она чувствовала, что покраснела.

— Мистер Зитс, — ответил Льюис. — Джойс говорила, что у него есть лимузин.

Черный лимузин был припаркован у дома, одна из его задних дверей была открыта. Седой мужчина, одетый в пальто, стоял рядом с ней.

«В этом пальто должно быть ужасно жарко в такой день в Калифорнии», — отметила про себя Кейт. В руке мужчина держал трость с золотым наконечником.

«Настоящая трость с золотым наконечником», — восхитилась Кейтлин.

— Посмотрите, он привез нескольких друзей, — сказала Анна, улыбаясь. Два больших черных пса выпрыгнули из машины и устремились к кустам, но затем вернулись по призыву хозяина и встали по обе стороны от него.

— Мило, — сказала Кейтлин. — Но что это?

Белый фургон заворачивал в проезд, на его боку было написано «Отдел по Делах Молодежи».

Льюис опустил камеру.

— Господи, это ж Калифорнийский отдел по делам молодежи.

— Который?..

— Все, конечная. Именно туда помещают ооооочень плохих парней. Отчаянных ребят, которые не могут содержаться в обычных местах для малолетних преступников.

Тихий голос Анны произнес:

— Ты имеешь в виду, это тюрьма?

— Мой отец говорит, это место для ребят, которые уже на пути в тюрьму штата. Ну, вы в курсе, убийцы... и типа того.

— Убийцы? — воскликнула Кейтлин. — И что же тогда эта машина делает здесь? Вы

же не думаете...

Кейт посмотрела на Анну, которая взглянула на нее. Ее безмятежность слегка рассеялась. Очевидно, Анна подумала о том же.

Они обе посмотрели на Льюиса, чьи миндалевидные глаза были широко открыты.

— Я думаю, нам лучше спуститься туда, — предложила Кейтлин.

Они поспешили вниз, выбегая на деревянное крыльцо и стараясь не привлекать внимания. Но в любом случае никто и не смотрел на них. Мистер Зитс разговаривал с офицером, одетым в вещи защитного цвета, который стоял у фургона. Кейтлин могла уловить только несколько слов из того, что было сказано: «полномочия судьи Болдвина», «Калифорнийский отдел по делам молодежи» и «реабилитация».

— Под вашу ответственность, — закончил офицер и отошел от двери фургона.

Оттуда вышел молодой человек. Кейтлин могла почувствовать, как поползли вверх ее брови.

Он был поразительно красив, но в его лице и движениях была сдержанная осмотрительность. Его волосы и глаза были темные, а кожа была достаточно бледной.

«Один из немногих людей без загара в Калифорнии», — подумала Кейтлин.

— Светотень, — пробормотала она.

— Что? — прошептал Льюис.

— Это художественный термин. Означает свет и тень, как на картине, где используются только белые и черные цвета.

Когда Кейт закончила, она почувствовала, что дрожит. Было что-то странное в нем. Как будто бы, как будто бы...

«Как будто бы он не был благоразумным, — подсказал ей внутренний голос. — По крайней мере, именно это фразу использовали люди дома в отношении тебя, так?»

Фургон уехал, и мистер Зитс с темноволосым парнем направились к двери.

— Похоже, у нас новый сосед, — тихо вымолвил Льюис. — О Боже.

Мистер Зитс вежливо кивнул группе, собравшейся у входа.

— Вижу вы уже здесь. Думаю, все прибыли. И если вы зайдете внутрь, я думаю, мы сможем начать наше знакомство.

Он вошел, оба пса последовали за ним.

«Это ротвейлеры, — заметила Кейт, — и довольно свирепо-выглядящие».

Анна и Льюис молча отступили, как только новый парень приблизился, но Кейт не сдвинулась с места. Она знала, каково это, если люди шарахаются, когда ты проходишь рядом с ними. Он прошел очень близко с ней и обернулся, чтобы прямо посмотреть на нее. Кейт увидела, что его глаза не были черными, они были очень темного серого цвета. У Кейтлин возникло ясное ощущение того, что он хотел выбить ее из колеи, заставить опустить глаза.

«Интересно, что он сделал, что попал в тюрьму», — подумала девушка, снова чувствуя холод. Она последовала за остальными в дом.

— Мистер Зитс! — радостно воскликнула Джойс из гостиной. Она схватила руку пожилого человека, улыбаясь и воодушевленно жестикулируя при разговоре с ним.

Внимание Кейт привлекла светловолосая голова у лестницы. Роб Кесслер поддерживал большую спортивную сумку, ее спортивную сумку, висющую на плече. Он увидел их группу, когда они вошли, и направился к ним ... а затем остановился.

Все его тело напряглось. Кейт проследила за его взглядом, он смотрел на нового парня, стоящего в фойе.

Тот был так же напряжен. Он внимательно смотрел на Роба своими темно-серыми, полными ледяной ненависти глазами. Его тело приняло такую позу, словно он был готов напасть на Роба, как только тот подойдет ближе.

Один из ротвейлеров, стоящих рядом с мистером Зитсом, зарычал.

— Хороший песик, Карл, — нервно произнес Льюис.

— Ты, — сказал новенький Робу.

— Ты, — ответил ему Роб.

— Вы знаете друг друга? — обратилась Кейт к ним обоим.

Роб ответил, не отрывая глаз от лица того парня, настороженного лица:

— С давних пор. — И уронил сумку с глухим звуком.

— С недостаточно давних пор, — ответил другой. В отличие от южного, растягивающего слова голоса Роба, голос второго был резким и четким.

Теперь рычали оба пса.

«Что ж, похоже, это разрушает все шансы на гармоничное сосуществование между соседями», — подумала Кейтлин. Она заметила, что мистер Зитс и Джойс перестали разговаривать и смотрели на студентов.

— Кажется, мы все собрались, — сказал мистер Зитс довольно сухо.

А Джойс произнесла:

— Давайте, идите все сюда. Это то, чего я ждала.

Роб и новый парень медленно оторвали взгляды друг от друга. Джойс послала радостную улыбку собравшимся вокруг. Ее аквамариновые глаза сияли.

— Ребята, это большая честь для меня — представить вам человека, который привез вас всех сюда, человека, который отвечает за этот проект. Это мистер Зитс.

Кейт на секунду показалось, что нужно заплотировать. Вместо этого она вместе с остальными пробормотала «Здравствуйте». Мистер Зитс кивнул в знак признательности, и Джойс продолжила.

— Мистер Зитс, это и есть наше войско. Анна Вайтрейвэн из Вашингтона. — Пожилой человек пожал ей руку, как и остальным, пока Джойс представляла их. — Льюис Чао из Калифорнии. Кейтлин Фэйрчайлд из Огайо. Роб Кесслер из Северной Каролины и Габриэль Вулф из ... всех мест понемногу.

— Ага, в зависимости от того, где висят обвинения, — протянул Роб не очень громко. Мистер Зитс пронзил его взглядом.

— Габриэля освободили под мою опеку, — сказал он. — Его условное освобождение позволяет ему ходить в школу. Все остальное время он проводит в Институте. Он знает, что случится, если он попытается нарушить эти условия, так ведь, Габриэль?

Темно-серые глаза Габриэля переместились с Роба на мистера Зитса. Он произнес лишь одно невыразительное «да».

— Хорошо. — Мистер Зитс посмотрел на остальных. — Пока вы все здесь, я надеюсь, вы постараетесь ладить друг с другом. Я сомневаюсь, что кто-то из вас в вашем возрасте может осознать, какой великий дар был вам дан. Ваша единственная задача здесь — понять, как вы мудро можете использовать его и извлечь из него максимальную выгоду.

«А теперь напутствие», — подумала Кейт, изучая мистера Зитса. У него была внушительная кипа седых волос на голове и широкий благосклонный лоб.

Кейтлин внезапно решила:

«Я знаю, на кого он похож. На дедушку маленького Лорда Фаунтлероя[16], на графа».

Но граф не устроил обычное напутствие.

— Очень важно, чтобы вы поняли с самого начала, что вы отличаетесь от всего человечества. Вы были... избраны. Отмечены. Вы никогда не будете похожи на остальных людей, и нет смысла даже пытаться. Вы подчиняетесь другим законам.

Кейт почувствовала, что начала хмуриться. Джойс говорила что-то подобное. Но слова мистера Зитса имели другой оттенок. И она не была уверена, нравится ли ей это.

— Внутри вас есть нечто, что нельзя подавить. Скрытая сила, горящая подобно пламени, — продолжил он. — Вы превосходите человечество, не забывайте об этом.

«Он пытается нам польстить? — размышляла Кейт. — Если да, то это не работает. Все звучит... как-то неубедительно».

— Вы первопроходцы в исследовании, которое обладает бесконечными возможностями. Работа, которую вы выполняете, может изменить отношение целого мира к экстрасенсорным способностям, изменить то, как человечество видит себя. В ваших силах,

молодые люди, принести пользу людям всего мира.

Внезапно Кейт почувствовала сильное желание порисовать.

Не обычную потребность, такую, как желание нарисовать Льюиса и Анну. Это была потребность, которая сопровождалась зудом в руке и внутренней дрожью... которая означала предчувствие.

Но она не могла просто уйти, пока мистер Зитс говорил. Она осмотрела комнату, чтобы отвлечься и встретила взгляд Габриэля.

Прямо сейчас его глаза были темными и озорными, как будто что-то в речи мистера Зитса позабавило его. Цинично позабавило.

Потрясенная, Кейтлин поняла, что он выглядел так, если бы он тоже нашел слова мистера Зитса не слишком убедительными. И, казалось, его взгляд говорил о том, что он знал, что она считает так же.

Кейт почувствовала, что начала краснеть. Она вновь быстро перевела взгляд на мистера Зитса, придавая лицу заинтересованное, почтительное выражение. В конце концов, он был тем, кто оплачивает ее стипендию. Возможно, он немного эксцентричен, но у него, очевидно, доброе сердце.

К тому времени, когда речь была окончена, желание рисовать прошло.

После того, как мистер Зитс закончил, Джойс сказала несколько слов о том, что ей бы хотелось, чтобы они сделали все от них зависящее в следующем году

— Я буду жить в Институте вместе с вами, — добавила она. — Моя комната — вон там. — Она указала на стеклянные створчатые двери за гостиной, они выглядели так, будто вели на улицу. — Не стесняйтесь заходить ко мне в любое время дня или ночи. О, вот еще кое-кто, с кем вы будете работать.

Кейтлин повернулась и увидела девушку, идущую по столовой. Она выглядела как студентка колледжа, у нее были ниспадающие коричневато-красные волосы и полные губы, которые выглядели слегка надутыми.

— Это Марисоль Диаз, студентка из Стэнфорда, — сказала Джойс. — Она не будет жить здесь, но будет приходить ежедневно, чтобы помогать с вашими тестированиями. Еще она будет помогать мне готовить. Вы найдете расписание приема пищи на стене в столовой, а по остальным правилам поведения в доме мы пройдемся завтра. Вопросы?

Все покачали головами.

— Хорошо. Тогда почему бы вам сейчас не подняться наверх и не договориться о своих комнатах? Я знаю, некоторые из вас, должно быть, устали из-за смены часовых поясов. Марисоль и я что-нибудь сообразим на ужин.

Кейт устала. Хотя на часах было только 5:45, в Огайо было на три часа больше. Мистер Зитс попрощался со всеми и пожал им руки, после чего Кейтлин и остальные отправились наверх.

— Что вы о нем думаете? — прошептала она Льюису и Анне, как только они поднялись.

— Внушительный и немного страшный. Я все ждал, что он представит Театр Шедевров[17], — так же тихо ответил Льюис.

— Те собаки были интересными, — заметила Анна. — Обычно я, вроде, могу понимать животных, могу определить, счастливы они или нет, ну, типа того. Но эти двое были очень сдержанными. Я бы не хотела пытаться повлиять на них.

Что-то заставило Кейт оглянуться, и она заметила, что Габриэль смотрел на нее. Это смутило ее, и она сразу же бросилась в атаку.

— А ты что думаешь? — сказала она.

— Я думаю, он собирается использовать нас в каких-то своих целях.

— Каких целях? — спросила Кейт резко.

Габриэль скучающе пожал плечами.

— Откуда мне знать? Может, чтобы улучшить имидж корпорации. «Компания Силиконовой долины приносит пользу человечеству». То же самое, что Шеврон[18],

финансирующая программы по охране дикой природы. Разумеется, он был прав относительно одного: мы превосходим человечество.

— А некоторые из нас превосходят вообще всех окружающих, не так ли? — спросил Роб с лестницы. — Некоторым из нас законы не писаны.

— Именно так, — сказал Габриэль с довольно пугающей улыбкой. Он шел по коридору, заглядывая в каждую комнату. — Ну, Джойс сказала нам, выбрать комнаты. Я думаю, я возьму... вот эту.

— Эй, — крикнул Льюис. — Это самая большая комната, комната с кабельным телевидением, джакузи и со всем...

Габриэль любезно ответил:

— Спасибо, что сообщил.

— Она гораздо больше всех остальных, — сказала Анна, потихоньку распаляясь. — Мы решили, она будет принадлежать тем, кто будет жить вдвоем.

— Ты не можешь просто забрабастать ее себе, — сделал вывод Льюис. — Мы должны проголосовать.

Серые глаза Габриэля сузились, а его губа приподнялась, он издал нечто, похожее на рычание. Всего шаг, и он был рядом с Льюисом.

— А ты знаешь, как выглядит тюремная камера? — спросил он холодным и безжалостным голосом. — Там есть кровать шириной в два фута[19] и металлический туалет. Одна железная скамейка прикреплена к стене, а другая вмонтирована в стол. И все. А я периодически попадал в такую клетку в течение двух лет. И сейчас, я полагаю, у меня есть право выбора. Хочешь с этим что-нибудь поделаться?

Льюис почесал нос, выглядя так, будто рассматривал это предложение. Анна оттащила его на шаг.

— MTV того не стоит, — сказала она ему.

Габриэль взглянул на Роба:

— А ты, деревенский паренек?

— Я не буду с тобой драться, если ты это имеешь в виду, — протянул Роб. Он выглядел так, будто одновременно испытывал и отвращение, и жалость. — Давай, занимай комнату, ты, жалкий подонок.

Льюис издал слабый звук протеста. Габриэль зашел в только что полученную комнату и начал закрывать дверь.

— Кстати, — сказал он, поворачиваясь, — всем лучше держаться подальше отсюда. После того, как ты проведешь так много времени в камере, ты начинаешь ценить свое личное пространство. Ну, типа, защищать свою территорию. Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал.

Когда дверь закрылась, Кейт произнесла:

— Габриэль — это же имя ангела[20]? — она сама слышала злостный сарказм в собственном голосе.

Дверь снова открылась, и Габриэль окинул ее долгим оценивающим взглядом. Затем сверкнул тревожной улыбкой.

— Ты можешь заходить в любое время, когда захочешь, — сказал он.

В этот раз дверь захлопнулась и так и осталась закрытой.

— Ну и ну, — вымолвила Кейтлин.

— Боже, — сказал Льюис.

Анна покачала головой:

— Габриэль Вулф[21] не похож на волка. Они очень общительные. За исключением волков-одиночек, изгнанников. Тех, кого выгнали из стаи. Если отправить волка далеко, он может немного сойти с ума и начать нападать на всех, кто приблизится к нему.

— Интересно, что у него за дар, — размышляла Кейт. Она взглянула на Роба.

Тот покачал головой.

— Я, на самом деле, не знаю. Я пересекался с ним в Северной Каролине в Дареме, в другом экстрасенсорном исследовательском центре.

— Другом? — переспросил Льюис, он казался удивленным.

— Да, родители возили меня туда, выяснить, смогут ли они понять те странные вещи, которые я делал. Я думаю, его родители сделали то же самое. Хотя он не был заинтересован в работе с сотрудниками. Ему нужно было, чтобы все было, как хотел он, и к чертям всех остальных людей. Закончилось тем, что пострадала девушка.

Кейт посмотрела на него, она хотела спросить «пострадала как?», но, судя по его закрытому выражению лица, она вряд ли получит ответ.

— В любом случае, это было более трех лет назад, — сказал Роб. — Он сбежал из центра после того, как это случилось. Я слышал, он ездил из штата в штат, везде попадая в разные неприятности, создавая массу проблем повсюду.

— О, отлично, — сказал Льюис. — И мы должны жить с этим парнем целый год.

Анна пристально смотрела на Роба.

— А что насчет тебя? Центр помог тебе?

— Разумеется. Они помогли понять, что именно я делаю.

— И что же ты делаешь? — встала Кейтлин, многозначительно переводя взгляд с Роба на свою ногу.

— Лечу, я полагаю, — просто ответил светловолосый парень. — В некоторых местах это называют терапевтическим прикосновением, в других — направлением энергии. Я стараюсь использовать это, чтобы помогать.

Смотря в его спокойные золотые глаза, Кейт почувствовала себя странным образом пристыженной.

— Я уверена, ты стараешься.

Это было равносильно ее «спасибо». Почему-то она не хотела, чтобы остальные знали, что произошло между ней и Робом до этого. Ее странным образом смущали он сам и ее реакция на него.

— Я уверен, мы все пытаемся, — просто сказал Роб. Его улыбка была ленивой, но заразной и практически неотразимой.

— Ну, мы пробуем, — подтвердила Анна.

Кейт взглянула на Льюиса, глаза которого были широко открыты, он промолчал. У нее было ощущение, что он, как и она сама, не слишком старался помогать людям своими способностями.

— Послушайте, — сказал Льюис, прочищая горло. — Я не хочу менять тему разговора, но... можно я следующий выберу комнату? Потому что я бы хотел... ммм... вот эту.

Роб зашел в комнату, на которую указал Льюис, затем вернулся в коридор и заглянул в оставшиеся две. Он обернулся и посмотрел на Льюиса, в его взгляде читалось: «Да ну, брось».

Льюис поник.

— Но это единственная оставшаяся с кабельным. А мне нужно мое MTV, мой компьютер и мое стерео, и...

— Есть только одна справедливая вещь, которую мы можем сделать, — сказал Роб. — Мы должны сделать эту комнату общей. Таким образом, все смогут смотреть телевизор, ведь внизу его нет.

— Но тогда, как же нам быть? — задал вопрос Льюис.

— Мы будем жить по двое в маленьких комнатах, — кратко сказал Роб.

Кейтлин и Анна взглянули друг на друга и улыбнулись. Кейт вовсе не возражала делить комнату с Анной, на самом деле, она была этому даже рада. Это будет почти то же самое, что иметь сестру.

Льюис простонал:

— А что же с моим стерео и вещами? Они не поместятся ни в одну из маленьких

комнат, особенно если там будет две кровати.

— Хорошо, — произнес Роб голосом, нетерпящим возражений. — Поставь их в общую комнату. Мы все сможем слушать стерео. Ну же, давайте, нам лучше начать двигать мебель.

Первое, что сделал Габриэль, это осмотрел свою новую комнату, бродя по ней тихими, осторожными шагами.

Он заглянул в каждый угол, включая ванную и шкаф. Комната была большой и роскошной, а балкон мог предоставить легкий путь для побега, если это вдруг понадобится.

Ему нравилась комната.

Он плюхнулся на широкую кровать и стал размышлять, нравилось ли ему еще что-либо в этом месте.

Там была девушка, та, что с глазами, как у ведьмы, и волосами, напоминающими пламя. Она могла бы быть интересным развлечением.

Внутри него что-то неприятно сжалось. Он заметил, что снова встал и бродит по комнате. Нужно будет убедиться, что это просто развлечение. Такой тип девушек может оказаться слишком интересным, может заставить тебя увлечься...

А это не должно повториться.

Никогда, потому что...

Габриэль прогнал эти мысли. Кроме девушки, ему тут мало что могло понравиться, зато были несколько вещей, которые он, определенно, будет ненавидеть. Кесслер. Ограничение свободы — домашний арест. Кесслер. Бессмысленность всего исследования, которое запланировали эти люди. Кесслер.

Он мог бы кое-что сделать с Кесслером, если бы хотел. Позаботиться о нем раз и навсегда. Но потом ему бы пришлось бежать, а если его поймают, он просидит в камере лет двадцать пять. Это того не стоит. Во всяком случае, пока.

Он посмотрит, насколько Кесслер окажется надоедливым. Это место было терпимым, и если он сможет протянуть здесь год, он разбогатеет. С таким количеством денег он сможет купить себе свободу, купить все, что хочет. Поживем, увидим.

А также он посмотрит, что там будет с тестированием его способностей. Что бы ни произошло, это их проблема, их вина.

Он устроился на кровати, было еще довольно рано, но он устал. Через несколько минут он уснул.

Кейт и остальные успели сделать не слишком много, когда Джойс позвала их на ужин. Кейтлин нравилось ужинать с пятью другими людьми, пятью, потому что Габриэль не вышел из своей комнаты, никак не отреагировав на их стук. Это было, как будто ты являешься частью большой семьи, казалось, все хорошо проводят время, может, за исключением Марисоль, которая мало говорила.

После ужина они вернулись к передвижению вещей. Здесь было полно мебели, из которой можно было выбрать то, что нужно. Груда вещей в коридоре и в комнатах, казалось, включала в себя все когда-либо созданные стили. В итоге, комната Анны и Кейт была укомплектована двумя не сочетающимися между собой кроватями, простым деревянным книжным шкафом, красивым французским провинциальным стулом и викторианским бюро с деревянной шторой, а также тумбочкой, которая до этого напала на Кейт в коридоре. Кейтлин все это очень нравилось.

Постановлением Роба, ванная комната между двумя маленькими спальнями была названа «ванной девушек».

— Девушкам необходимо, чтобы их вещи были рядом с ними, — непонятно объяснил он Льюису, который к тому времени уже просто пожимал плечами. — Парни будут пользоваться ванной общей комнаты.

Отправляясь спать, Кейтлин почувствовала себя по-настоящему счастливой. Косой лунный свет лился в окно за ее кроватью.

«Северный свет», — радостно отметила она.

Луна светила и на прекрасную корзину из коры кедра и вишни, которую Анна

поместила в книжный шкаф, и на маску Ворона, которую Анна повесила на стену. Сама девушка уже мирно посапывала в кровати.

Прошлая жизнь Кейтлин в Огайо казалось теперь очень далекой, и она была этому рада.

«Завтра воскресенье, — подумала она. — Джойс обещала показать нам лаборатории, а после этого, быть может, я немного порисую. А потом мы, возможно, осмотрим город. А в понедельник мы пойдем в школу, и будем неразлучной дружной компанией».

Какая отличная идея! Она знала, что, по крайней мере, Анна и Льюис захотят есть ланч вместе. Она надеялась, что Роб тоже. Что касается Габриэля, то, чем дальше он будет от нее, тем лучше. Ей совершенно не было его жаль.

Ее мысли начали ускользать. Непонятный дискомфорт, который она чувствовала из-за мистера Зитса, полностью исчез. Девушка легко погрузилась в сон.

Внезапно, она резко проснулась. Какая-то человеческая фигура стояла рядом с ее кроватью.

Кейтлин не могла дышать. Казалось, ее сердце бешено стучит где-то в горле. Лунного света не было, и она не могла разглядеть хоть какие-то детали человека, это был просто черный силуэт.

На долю секунды она, сама не зная почему, подумала: «Роб? Габриэль?»

Затем слабый свет проник в комнату через окно, и она увидела ореол красновато-коричневых волос и полные губы Марисоль.

— Что случилось? — прошептала Кейт, садясь. — Что ты здесь делаешь?

Глаза Марисоль были черны как тоннели.

— Остерегись... или отсюда уберись, — прошипела она.

— Что?

— Остерегись... или отсюда уберись. Вы, ребята, думаете, вы такие умные, такие необычные, да? Настолько превосходите остальных.

Кейтлин потеряла дар речи.

— Но вы совсем ничего не знаете. Это место не такое, как вы думаете. Я видела такое... — она покачала головой и грубо сказала: — Забудь. Тебе стоит быть осторожнее... — она внезапно замолкла и оглянулась назад. Кейтлин видела только черный прямоугольник дверного прохода, но ей показалось, что она слышала слабый шум дальше по коридору.

— Марисоль, что...

— Замолчи! Мне надо идти.

— Но...

Марисоль уже уходила, и секундой позже дверь в комнату Кейтлин тихо закрылась.

Глава 4

К следующему утру Кейт уже забыла о странном визите. Она проснулась из-за отдаленного звука и ощущения, что уже очень поздно. Взглянув на часы, девушка выяснила, что было 7:30, это означало, что в Огайо было 10:30.

Звон все еще продолжался. Анна села на кровати.

— Доброе утро, — сказала она улыбаясь.

— Доброе утро, — ответила Кейтлин, ощущая, как это замечательно — иметь соседа, вместе с которым можно просыпаться.

— Что это за шум?

Анна подняла голову.

— Без понятия.

— Я собираюсь выяснить, — Кейтлин встала и распахнула дверь ванной. Сейчас она могла слышать звон более отчетливо, а вместе с ним странный кричащий голос, похожий на мычание.

Девушка резко постучала в дверь, ведущую из ванны в комнату Роба и Льюиса. Как

только она услышала разрешение Роба: «да, входите», — Кейт открыла дверь и заглянула в комнату.

Роб сидел на кровати, его непослушные белокурые волосы были взъерошены как львиная грива. Его грудь была обнажена, Кейт заметила это с чувством беспричинного шока. На другой кровати была куча одеял, в которой, по-видимому, находился Льюис.

Кейтлин внезапно поняла, что на ней была лишь доходящая до колен футболка, в которой она всегда спит. Ей казалось вполне нормальным, ходить в ней, пока она не столкнулась с неоспоримой действительностью — парнями, живущими по соседству. Чтобы отвлечься от этих мыслей, она начала осматривать комнату в поисках источника звона и мычания. И тут она увидела это.

Это была корова. Корова, сделанная из белого фарфора, с будильником в животе. Сдержанный, резковатый голос исходил из нее, крича с заметным японским акцентом: «Про... снись!!! Не проспй свою жизнь! Про... снись!»

Кейтлин взглянула на говорящий будильник, потом на Роба. Роб улыбнулся своей ленивой, заразительной улыбкой, и внезапно все стало хорошо.

— Должно быть, она принадлежит Льюису, — с открытым от удивления ртом проговорила Кейт, а затем начала хихикать.

— Она классная, разве нет? — спросил приглушенный голос из-под одеял. — Я купил ее в Шарпер Имидж[22].

— Так вот, что мне стоит ждать от своих соседей, — сказала Кейт. — Мычания по утрам.

Они с Робом смеялись уже хором, и она решила, что пора закрыть дверь.

Сделав это, она посмотрела на себя в зеркало, висящее в ванной. Обычно она не тратила много времени на свое отражение. Но сейчас...

Ее волосы были весьма растрепаны, ниспадая в полном беспорядке на плечи. Тонкие рыжие кудри лежали на ее лбу. Ее необычные глаза с кольцами смотрели саркастически.

«Итак, тебе плевать на парней, да? — казалось, спрашивали они. — И почему же ты тогда думаешь о том, что в следующий раз нужно расчесать волосы, перед тем, как вваливаться к ним?»

Кейтлин резко повернулась в сторону душа, и в этот момент она вспомнила ночной визит Марисоль.

«Остерегись или отсюда уберись. Это место не такое, как вы думаете».

О Господи, неужели это действительно было? Это больше походило на сон, чем на реальность. Кейтлин стояла, замерев посреди ванной комнаты, ее утренняя эйфория сходила на нет. Была ли Марисоль сумасшедшей? Должно быть... Должно быть, у нее какое-то психическое расстройство: подкрадываться к людям посреди ночи и стоять у их кроватей.

«Мне нужно об этом с кем-то поговорить», — поняла Кейт. Но она не знала, с кем. Если она скажет Джойс, у Марисоль могут возникнуть проблемы. Это будет походить на ябедничество, к тому же, вдруг это был всего лишь сон?

В шумном, залитом солнцем утре, со звуками смеха и журчания утреннего душа повсюду, было невозможно даже рассматривать мысль, что предупреждение Марисоль было реальным. Что с Институтом в действительности было что-то не так.

Сама Марисоль была на кухне, когда Кейт спустилась вниз на завтрак. На вопрошающий взгляд Кейтлин она ответила угрюмым, ничего не выражающим взглядом.

А когда Кейт вежливо сказала: «Марисоль, можно с тобой поговорить?» — она нахмурилась и ответила, не отрывая взгляд от апельсинового сока, который наливала:

— Я занята.

— Но это о прошлой ночи.

Она уже ждала, что Марисоль скажет: «О чем ты говоришь?» — и это будет означать, что это был всего лишь сон. Но вместо этого Марисоль тряхнула красновато-коричневыми волосами и сказала:

— Ах, это. Ты что, не поняла? Это была шутка.

— Шутка?

— Конечно, глупая девчонка, — сказала Марисоль грубо. — Ты не догадалась? Вы, паранормальные ребята, такие самодовольные, не так ли?

Кейтлин потеряла самообладание.

— По крайней мере, мы не подкрадываемся по ночам и не ведем себя как лунатики, — огрызнулась она. — Еще раз так сделаешь, берегись.

Марисоль ухмыльнулась.

— А то что?

— А то... увидишь.

В этот момент остальные начали собираться на завтрак, и у Кейтлин появилось время продумать более конкретную угрозу. Она пробормотала:

— Ненормальная. — И схватила кекс.

Завтрак был оживленным, как и ужин накануне. Так же, как и вчера, Габриэль не объявился. Кейтлин уже совсем забыла о Марисоль, пока Джойс рассказывала о правилах поведения в доме и описывала некоторые эксперименты, которые будут проводить с ребятами.

— Мы проведем одну сессию тестирования сегодня утром, чтобы иметь базу, — сказала Джойс. — Но сначала все, кто хочет позвонить родителям, могут сделать это прямо сейчас. Кейтлин, я не думаю, что ты звонила папе вчера.

— Нет, но сейчас самое время. Спасибо, — ответила Кейт. На самом деле, она была, пожалуй, рада улизнуть из-за стола. Наблюдение за волосами Роба в утреннем солнечном свете заставляло ее странно себя чувствовать. Она позвонила отцу по телефону, установленному рядом с лестницей.

— Ты хорошо проводишь время, дорогая?

— О да, — ответила Кейтлин. — Пап, здесь так тепло, что я могу ходить без свитера. И все милые. Ну, почти все. Большинство людей. В любом случае, я думаю, здесь будет здорово.

— А денег у тебя достаточно?

— Да. — Кейт знала, что отец собрал все, что смог до ее отъезда. — Со мной все будет хорошо. Честно, пап.

— Это замечательно, родная. Я скучаю по тебе.

Кейтлин моргнула.

— Я тоже по тебе скучаю. Мне пора. Я люблю тебя.

Она могла слышать голоса в комнате перед ней. Кейт обошла лестницу и увидела открытую дверь в маленьком проходе под лестничной площадкой. Джойс и остальные были в комнате за ней.

— Заходи, — позвала Джойс. — Это передняя лаборатория, которая раньше была общей комнатой. Я устраиваю экскурсию.

Лаборатория была совсем не такой, как ожидала Кейт. Она воображала белые стены, сверкающие аппараты, кафель, тихую атмосферу. Там были машины, но была также симпатичная ширма, множество комфортабельных стульев и диванов, два книжных шкафа и стерео, из которого звучала музыка Нью-Эйдж[23].

— В Принстоне давно было доказано, что домашняя атмосфера — самая лучшая, — сказала Джойс. — Это как с эффектом наблюдателя, знаете, у сверхспособностей есть тенденция ослабевать, если участнику эксперимента неудобно.

Задняя лаборатория, которая когда-то была гаражом, очень походила на первую, за исключением того, что там был стальной отсек, напоминающий банковское хранилище.

— Это для полной изоляции при тестировании, — пояснила Джойс. — Он звуконепроницаемый и единственное средство общения с человеком внутри — переговорное устройство. Он также похож на клетку Фарадея, блокирует любые радиоволны и электронные трансмиссии. Если вы поместите сюда кого-нибудь, вы можете быть уверены, что он не сможет использовать какой-нибудь из обычных органов чувств,

чтобы получить информацию.

— Держу пари, так и есть, — пробормотала Кейтлин, она почувствовала, как вдоль ее позвоночника побежали мурашки. Почему-то ей не нравился этот стальной отсек. — Я... Вы же не поместите меня туда, правда?

Джойс взглянула на нее и рассмеялась, ее глаза на загорелом лице сверкали как зелено-голубые драгоценные камни.

— Нет, мы не поместим тебя туда, пока ты не будешь готова, — ответила она. — Вообще-то, Марисоль, — обратилась она к студентке, стоящей позади Кейтлин, — почему бы тебе не сходить и не привести сюда Габриэля, я думаю, для начала мы протестируем в отсеке изоляции его.

Марисоль ушла.

— Хорошо, ребята, пора, — сказала Джойс. — Это наш самый первый день экспериментов, поэтому он будет слегка неформальным. Но я хочу, чтобы все сосредоточились. Я не буду просить каждого из вас трудиться все время, но когда вы работаете, я прошу вас полностью посвятить себя этому.

Джойс направила их в переднюю лабораторию, где она разместила Льюиса и Анну в помещения, похожие на кабины для индивидуальной работы, находившиеся по обе стороны лаборатории, в кабины с подозрительно-выглядящим оборудованием. Кейтлин не слышала всех инструкций, которые Джойс давала ребятам, но через несколько минут и Льюис, и Анна, казалось, уже работали, в отличие от всего остальных, находившихся здесь.

— Габриэль сказал, что идет, — объявила Марисоль из-за двери. — И добровольцы здесь. Я смогла добыть только двух так рано в воскресное утро.

Добровольцами были Фон, очень симпатичная блондинка в кресле-каталке с мотором, и Сид, парень с голубым ирокезом и пирсингом в носу.

«Очень по-калифорнийски», — одобряюще подумала Кейт.

Марисоль отвела их в заднюю лабораторию.

Джойс жестом пригласила Кейт присесть на диван у окна.

— Ты будешь работать с Фон, но тебе придется делить ее с Робом, — сказала она. — Я думаю, мы позволим Робу начать. Ты пока отдохни.

Кейтлин не возражала, она одновременно была восхищена происходящим и нервничала из-за своего тестирования. А что, если у нее не получится? Она не умела использовать свою способность по сигналу, за исключением того случая на «Проверке зрения» — эксперименте, проведенном Джойс, да и тогда она не знала, что использует свою способность.

— Итак, Роб, — сказала Джойс, она присоединила манометр к одному из пальцев Фон. — У нас будет шесть попыток, каждая по пять минут. Мне нужно, чтобы ты вытаскивал листок бумаги вот из этой коробки. Если на листке написано «поднять», я хочу, чтобы ты попробовал поднять давление Фон. Если там написано «понижить», нужно, соответственно, чтобы ты его понизил. Если там «без изменений». Тебе не нужно ничего делать, понятно?

Роб оторвал взгляд от Фон и посмотрел на Джойс, нахмурившись.

— Да, мэм. Но...

— Зови меня Джойс, Роб. Я буду записывать результаты. Не говори, что написано на листке, просто выполняй задание. — Джойс посмотрела часы и затем кивнула на коробку.

— Давай, выбирай.

Роб начал тянуться к коробке, но потом опустил руку. Он встал на колени перед креслом блондинки.

— Твои ноги доставляют тебе много хлопот?

Фон быстро взглянула на Джойс, а потом снова на Роба.

— У меня рассеянный склероз. С давних пор. Иногда я могу ходить, но сейчас все довольно плохо.

— Роб, — начала Джойс

Казалось, Роб ее не слышит.

— Ты можешь поднять эту ногу вот сюда?

— Не очень высоко, — нога слегка поднялась и опустилась.

— Роб, — сказала Джойс, — никто не ждет от тебя... Мы не можем это измерить.

— Извините, мэм, — сказал Роб неторопливо. И обратился к Фон: — А что насчет второй? Можешь немного поднять ее?

— Не так высоко, как другую. — Нога поднялась и опустилась.

— Это нормально. Хорошо, сейчас я хочу, чтобы ты не двигалась. Ты можешь почувствовать жар или холод, но тебе не нужно об этом беспокоиться. — Роб потянулся, чтобы сжать оголенную лодыжку девушки.

Джойс запрокинула свою прилизанную белокурую голову и посмотрела на потолок, затем вздохнула и присела рядом с Кейтлин.

— Полагаю, я должна была понять, — сказала она, опуская руки, в которых держала часы и блокнот.

Кейтлин наблюдала за Робом.

Его голова была повернута в ее направлении, но, конечно, он не видел ее. Казалось, он к чему-то прислушивался, в то время как пальцы проворно двигались по лодыжке Фон. Как будто взгляд на лодыжку только отвлечет его.

Кейтлин была заморожена его лицом. Что бы она ни думала о парнях вообще, Кейт не могла избавиться от взгляда художника. Слова из книги, которую она когда-то прочитала, всплыли у нее в памяти. «Прекрасное, честное лицо, с глазами мечтателя».

«И упорным подбородком борца», — добавила она сама, бросив веселый взгляд в сторону Джойс.

— Как ощущения? — спросил Роб Фон.

— Вроде, щекотно, — ответила она, задыхаясь от нервного смеха. — Оу!

— Попробуй поднять эту ногу снова.

Фон подняла кроссовок почти на десять дюймов[24] от подставки для ног.

— Я сделала это! — Открыла она рот от удивления. — Нет, ты сделал это. — Она уставилась на него широко открытыми глазами, полными удивления.

— Это ты сделала, — ответил Роб и улыбнулся. Его дыхание было ускоренным. — Теперь поработаем над другой ногой.

Кейт почувствовала приступ ревности.

Раньше она ничего подобного не чувствовала, это было похоже на боль, которую она испытывала в Огайо, когда слышала, как Марси Хуан планировала вечеринки. Но сейчас... то, как Роб сосредоточился на Фон и как она смотрела на него...

Джойс тихо рассмеялась.

— То же самое я видела в его школе, — сказала она Кейтлин, понизив голос. — Все девушки теряют голову, когда он проходит мимо, а он даже не знает, что происходит. Мальчик и понятия не имеет, насколько он привлекателен.

«Точно, — осознала Кейт. — Он не догадывается об этом».

— Но почему? — выпалила она.

— Возможно, из-за того же, что дало ему его дар, — сказала Джойс. — Несчастливого случая.

— Какого несчастного случая?

— Он не упоминал об этом? Я уверена, он расскажет, если ты спросишь. Он летал на дельтаплане и потерпел крушение. Сломал почти все кости и впал в кому.

— О, Боже мой, — тихо вымолвила Кейтлин.

— Врачи не надеялись, что он выживет. Но он выкарабкался. Когда он очнулся, у него уже были способности, но еще у него появилось несколько недостатков. Например, он не знает, для чего нужны девушки.

Кейтлин уставилась на нее.

— Вы шутите?

— Не-а, — улыбнулась Джойс. — Он достаточно наивен относительно многого в этом мире. Он просто воспринимает вещи не так, как остальные люди.

Кейтлин закрыла глаза. Конечно, это объясняло, почему Роб, не задумываясь, тянулся к юбкам девушек. Это объясняло все, за исключением того, почему при взгляде на него ее сердце начинало биться сильнее. И почему сама мысль о его пребывании в коме причиняла ей боль. А также, почему у нее сейчас было непреодолимое желание подбежать к нему и буквально утащить от симпатичной Фон.

«У такого состояния есть название, — ехидно прошептал голос разума. — Это...»

«Заткнись», — подумала Кейтлин. Но это было бесполезно. Она все и сама все понимала.

— На сегодня достаточно, — сообщил Роб Фон. Он сел на корточки и вытер лоб. — Если мы продолжим работать над этим каждую неделю, я полагаю, возможно, я смогу больше помочь. Ты хочешь этого?

Все, что она произнесла, было слово «да».

«Но как Фон это произнесла! И как она с трепетом, практически тая, посмотрела в глаза Роба», — думала Кейт. К счастью, в тот момент поднялась Джойс.

— Роб, ты можешь обсудить со мной, как это организовать, — сказала она.

Он повернулся и мягко посмотрел на нее.

— Я знал, что вы захотите поговорить об этом, — ответил он.

Джойс что-то тихо пробормотала себе под нос. Затем она сказала:

— Хорошо, мы что-нибудь придумаем. Почему бы тебе не взять перерыв, Роб? И, Фон, если ты слишком устала для другого эксперимента...

— Нет, я отлично себя чувствую, — ответила Фон, не слишком энергично, но жизнерадостно. — Я чувствую себя такой сильной, готовой ко всему.

— Обмен энергией, — пробормотала Джойс, снимая манометр. — Мы должны будем это исследовать.

Затем она подняла глаза, так как дверь, соединяющая обе лаборатории, открылась.

— В чем дело, Марисоль?

— Он не хочет сотрудничать, — ответила девушка. Габриэль стоял как раз за ней. Он выглядел невероятно прекрасно и довольно элегантно, но его лицо выражало холодное презрение.

— Почему?

— Вы знаете почему, — ответил он. Казалось, он почувствовал, что Кейт смотрит на него, и окинул ее долгим убийственным взглядом.

Джойс положила руку на лоб.

— Хорошо, пойдем, поговорим об этом.

Роб потянулся и схватил ее руку.

— Мэм... Джойс, я не думаю, что это хорошая идея. Вам нужно быть осторожной...

— Я справлюсь с этим, Роб, я тебя умоляю, — ответила Джойс голосом, свидетельствующим о том, что с нее хватит. Она пошла в заднюю лабораторию, прихватив Марисоль и Габриэля. Дверь за ними закрылась.

Анна и Льюис наблюдали из своих кабин. Даже Фон пристально смотрела им вслед.

Кейтлин взяла себя в руки, чтобы взглянуть на Роба, стоящего так близко.

— Что ты имел в виду? — спросила она настолько непринужденно, насколько смогла.

Казалось, Роб был погружен в себя.

— Я не знаю, но я помню, что произошло в том центре в Дареме. Они тоже пытались заставить его участвовать в экспериментах. — Он покачал головой. — Увидимся позже, — медленно сказал Роб и ушел. Кейтлин была рада, что он не оглянулся посмотреть на Фон, и раздосадована тем, что он не сделал это ради самой Кейт.

Несколько минут спустя вернулась Джойс, она выглядела слегка измотанной.

— Итак, на чем мы остановились? Кейтлин, твоя очередь.

«О, только не сейчас», — подумала девушка, она чувствовала себя уязвимой и обеспокоенной из-за новых открытий, относительно Роба, будто с нее содрали верхний слой кожи. Ей хотелось остаться наедине с собой и подумать.

Джойс рассеяно листала папку.

— Неформально. Проведем это неформально, — бормотала она. — Кейтлин, я хочу, чтобы ты села здесь. — Она отвела Кейт за ширму, там было плюшевое откидывающееся кресло. — Я хочу, чтобы через минуту ты надела эти наушники и эту повязку.

Повязка выглядела странно, она походила на очки для плавания, сделанные из половинок теннисных мячей.

— Что это?

— Такая вот версия кокона Ганцфелда[25]. Я пытаюсь получить деньги, чтобы создать настоящую комнату Ганцфелда. С красным светом, стереозвуком и всем...

— Красным светом?

— Он помогает расслабиться, но неважно. Смысл этого тестирования — отключить твои обычные органы чувств, так, чтобы ты могла сконцентрироваться на экстрасенсорных. Ты не сможешь ничего увидеть с этой повязкой и не сможешь ничего услышать с этими наушниками, они наполняют уши «белым» шумом. Предполагается, что это поможет тебе быть более восприимчивой к любому образу, который возникнет у тебя в голове.

— Но образы не приходят ко мне в голову, — сказала Кейт. — Они приходят в мою руку.

— Ничего страшного, — ответила Джойс и улыбнулась. — Позволь им появиться. Там карандаш и бумага на планшете. Тебе не нужно видеть, чтобы рисовать. Просто позволь карандашу двигаться так, как он захочет.

Для Кейт это звучало безумно, но Джойс — эксперт. Она села и надела повязку. Перед глазами все потемнело.

— Мы попробуем только одно изображение предмета, — сказала Джойс. — Фон будет концентрироваться на фотографии с определенным объектом. А ты попробуй получить ее мысль.

— Хорошо, — пробормотала Кейтлин и одела наушники. Ее уши заполнил шум, похожий на шум водопада.

«Должно быть, тот самый «белый» шум», — подумала она и откинулась на спинку кресла.

Она почувствовала, что Джойс положила ей карандаш в руку, а планшет на колени.

«Хорошо, теперь расслабься».

На самом деле, это было достаточно легко. Она знала, что никто не сможет увидеть ее за ширмой, и это было хорошо, она, должно быть, выглядела довольно глупо. Кейт могла вытянуться и дать мыслям свободно бродить в ее голове. Темнота и шум водопада были как скользкий склон, не за что зацепиться. Она чувствовала себя катящейся... куда-то.

И потом ей стало страшно. Страх настиг и поглотил ее до того, как она поняла, что происходит.

Ее пальцы вцепились в карандаш.

«Спокойно. Расслабься. Тебе нечего бояться...»

Но ей было страшно, в ее животе была ужасная слабость, и она чувствовала, будто задыхается.

«Просто позволь образам прийти».

Но что, если там были ужасные вещи? Пугающие в темноте, только и ждущие того, чтобы попасть к ней в голову?

Ее рука судорожно дернулась и зачесалась.

Джойс сказала позволить карандашу двигаться, как он хочет, но Кейтлин не знала, хочет ли она, чтобы он двигался.

Не важно. Она должна рисовать. Карандаш задвигался.

«О Боже, я понятия не имею, что там появится», — подумала она.

Никакого понятия, за исключением того, что, что бы там ни появилось, оно будет пугающим. Бесформенная темнота скрутила разум Кейтлин, пока она пыталась нарисовать, то, что чертил карандаш.

«Я должна увидеть это».

Напряжение в мышцах стало невыносимым. Лево́й рукой Кейтлин сняла очки и наушники.

Ее правая рука все еще двигалась, как отдельная рука из научно-фантастических фильмов, с собственным разумом, Кейтлин даже не догадывалась, куда та двинется в следующий момент. Казалось, что рука не была частью ее самой, и это было ужасно.

А рисунок... рисунок был еще более страшным. Гротескным.

Линии были слегка неровными, но картинка была вполне узнаваема. Это было ее собственное лицо. Ее лицо с третьим глазом на лбу.

У глаза были темные ресницы. И он выглядел как насекомое. Он был широким, пристально смотрящим и невероятно отталкивающим. Рука Кейтлин поднялась ко лбу, как будто убедиться, что там ничего нет.

Только кожа на лбу сморщилась от беспокойства. Она с силой потерла ее.

Это уж слишком для дистанционного наблюдения. Она готова была поспорить, что Фон не сосредотачивалась на картинке вроде этой. Кейтлин уже хотела встать и рассказать Джойс о том, что она испортила эксперимент, когда начался крик. Он был очень громкий, несмотря на то, что, казалось, он шел издалека. Он напоминал плач ребенка, неистовые отчаянные завывания брошенного младенца, но голос был гораздо более низким.

Кейт уронила планшет и вскочила с кресла. Она выбежала из-за ширмы. Джойс открывала дверь в заднюю лабораторию. Все пристально смотрели, вероятно, напуганные.

Кейт подбежала к Джойс в тот момент, когда крик прекратился.

— Успокойся. Просто успокойся, — говорила Марисоль, стоящая перед парнем с голубым ирокезом, который съезился у стены. Его глаза были дикими, рот распахнут и влажен от слюны. Казалось, что он плачет.

— Как долго? — спросила Джойс Марисоль, подходя к молодому человеку и вытягивая руки, будто показывая, что не причинит ему вреда.

Марисоль повернулась.

— Около сорока пяти секунд.

— О Боже, — вымолвила Джойс.

— Что случилось? — выпалила Кейтлин. Она больше не могла выносить вид плачущего студента. — Что здесь происходит? Что с ним?

— Кейтлин, пожалуйста, — произнесла Джойс изможденным голосом.

Кейт осмотрела комнату и заметила, как открывается дверь стального отсека. С презрительной усмешкой на высокомерном красивом лице оттуда вышел Габриэль.

— Я вас предупреждал, — холодно сказал он, обращаясь к Джойс.

— У этого добровольца сверхспособности, — произнесла Джойс слабым голосом.

— Очевидно, не достаточно *«сверх»*, — ответил Габриэль.

— Тебе вообще все равно, да? — раздался голос из-за спины Кейтлин. Девушка почувствовала, что вздрогнула. Она не слышала, как подошел Роб.

— Роб, — начала Джойс, но затем парень с ирокезом сделал движение, похожее на попытку сбежать, Джойс умолкла, полностью занявшись его умирением.

— Я сказал, тебе действительно все равно? — повторил Роб, приближаясь к Габриэлю. Кейтлин он казался золотым ангелом-мстителем. Но она беспокоилась о нем. В контраст свету Роба Габриэль выглядел как опасный сумрак. Начнем с того, что Габриэль был в тюрьме, если дойдет до драки, Кейтлин могла поспорить, он будет драться нечестно. К тому же, он явно что-то сделал с этим добровольцем. Он мог бы сделать то же и с Робом.

— Не я устроил этот эксперимент, — проговорил Габриэль пугающим голосом.

— Но ты и не остановил его, — огрызнулся Роб.

— Я их предупреждал.

— Ты просто мог бы отказаться.

— Зачем? Я говорил им, что может произойти. А теперь это их проблема.

— Ну, теперь это еще и моя проблема.

Они сердито уставились друг на друга. Воздух был душным и наэлектризованным, полным напряжения.

Кейтлин больше не могла этого терпеть.

— Вы, оба, прекратите это! — взорвалась она, настигая их тремя большими шагами. — Крики тут ничем не помогут.

Они продолжили злобно смотреть друг на друга.

— Роб, — сказала Кейтлин. Ее сердце колотилось сильнее обычного. Он выглядел таким красивым, кипя от ярости. Но она чувствовала, что он был в опасности.

Удивительно, но ей ответил не Роб. Габриэль оторвал свой темный холодный взгляд от противника и посмотрел на Кейтлин. Он одарил ее одной из своих тревожных улыбок.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я не собираюсь его убивать, пока что. Это нарушило бы договор о моем условном освобождении.

Кейтлин чувствовала холод, пока его серые глаза осматривали ее сверху донизу. Она снова повернулась к Робу.

— Прошу тебя.

— Хорошо, — ответил он, медленно вдохнув, и она почувствовала, как напряжение покидает его. Он отступил.

Казалось, все почувствовали изменение в атмосфере и расслабились. Кейтлин почти забыла о добровольце за последние несколько минут, но сейчас она увидела, что Джойс и Марисоль уговорили его сесть в кресло.

Он сидел, опустив голову между колен.

— О, парень, что же ты со мной сделал? — бормотал он.

— Что ты с ним сделал? — обратился Роб к Габриэлю. Кейтлин тоже хотела знать. Безумно хотела, но она боялась еще одной вспышки гнева.

Вместо этого Габриэль, выглядящий мрачно, даже почти ожесточенно, произнес:

— Может, когда-нибудь, ты и узнаешь.

Это прозвучало как угроза.

В этот момент Кейтлин услышала нерешительный голос Льюиса, звучащий из передней лаборатории.

— Эм... Джойс, мистер Зитс здесь.

— О Господи, — сказала Джойс, выпрямляясь.

Кейтлин не винила ее. Эксперименты были прерваны, все собралось в одном месте, один доброволец фактически сполз на землю. Это как посещение школьного директора, когда класс в полном беспорядке.

На мистере Зитсе снова было черное пальто, а его псы следовали за ним.

— Проблемы? — спросил он Джойс, которая быстро приглаживала свои светлые волосы.

— Только одна, незначительная. У Габриэля были некоторые трудности.

— Похоже, что у этого молодого человека тоже трудности, — сухо сказал мистер Зитс. Он подошел к пареньку с ирокезом, посмотрел на него, а потом на Джойс.

— Я собиралась вызвать скорую, — сказала она. — Марисоль, не могла...

— Нет нужды, — перебил мистер Зитс. — Я возьму его к себе в машину.

Он повернулся посмотреть на Габриэля, Роб и Кейт, которые стояли у стального отсека.

— А вы, молодые люди, можете взять перерыв, — сказал он.

— Да, идите. Тестирования на сегодня окончены, — сказала по-прежнему обеспокоенная Джойс. — Марисоль, не могла бы ты довести Фон до дома? И... убедись, что она ничем не расстроена.

Марисоль направилась к передней лаборатории все с тем же угрюмым выражением лица. Габриэль тоже пошел, его шаги были плавными и широкими, как у волка. Роб с сомнением смотрел на Сиду.

— Возможно, я могу помочь?

— Нет, спасибо, Роб. Если вы хотите ланч, то в холодильнике есть холодная нарезка, — сказала Джойс таким образом, что Робу ничего не оставалось, как уйти.

Кейтлин последовала за ним, но остановилась в дверном проеме, делая вид, что хочет тихо закрыть дверь. Это было простое любопытство, ей было интересно, будет ли мистер Зитс кричать на Джойс.

Вместо этого он спросил:

— Как долго?

— Сорок пять секунд.

— Ого. — Это можно было посчитать за высокую оценку.

Кейтлин мельком увидела мистера Зитса, задумчиво стучащего своей тростью по полу, а затем ей пришлось закрыть дверь.

Глава 5

Габриэль уже ушел, а Фон и Марисоль собирались уезжать. Марисоль была угрюма, Фон же не отрывала глаз от Роба. Тот закусил губу, уставившись в пол. Льюис, то и дело, переводил взгляд с одного человека на другого. Анна играла с белой мышкой, которую держала в руке.

— Откуда она у тебя? — спросила Кейтлин. Она чувствовала, что кому-то нужно нарушить тишину.

— Она была в моем эксперименте. Видишь? Эта коробка с разными пронумерованными норками, предполагалось, что я заставлю ее идти в одну из них, в зависимости от того, какой номер покажет монитор.

— Должно быть, там какой-то датчик, внутри норки, который фиксирует, сделала ли ты все верно, — сказал Льюис, подходя.

Анна кивнула, не взглянув на него.

— Не беспокойся, Роб, — сказала она. — Мистер Зитс и Джойс позаботятся об этом парне. Все будет хорошо.

— Ага, но сможет ли мистер Зи позаботиться о Габриэле? — произнес Льюис. — Вот в чем вопрос.

К своему удивлению, Кейтлин улыбнулась.

— Мистер Зи?

— Конечно, мистер Зитс — слишком длинное имя.

— Я считаю, его тут быть не должно, — сказал Роб задумчиво. — Габриэля. По-моему, он доставляет только неприятности.

— А я думаю, я сойду с ума, гадая, что же он делает, — добавила Кейтлин. — Но я не думаю, что Джойс расскажет нам.

— У Габриэля есть право на секреты, если он этого хочет, — мягко сказала Анна, помещая мышонка в клетку. — Я думаю, нам надо чем-то заняться, чтобы отвлечься, так как у нас свободный день. Мы могли бы поехать в город или закончить обустройство общей комнаты наверху.

Как всегда, одно лишь присутствие Анны поблизости успокоило Кейтлин. Безмятежность, лучащаяся от коренной американки, заполнила помещение.

— Давайте займемся комнатой, — предложила Кейтлин. — Мы можем взять ланч с собой наверх. Я сделаю бутерброды.

— Я помогу, — вызвался Роб, и сердце Кейтлин подскочило.

«Что сказать? Что сказать?» — думала она на кухне. Льюис и Анна поднялись наверх, они с Робом были одни. По крайней мере, ее руки знали, что делать. Она привыкла готовить еду для отца, и сейчас она с легкостью откручивала крышки от баночек с горчицей и раскладывала нарезку. Это была калифорнийская нарезка: копченая индейка и ломтики курицы, салями с низким содержанием жира и сыр Альпин Лейс.

Роб работал не менее эффективно, но выглядел рассеянным, как будто его мысли были заняты совсем другими вещами.

Кейтлин больше не могла выдерживать молчание и почти наугад сказала:

— Иногда я думаю, хорошая ли это идея — развивать наши способности? Я имею в виду, взять хотя бы Габриэля.

Она сказала это, потому что у нее была слабая надежда, что Роб согласится. Но он решительно покачал головой, выходя из своей глубокой задумчивости.

— Нет, это правильно, это нужно миру. А что нужно Габриэлю, так это развить способность контроля, у него с этим туго. А может, он и не хочет себя контролировать, — Роб покачал головой и положил кусок ржаного хлеба на бутерброд. — Я думаю, все должны развивать свои способности. Ты можешь себе представить, что у большинства людей есть сверхспособности? — он убедительно посмотрел на Кейт.

Она покачала головой.

— Я думала, мы особенные.

— У нас их просто больше. Но у всех есть понемногу. Если бы все могли влиять на них, понимаешь? Все могло бы стать лучше. А сейчас все не очень хорошо.

— Ты имеешь в виду... для мира?

Он кивнул.

— Люди не заботятся друг о друге. Но, знаешь, когда я произвожу обмен энергией, я чувствую их боль. И если бы все могли это почувствовать, все было бы по-другому. Не было бы убийств, пыток и прочего, потому что никто бы не хотел причинять боль кому-либо еще.

Сердце Кейтлин стало биться быстрее. Когда он «направлял энергию» на нее, означало ли это, что он чувствовал близость с ней?

Но все, что она сказала, было очень мягкое:

— Но не все же могут быть целителями.

— У каждого есть какой-то дар. Каждый может каким-то образом помочь. Когда я закончу колледж, я бы хотел заняться чем-то вроде того, что делает Джойс. Только я бы попытался вовлечь всех в это дело. Всех и повсюду.

Кейтлин была поражена возникшим образом.

— Ты хочешь спасти мир?

— Конечно, я внесу свою лепту, — Роб сказал это так, будто они говорили о чем-то вроде утилизации отходов.

«О, Боже мой, я ему верю!» — подумала Кейт.

Что-то было в этом мальчике с золотыми глазами мечтателя и тихим голосом, что вызывало ее уважение.

«Такие люди, как он, — подумала Кейт, — появляются только раз за очень долгий период. Такой, как он, может все изменить».

Вот, что пришло ей в голову. И то, что она чувствовала... было... хорошо...

«В любом случае, не имеет смысла и дальше это отрицать», — думала Кейт, пока они несли бутерброды вверх.

В течение всего дня, который они провели, передвигая мебель, споря и расставляя вещи, Кейтлин держала свое новое открытие при себе. Это было и болью, и радостью одновременно, так же, как было и больно, и радостно смотреть на Роба и быть в его компании.

Кейтлин никогда бы не поверила, что она может влюбиться в первый день знакомства.

Но ничего не поделаешь. С каждой минутой, которую она проводила рядом с Робом, чувство становилось сильнее. У нее возникла проблема с концентрацией на чем-либо, когда Роб был в комнате. Ее сердце начинало биться быстрее, когда он смотрел на нее. Его голос заставлял ее трепетать. А когда он произносил ее имя...

К ужину она стала совсем ненормальной.

Удивительно, что когда она призналась себе в этом, ей захотелось об этом поговорить. Объяснить кому-нибудь, как это. Поделиться этим.

«С Анной», — подумала она.

Когда Анна пошла в их комнату, чтобы привести себя в порядок перед ужином, Кейтлин последовала за ней. Она закрыла дверь, заглянула в ванную и включила воду.

Анна сидела на кровати и расчесывала длинные темные волосы.

— И зачем это? — удивленно спросила она.

— Для уединенности, — решительно ответила Кейт. Она села на свою кровать, хотя она едва ли могла сидеть спокойно. — Анна, могу я с тобой поговорить?

— Разумеется, можешь.

Разумеется, она может, внезапно поняла Кейтлин.

— Так странно, дома у меня не было подруги, с которой я на самом деле могла бы поговорить. Но сейчас я знаю, что могу поговорить с тобой. И я понятия не имею, с чего начать, — горячо добавила она, осознав это.

Анна улыбнулась, и Кейтлин почувствовала себя более спокойно, менее возбужденной.

— Это же неким образом не связано с Робом?

— О Боже, — вымолвила Кейт, напрягаясь. — Это настолько заметно? Думаешь, он знает?

— Нет... Не забывай, я девушка. Я замечаю то, чего не видят парни.

— Да, ну, вот в этом-то и проблема, не так ли? — пробормотала Кейтлин, откидываясь на кровать. Она внезапно почувствовала себя расстроенной. — У меня ощущение, что он никогда не заметит.

— Я слышала, что Джойс рассказала о нем.

Кейтлин была очень рада, что ей не придется повторять историю как сплетню.

— Тогда ты знаешь, что это практически безнадежно.

— Это не безнадежно, просто ты должна сделать так, чтобы он заметил тебя, вот и все. Ты ему нравишься, он просто не осознает того, что ты девушка.

— Ты думаешь, я ему нравлюсь?

— Естественно, ты красивая, и для любого нормального парня не составило бы труда понять, что ты женского пола. Но с Робом тебе придется приложить дополнительные усилия.

— Например, снять рубашку?

— Я имела в виду что-нибудь менее экстремальное.

— Я тут размышляла, — сказала Кейтлин. — Весь день я думала о путях... ну, о том, как можно заманить его в романтические ситуации. Но я не знаю, правильно ли это. Разве это не обман по отношению к нему?

Анна улыбнулась.

«Очень мудрой улыбкой», — подумала Кейт.

— Видишь ту маску? — спросила она, кивнув на одну из стен. — Это Скаук, Ворон. Он был духом покровителем моего прадеда, и, когда миссионеры пришли и дали моей семье имя «Белые», он был тем, кто добавил слово «Ворон», чтобы мы всегда помнили, кто мы такие. Друзья Ворона-Ловкача[26].

Кейтлин изумленно уставилась на маску с длинным тупым клювом.

— Ворон всегда поступал так, как было удобно ему, но, в итоге, оказывалось, что это хорошо для всех. Как в тот раз, когда он украл солнце.

Кейтлин широко улыбнулась, предчувствуя историю.

— Сделал что?

— Украл солнце, — серьезно ответила Анна, и только ее глаза улыбались. — У Серого Орла было солнце, но он настолько ненавидел людей, что прятал его у себя в доме, и все остальные жили в темноте. Ворон хотел солнце для себя, но он знал, что Серый Орел никогда не впустит его вовнутрь. Он превратился в белоснежную птицу и обманом заставил дочку Серого Орла впустить его внутрь.

— Ого, — сказала Кейтлин. Глаза Анны продолжали улыбаться.

— Как только Ворон попал в дом, он схватил солнце и вылетел, но Серый Орел полетел за ним. Ворон так напугался, что выпустил солнце... и оно упало на небо, откуда и освещает

мир для всех.

— Как здорово, — сказала довольная Кейтлин.

— О Вороне много историй. Но смысл в том, что иногда немного обмана совсем не плохо. — Анна стрельнула в сторону Кейт своим темными глазами. — И особенно, когда дело касается мальчиков, я полагаю.

Кейтлин встала, ощущая внутреннее волнение.

— Тогда я сделаю это! Если я, конечно, смогу придумать что-то хорошее.

— Ты можешь начать с того, что чуть-чуть умоешься, — сказала Анна, смеясь. — Сейчас он заметит тебя только из-за грязи на носу.

Кейтлин не только умылась, но и переоделась, забрав сзади волосы золотой заколкой, но она не заметила, чтобы за ужином в отношении Роба к ней что-то изменилось. Ужин был необычным главным образом из-за того, что появился Габриэль.

— Он ест, — прошептала Кейтлин Анне, прикрываясь тарелкой с неочищенным рисом, которую она передавала. — Я уж начала сомневаться.

После ужина Габриэль снова исчез. Льюис и Роб отправились в общую комнату, которую они теперь называли кабинетом, хотя Кейтлин сомневалась, что есть хоть малейший шанс, что там кто-то будет учиться. Не с Ю-ту[27] на плеере, конкурирующими по громкости с ужасиком по телевизору. Казалось, что Анну это не беспокоит, она свернулась в алькове и читала книгу, но Кейтлин хотела уйти.

Ей нужно было побыть наедине с собой из-за Роба и из-за завтрашней школы, ее новой школы, ее нового шанса. Все ее чувства перемешались, паря вокруг в смятении, наталкиваясь друг на друга и быстро отскакивая.

Но самое главное, ей было необходимо порисовать.

Не экстрасенсорный вид рисования, а обычное, которое всегда помогало упорядочить мысли. На самом деле, она не рисовала уже два дня.

Это напомнило ей о чем-то. Рисунке, который получился у нее в лаборатории и который она оставила там, за ширмой. Нужно будет забрать его, она, определенно, не хотела, чтобы кто-нибудь увидел его.

— Я скоро вернусь, — сказала она остальным в кабинете и остановилась, чтобы оценить момент, потому что все попрощались, прежде чем она ушла. Это всегда было одним из ее сокровенных желаний, говорить соседям: «я уйду» и слышать, как все они отвечают «пока!»

Рисунка в лаборатории не было. Она вышла через заднюю дверь, надеясь, что кто-нибудь просто выкинул его.

Кейт взяла с собой только альбом и пару угольных карандашей, было слишком темно, чтобы различать цвета. Но лунного света было вполне достаточно, чтобы видеть деревья. Воздух на улице был приятно свеж и прохладен.

«Вот это уже больше похоже на зиму», — подумала она. Все было серебряным и тенистым. Позади дома узкая грязная дорога вела вниз к небольшой рощице из секвой. Кейтлин пошла по ней.

У подножья холма был маленький, почти высохший ручей с низким бетонным мостом, проходящим через него. Дорога выглядела так, будто ей никогда не пользовались. Кейтлин стояла посреди леса, вдыхая запах ночи и деревьев.

Какое удивительное место. Деревья скрывали свет от дома, и даже Ю-ту не могли проникнуть так далеко. Она чувствовала себя в полном одиночестве.

Она села на бетонный бордюр и положила альбом на колени.

Хотя лунный свет был прекрасен, лучше, чем любой другой, его было недостаточно, чтобы нормально рисовать.

«А, ну да, — подумала Кейтлин, — Джойс хочет, чтобы я рисовала вслепую».

Широкими плавными движениями она набросала контуры деревьев за ручьем. Было интересно иметь только форму без деталей.

«Какое спокойное место», — думала она, добавляя куст.

Кейт чувствовала себя уже гораздо лучше. Она дорисовала темную изогнутую линию для ручья.

Такие ночи, как эта, заставляли верить в волшебство. Она начала рисовать скалы, когда услышала какой-то звук.

Глухой удар.

«Похожий, — подумала Кейтлин, замирая, — на то, как кто-то упал с дерева. Или спрыгнул».

Странно, что она сразу же поняла, что это был человек. Не звук животного, и совершенно точно не природный.

Кто-то был с ней в лесу.

Она оглянулась, поворачивая только голову, оставляя тело неподвижным. У нее хорошее зрение, глаза художника. Когда она спускалась сюда, Кейтлин видела очертания деревьев и кустов. У нее должно получиться рассмотреть и что-то другое.

Но она не могла. Она не могла увидеть ничего нового, как и не могла услышать. Кто бы там ни был, он молчал.

И это делало ситуацию совершенно не забавной. Не смешной. Когда кто-то прячется ночью и не показывает себя, когда ты можешь почувствовать чей-то взгляд на себе, но не знать, чей он... Это ни разу не смешно. Ее руки похолодели, а горло сжалось.

«Просто встань. И уйди. Прямо сейчас».

Она сумела сделать два шага вверх по холму, когда заметила движение среди деревьев. Это был человек, выходящий из укрытия леса.

Тело Кейтлин приготовилось к борьбе или побегу, но не раньше, чем она увидит, кто это. Ей нужно разглядеть его лицо, прежде чем она отойдет от оцепенения.

Человек подошел ближе, под его ногами хрустели опавшие листья. Луна освещала его лицо, узкие глаза, слегка выющиеся каштановые волосы. Это был мужчина, схвативший ее в аэропорту.

Теперь на нем была обычная одежда, не то красное одеяние, которое было раньше. И он шел прямо к ней, очень быстро.

«Буду бороться», — решила Кейтлин, вернее это ее тело решило за нее, инстинктивно понимая, что она не успеет добраться до того холма.

Ее альбом был на пружинках, из крупной проволоки. Один из концов был слегка не докручен и колот ее в течение нескольких недель. Она бросила свои карандашники и подняла альбом, готовясь к нападению.

«Целься в глаза», — велела себе Кейт.

Она знала, что ей стоило бы закричать, но ее горло было судорожно сжато.

Все эти мысли проскочили в ее голове за считанные секунды в тот момент, когда незнакомец настиг ее. Кейтлин не участвовала в драках со времен начальной школы, но сейчас, казалось, ее тело знает, что делать. Незнакомец пытался схватить ее за руку, но Кейт отдернула ее.

«Сейчас», — решила она и ударила альбомом. И это сработало, проволока задела его щеку, оставляя длинную кровавую царапину.

Свирепая радость победы охватила Кейт, но уже в следующую секунду, незнакомец держал ее запястье и выкручивал его так, чтобы она выпустила альбом. Это было больно, и боль освободила ее голос.

— Отпусти меня, — выдохнула она. — Отпусти!

Он еще сильнее скрутил ее руку. Кровь бежала по его щеке, и от лунного света она казалась черной. Кейт пыталась пинаться, но у него получалось уворачиваться так, что все ее удары не достигали цели.

Теперь мужчина держал обе ее руки. Он прижимал ее к земле на склоне холма, побеждая.

«Кричи», — подсказал ей разум.

Кейтлин сделала глубокий вдох и закричала. Но крик был почти сразу прерван рукой

мужчины.

— Заткнись, — яростно прошептал он.

Кейтлин смотрела на него, через душащую ее руку. Ее глаза были широко распахнуты от страха. Он был таким сильным, гораздо тяжелее ее, она совершенно не могла пошевелиться.

— Ты такая беспечная, никогда не думаешь, — прошипел незнакомец. Луна была прямо за ним, и его лицо было в тени, но Кейт могла почувствовать его злость.

«Он убьет меня. А я даже не узнаю, за что», — говорила в ней маленькая незамутненная часть сознания. Остальная часть была поглощена абсолютно безнадежным чувством ужаса. Так как его рука по-прежнему закрывала ее рот, становилось трудно дышать.

Что-то появилось позади мужчины.

Сначала оцепенелый разум Кейтлин не мог определить, что это было. Просто контур, начерченный на освещенном лунной небе. Потом она увидела, что это была фигура человека, в его руке что-то сверкало.

Движение, произошедшее в следующий момент, было настолько быстрым, что Кейт не смогла за ним проследить. Сидящий на ней незнакомец был сдвинут немного назад. Лунный свет отразился на лезвии ножа.

— Отпусти ее, — приказал резкий и четкий голос. — Или я перережу тебе горло.

«Габриэль?» — подумала Кейтлин, не веря.

Но это и правда был он, ее испуганный разум смог понять сцену, которая развернулась пред ней. Габриэль действительно приставил нож к горлу незнакомца.

Мужчина освободил Кейт. Она сделала тяжелый хрипящий вдох.

— А теперь вставай, — сказал Габриэль, — медленно. Я сегодня в плохом настроении.

Мужчина поднялся в одно неторопливое, собранное движение, как танцор. Все это время нож оставался у его горла.

Как только его вес сместился с нее, Кейтлин вскочила на ноги и сделала два неуверенных шага вверх по холму.

Адреналин все еще переполнял ее болезненными, бесполезными волнами. Ее руки тряслись.

«Я должна помочь Габриэлю, — подумала она. — Не важно, как он крут, он всего лишь парень, а незнакомец — мужчина. Сильный мужчина».

— Хочешь, чтобы я вернулась в дом и рассказала им? — выдохнула она, стараясь при этом, чтобы голос звучал твердо и уверенно.

— Зачем? — коротко ответил Габриэль. Он сделал движение и одним ударом отбросил незнакомца, тот приземлился на спину.

— А теперь проваливай! — сказал молодой человек, смотря на лежащую фигуру. — И не возвращайся, пока жить не надоело. И если я снова тебя встречу, я забуду о том, что только что отсидел два года за убийство.

Кейт испытала шок. Но у нее не было времени, чтобы подумать, Габриэль вновь говорил.

— Я сказал, убирайся. Беги. Покажи мне милую[28] за четыре минуты.

Незнакомец поднялся совсем не так плавно и грациозно, как раньше. Как Кейт могла понять по его лицу, он был и зол, и напуган.

— Вы оба такие глупые, — начал он.

— Беги, — предложил Габриэль, поднимая нож так, будто собирался метнуть его.

Мужчина повернулся и пошел, то ли спеша, то ли сердито шествуя.

Когда шорох шагов стих, Кейтлин взглянула на Габриэля, который складывал нож и убирал его в задний карман одним привычным движением.

«Убийство, — думала она, — он сидел в тюрьме за убийство».

Все, что она смогла произнести своим дрожащим голосом, было:

— Спасибо.

Он коротко взглянул на нее, и она могла поклясться, что он был весел, как будто он знал разницу между ее мыслями и словами.

— Кто он? Бывший бой-френд? — спросил он.

— Не говори ерунды, — огрызнулась Кейт и тут же пожалела об этом. Нужно быть более вежливым с убийцей, особенно когда ты с ним один на один в темноте. — Я не знаю, кто он, — добавила она. — Но он был в аэропорту вчера, когда я приехала. Должно быть, он преследовал Джойс и меня до Института.

Габриэль скептически посмотрел на нее и пожал плечами.

— Я не думаю, что он вернется.

Парень направился к дому, даже не обернувшись посмотреть, следует ли Кейт за ним.

Кейтлин подобрала альбом и пошла.

— Что случилось? — спросил Роб, поднимаясь на ноги. Он, Льюис и Анна были в кабинете вместе с Джойс. Кейтлин, не найдя ее на первом этаже, отправилась сюда.

Роб переводил взгляд с Кейт, осознавшую, что у нее в волосах были кусочки опавших листьев и травы, на Габриэля, который стоял за ней.

— Что случилось? — повторил Роб более сдержанным, но при этом более пугающим голосом.

— А на что похоже? — насмешливо спросил Габриэль в своей крайне язвительной манере.

Роб двинулся к нему, его золотые глаза пылали.

— Стоп! — сказала Кейт. — Роб, не надо. Он не причинил мне вреда. Он меня спас.

Она почувствовала прилив сильного волнения, Роб переживал за нее, был готов защитить. Но она не могла позволить ему ругаться с Габриэлем.

— Он спас тебя? — спросил Роб с нескрываемым презрением. Он стоял с одной стороны дверного проема, пялясь на Габриэля, как будто пытаясь просверлить в нем дыры. Габриэль стоял с другой стороны, фактически опираясь на стену и выглядя потрясюще красивым. Кейтлин была между ними.

Девушка обратилась к Джойс, которая поднималась с дивана в кабинете.

— Это был тот парень, парень из аэропорта, — сказала она. — Он вернулся.

Она объяснила, что произошло, наблюдая, как на лице Джойс усиливается тревога.

— Черт, нам лучше вызвать полицию, — сказал Льюис, когда Кейт закончила рассказывать.

Его голос звучал скорее впечатленным, нежели напуганным.

— Он прав, — согласилась Анна, ее темные глаза были мрачными.

— О да, конечно, вызовете их, — насмешливо сказал Габриэль. — Меня только что условно освободили. Они обожают, когда такие парни, как я, разгуливают со складными ножами.

Джойс нахмурилась. Она плотно закрыла глаза и сделала какие-то расслабляющие упражнения для плеч.

Кейтлин упала духом. У Габриэля будут неприятности, и, может, даже его отправят назад, в тюрьму. Его задача в эксперименте не будет выполнена, и он может никогда не научиться контролировать свои способности. А все потому, что помог ей.

Роб внезапно повеселел.

— Ну, тогда мы просто обязаны доложить об этом!

— Замечательно, только дайте мне минут десять форы, — процедил сквозь зубы Габриэль.

— Прекратите это, оба, — сказала Кейтлин и вздохнула. Не легко быть влюбленной. Она не хотела расстраивать Роба, но у нее не было выбора. — У меня есть идея, — продолжила она с сомнением. — Мы могли бы вызвать полицию, но не говорить о том, что Габриэль участвовал в этом. Я скажу, что смогла сбежать от того парня. Тогда ни у кого не будет неприятностей, а полиция сможет сделать все, что им необходимо.

Улыбка Роба померкла. Габриэль смотрел по-прежнему злобно. Но Джойс открыла

аквамариновые глаз и радостно улыбнулась.

— Полагаюсь на тебя, Кейт, — сказала она. — Где телефон?

Глава 6

Габриэль не остался, чтобы послушать телефонный звонок. Он зашел в свою комнату и закрыл за собой дверь. И тогда, усталый, но слишком обеспокоенный даже для того, чтобы присесть, он начал рассказывать по комнате.

Образы мелькали у него в голове. Кейтлин, лежащая в лунном свете, с каким-то маньяком, навалившимся на нее. А что если бы он не пришел вовремя?

Тот маньяк был прав в одном, она беспечная. Ей нельзя разрешать выходить ночью одной. У нее нет необходимых инстинктов, связанных с опасностью. Она недостаточно сильная, чтобы защитить себя...

«Так, и... что? — спросил внутренний голос. — Ты собираешься защищать ее?»

Габриэль сверкнул одной из своих лучших тревожных улыбок в пустоту. Вряд ли.

Он собирается держаться от нее подальше, вот, что он будет делать. Она была помехой, и, к тому же, влюблена в Кесслера. Габриэль видел это, даже если Кесслер был настолько глуп.

Держаться подальше от нее. Именно. И, он был готов поспорить, снова улыбаясь, что после того, что она увидела сегодня вечером, она так же будет держаться подальше от него.

Двумя часами позже Кейтлин лежала в кровати, пытаясь успокоиться, чтобы уснуть.

С полицией было много суеты. Они осмотрели задний двор, но ничего не нашли, все же пообещав патрулировать этот район. Джойс велела ребятам с этого момента проверять дверные замки и быть осторожными с незнакомцами.

— И я не хочу, чтобы ты ходила куда-то одна, — твердо сказала она Кейт. — Особенно, по вечерам.

Кейтлин с радостью согласилась.

Но сейчас она не могла заснуть. Это все было слишком странно, слишком тревожно. Зачем какой-то религиозный парень из аэропорта следил за ней до дома? Был ли он сектантом? Если нет, то почему на нем было то одеяние, похожее на рясу? Маскировка? Глупая какая-то.

А под всеми этими мыслями шел нескончаемый шепчущий поток.

Габриэль — убийца.

Остальные не знали. За исключением Роба. Кейт была уверена, что он знал. Но, даже не догадываясь об этом, все они обращались с Габриэлем сегодня довольно скверно. Никто не сказала ему ничего хорошего, за то, что он спас Кейт. Анна и Льюис держали дистанцию, как будто ожидая, что он в любую минуту кинется на них с ножом. А Роб смотрел на Габриэля с неизменной тлеющей яростью.

Роб... Она не будет сейчас думать о Робе. Она не сможет справиться со своими переживаниями.

Анна мирно спала в другом конце комнаты. Кейтлин взглянула на нее, неподвижное очертание в темноте, затем очень осторожно и тихо встала с кровати.

Она набросила на плечи халат и бесшумно вышла из комнаты.

В кабинете было темно. Кейт села на подоконник в алькове, уткнувшись подбородком в колени. На улице за качающимися ветками деревьев мерцало несколько огней. Тут она заметила, что из-за занавесок в комнате Габриэля тоже пробивался свет.

Следующий свой поступок она совершила, поддавшись бессознательному порыву. Если бы она сначала подумала об этом, то никогда бы на такое не пошла. Но Кейт не дала себе времени на раздумье.

Она спрыгнула с подоконника и постучала в его дверь, очень тихо, на тот случай, если он уснул с включенным светом. Но буквально через секунду дверь открылась.

У Габриэля был весьма сонный и хмурый вид.

— Чего тебе? — спросил он грубо.

— Пошли в кабинет, — прошептала Кейтлин.

Хмурый взгляд исчез, преобразившись в ослепляющую улыбку с оскалом.

— Нет, заходи сюда.

Он бросает ей вызов, осознала Кейтлин.

«Хорошо, отлично, я докажу, что доверяю ему».

С высоко поднятой головой и прямой спиной она прошла мимо него. Кейт села на стул рядом со столом и скромно осмотрелась, комната была хорошей, как и говорил Льюис. Огромная кровать, сочетающаяся между собой мебель, большое количество свободного места. Тем не менее, казалось, в ней не хватало каких-то личных вещей. Возможно, у Габриэля их и не было.

Медленно, наблюдая за ней, Габриэль сел на кровать. Он оставил дверь немного приоткрытой. Кейтлин сама не понимая, что ее побудило это сделать, поднялась и закрыла створку.

— Знаешь, ты сумасшедшая, — сказал молодой человек невозмутимо, когда она снова села на свое место.

— Я хотела сказать тебе спасибо, — произнесла Кейтлин.

«И то, что я не боюсь тебя», — добавила она про себя.

Кейт все еще не могла понять свое отношение к Габриэлю. Даже нравится ли он ей, или же она его терпеть не может.

Но сегодня он помог ей выкрутиться из очень скверной ситуации.

Габриэль не выглядел довольным ее благодарностью.

— И это все? — спросил он с издевкой.

— Конечно.

— И тебе совершенно не любопытно?

Когда Кейтлин удивленно уставилась на него, Габриэль наклонился вперед, вновь показав свой оскал.

— Ты даже знать не хочешь?

Кейтлин почувствовала, как отвращение исказило ее лицо.

— Ты имеешь в виду... о...

— Об убийстве, — произнес Габриэль, его ослепляющая широкая улыбка с каждой минутой становилась все неприятнее.

Страх поднимался в животе Кейтлин. Он прав, она сумасшедшая. Что она делала здесь, в его спальне? Два дня назад она не сидела бы в спальне любого парня, а теперь еще и болтает с убийцей.

«Но Джойс не привезла бы его в Институт, если бы он на самом деле был опасен, — подумала она. — Джойс не пошла бы на такой риск».

Кейтлин медленно произнесла:

— Это действительно было убийство?

И затем прямо посмотрела на Габриэля.

Выражение его лица изменилось, когда он встретил ее взгляд, как будто она поразила его. Затем, казалось, он восстановил равновесие.

— Я назвал это самозащитой, но судья не согласился.

Теперь его глаза были холодны как лед.

Что-то внутри Кейт расслабилось.

— Самозащита, — повторила она.

Габриэль долго смотрел на нее, а потом отвернулся.

— Разумеется, другое не было самозащитой. Первое убийство.

«Он просто пытается тебя шокировать», — сказала Кейтлин себе.

«И у него это получается», — прошептал в ответ внутренний голос.

— Я лучше пойду, — произнесла она.

Габриэль был очень быстр. Кейт находилась ближе к двери, но до того, как она до нее добралась, парень оказался прямо перед выходом, блокируя его.

— О, нет, — сказал он. — Разве ты не хочешь выслушать все, до конца?

Взгляд этих темно-серых глаз был странным, почти застывшим, как будто он смотрел сквозь нее. Выражение лица Габриэля так же было необычным, будто он скрывал за насмешкой и высмеиванием огромное напряжение. Через его приоткрытые губы Кейтлин могла видеть, как блестят крепко сжатые зубы.

— Прекрати это, Габриэль, — сказала она, — я ухожу.

— Не стесняйся!

— Я не стесняюсь, придурок, — огрызнулась Кейт. — Я просто устала от тебя.

Она попыталась протиснуться мимо него, но он не пропустил. Они боролись.

Кейтлин очень скоро поняла, как он был силен.

«Какая же я дура», — думала она, пытаюсь освободить руку, чтобы ударить его. Как она втянула себя в эти неприятности? Ее сердце билось, словно стучащий молот, а грудь была готова разорваться.

«Я должна кричать, пока он не остановит меня. Наверное, задушит. Это то, что он сделал с остальными? Может, он использовал нож? Может, он зарезал их? А возможно, что-то даже еще хуже».

Они с Габриэлем по-прежнему молча боролись, их лица находились в дюймах друг от друга. Мысли Кейтлин были мрачны, заполненные образами того, как он мог раньше убивать.

А затем...

А затем все закончилось. Фантазии Кейтлин были оборваны, как будто кто-то пробил окно в ее мыслях. А все из-за взгляда в глаза Габриэля.

Горе. А еще вина. Тоже предостаточно. Но в основном горе. Кейтлин узнала его, то самое, которое фактически заставляет тебя закусить до крови губу, чтобы не закричать. Горе, которое она помнила с восьми лет. С того времени, когда умерла ее мама.

Габриэль со своим прекрасным высокомерным лицом и диким оскалом старался сдержать слезы.

Кейтлин прекратила борьбу с ним, осознавая в тот момент, когда она это сделала, что он не ранил ее. Он блокировал ее, удерживал, но не причинил боль.

— Хорошо, — сказала она, ее голос прозвучал слишком громко в тишине. — Тогда расскажи мне.

Это застало его врасплох. Он фактически отшатнулся. На мгновение Габриэль выглядел шокированным и уязвимым.

Затем его лицо ожесточилось. Он воспринял это как вызов.

— Я расскажу, — огрызнулся он.

Габриэль отпустил ее и отступил одним неуверенным, скованным движением.

Он быстро дышал.

— Вам ведь всем было интересно, что я делаю, — сказал он, — не так ли?

— Так, — ответила Кейтлин, осторожно отходя от двери. — Это настолько необычно?

— Нет, — он горько усмехнулся. — Это то, что все хотят знать. Но когда узнают, им это не нравится.

Он повернулся и посмотрел на нее с притворным недоумением.

— По какой-то причине, кажется, меня боятся.

Кейтлин не улыбнулась.

— Я знаю, на что это похоже, — сказала она, уныло смотря на ковер. — Когда тебя боятся. Когда тебе не смотрят в глаза и осторожно отходят при твоём приближении.

Она взглянула на него.

Что-то промелькнуло в его глазах, затем он покачал головой, отворачиваясь.

— Ты не знаешь, как это, когда люди настолько напуганы, что начинают тебя

ненавидеть. Когда тебя хотят убить, потому что так боятся, что ты...

— «Что ты» что?

— Прочтешь их мысли. Украдешь их души. Выбери сама, что тебе больше нравится.

Повисло гробовое молчание. У Кейтлин по спине поползли мурашки. Она была сбита с толку и напугана.

— Это то, что ты делаешь? — спросила она, борясь с собой, чтобы не начать говорить шепотом.

— Нет.

Холодный узел, который образовался от страха у Кейтлин в животе, слегка ослаб, пока он не повернулся и не посмотрел на нее своими серыми спокойными глазами безумного человека.

— Это не настолько просто. Хочешь знать, как это работает?

Кейтлин не двинулась с места и не ответила, просто посмотрела на него.

Он говорил размеренно, будто читая лекцию.

— В любой момент, когда два разума устанавливают меду собой связь, происходит перемещение энергии. Это как раз то, что представляет собой контакт, обмен определенного вида энергии. В обе стороны. Энергией, несущей информацию. Понимаешь?

Роб тоже говорил об энергии, ее обмене. Но, может быть, это другой вид.

— Продолжай, — сказала Кейтлин.

— Проблема в том, что некоторые разумы сильнее, чем другие. Крепче. И, если сильный разум установит контакт с более слабым, все может выйти из-под контроля, — он остановился, смотря на темное, закрытое занавесками окно.

— Как? — прошептала Кейтлин. Казалось, он ее не слышит. — Как это может выйти из-под контроля, Габриэль?

По-прежнему глядя в сторону окна, он произнес:

— Знаешь, как вода течет из более высокого места в более низкое? Или как электричество пытается найти основание для своей мощности? Ну, когда два разума соприкасаются, энергия течет в оба направления. Но тяга сильного разума всегда больше.

— Как у магнита? — тихо спросила Кейт. Девушка никогда не была сильна в естественных науках, но она точно знала, чем больше магнит, тем он мощнее.

— Магнит? Может быть, поначалу. Но если что-нибудь произойдет, если равновесие нарушится, то это скорее похоже на черную дыру. Вся энергия вытекает из слабого разума. Сильный истощает его. Полностью осушает.

Он стоял очень тихо, каждая мышца напряжена, руки засунуты в карманы, пальцы сжаты.

А в его серых глазах были такая грусть и такое одиночество, что Кейтлин была рада, что он не смотрит на нее.

Девушка невозмутимо произнесла:

— Ты телепат.

— Они называли это несколько иначе... Энергетический вампир.

«А я жалела себя, — подумала Кейтлин. — Просто потому, что не могла помогать людям, потому, что мои рисунки бесполезны. А его дар делает его способным на убийство».

— Так всегда бывает?

Габриэль бросил на нее взгляд, его глаза сузились. Он услышал жалость в ее голосе.

— Нет, если держать связь непродолжительной. Или если другой разум довольно силен.

Кейтлин вспоминала.

— *Как долго?*

— *Около сорока пяти секунд.*

— *О Боже!*

И кричащий парень с ирокезом.

— *У этого добровольца сверхспособностей.*

— *Очевидно, не достаточно «сверх».*

Насколько силен должен быть разум, чтобы удержать контакт с Габриэлем?

— К несчастью, — произнес парень, все еще наблюдая за ней сужеными глазами, — даже мелочь способна нарушить равновесие. Это может произойти до того, как ты поймешь. Кейтлин было страшно.

Находиться рядом с Габриэлем было опасно. Он видел это, чувствовал. И, очевидно, это запускало в нем какой-то инстинкт — нападать.

Он одарил ее одной из своих безумных тревожных улыбок. В его глазах было явное отвращение.

— Вот почему я должен быть осторожен, — продолжил он. — Я должен держать все под контролем. Потому что, если я потеряю его, что-то может произойти.

Кейтлин изо всех сил старалась дышать ровно. Он придвинулся к ней ближе, как волк, учуявший что-то, что он хотел. Она заставила себя не сжаться и посмотреть на него не дрогнув. Ее шея стала твердой как сталь.

— Так это случилось в первый раз, — пояснил ей Габриэль. — В центре в Дареме была девочка. Мы нравились друг другу. И мы хотели быть вместе. Но когда мы сблизились, что-то произошло.

Теперь он был прямо перед ней. Кейтлин чувствовала, как ее спина прижалась к стене.

— Я не хотел, чтобы это произошло. Видишь ли, я заволновался. А это опасно. Я хотел быть ближе, но следующее, что я понял, то, что наши разумы были соединены.

Габриэль остановился, быстро дыша, затем:

— Она была слабой и напуганной. А ты напугана, Кейтлин?

«Соври», — подумала Кейт, но она была уверена, что он распознает ложь. Она также была уверена, что правда может ее убить. Ей ничего не оставалось, как перейти к наступлению.

— А тебе хотелось бы, чтобы я была? Ты хочешь, чтобы это снова произошло?

Казалось, пелена, похожая на паутину, накрыла его серые глаза, устранив их темный блеск. Он даже отдернулся на секунду.

Кейтлин продолжила нападать.

— Я не думаю, что ты хотел ранить ту девушку. Я думаю, ты любил ее.

Он отошел даже еще дальше.

— Как ее звали? — спросила Кейтлин.

К ее удивлению он ответил.

— Айрис. Она была всего лишь ребенком. Мы оба были детьми. И мы понятия не имели, что мы делали.

— И она была там, потому что у нее были сверхспособности?

Его губы сжались.

— Очевидно, не достаточно «сверх», — процитировал он, словно преподнося Кейт тот ответ, который она ожидала. В его глазах была явная горечь. — У нее было недостаточно, как оно там называется... жизненной энергии, биоэнергии. Того, что дает людям сверхспособности и помогает им жить. Той ночью в центре... к тому моменту, когда я смог ее отпустить, она уже обмякла. Ее лицо было бледным, сине-белым. Она была мертва.

Его грудь вздымалась, и он специально произнес:

— Без жизни. Без энергии. Я осушил ее.

Кейтлин больше не нападала, но она не могла выдержать его взгляд. Ей казалось, что ее собственную грудь обмотали плотной лентой.

Через секунду она тихо сказала:

— Ты это не специально сделал.

— Да? — вымолвил он. Казалось, он поборол те чувства, которые держали его до этого, он снова легко дышал. Когда Кейтлин взглянула на него, она увидела, что в серых глазах Габриэля больше не было горечи, они даже не были покрыты пеленой, теперь они были... пустыми. — Люди в центре подумали иначе, — продолжил он. — Когда я понял, что она не

дышит, я позвал на помощь. И когда они пришли и увидели ее, посиневшую и холодную, они подумали о самом худшем. Они сказали, что я напал на нее. Сказали, что я пытался принудить ее, а когда не смог — убил.

Кейтлин почувствовала волну чистого, опьяняющего страха. Она была рада, что позади нее была стена, девушка полностью оперлась на нее и только потом поняла, что зажмурилась.

— Мне жаль, — прошептала она, открывая глаза. Затем, пытаясь найти хоть какое-то утешение, она сказала: — Роб прав. То, что делает Джойс, важно для всего мира. Нам всем нужно научиться контролировать наши способности.

Лицо Габриэля исказилось.

— Ты веришь всей этой чепухе деревенского паренька? — спросил он с полным презрением.

Кейтлин была удивлена.

— Почему ты так ненавидишь Роба?

— А ты не знаешь? Золотой мальчик был там, в Дареме. Они практически боготворили его. Все, что он делал, было правильно. Он был единственный, кто понял, что случилось с Айрис. Он не знал, как я это сделал, но видел, что энергия была выпущена, как кровь из артерии, если ее перерезать. Знаешь, они преследовали меня. Как животное. Центр и полиция. Все, — сказал он бесстрастным голосом.

«Но это не вина Роба, — подумала Кейт. — Не его».

Вслух она сказала:

— И ты сбежал.

— Ага. Мне было четырнадцать, и я был глуп. К счастью для меня, они были глупее. Им потребовался год, чтобы найти меня. И к тому времени я был в Калифорнии, в тюрьме.

— За другое убийство, — ровно сказала Кейтлин.

— Когда мир так глуп, ты мстишь, понимаешь? Люди этого заслуживают. Любой, кто слаб, заслуживает. Парень, которого я убил, пытался связаться со мной. Он хотел пристрелить меня за пять долларов в моем кармане. Я добрался до него раньше.

«Мсть», — подумала Кейтлин. Она могла себе представить те части истории, которые Габриэль опускал. Его, бегущего, не заботящегося, что произойдет с ним, не заботящегося о том, что он сделал. Ненавидящий все: вселенную, за то, что дала ему его способность; глупых и слабых людей в этой вселенной, за то, что их так легко убить; центр, за то, что не научил его контролировать дар. И себя. Особенно себя.

И Роба, как яркий пример того, кому все удалось, чьи способности приносят только пользу. Который может управлять ими. Который верит во что-то.

— Он идиот, — сказал Габриэль, будто читая ее мысли. У него это часто получалось, и это беспокоило Кейтлин. — Он и те двое, они все идиоты. Но у тебя есть здравый смысл, или, по крайней мере, я думал, что он у тебя есть.

— Спасибо, — сухо произнесла Кейтлин. — Почему?

— Ты видишь вещи такими, какими они являются на самом деле. Ты знаешь, что здесь что-то не так.

Кейтлин была поражена.

— Не так? Ты имеешь в виду в Институте?

Он одарил ее понимающим взглядом, полным презрения.

— Ясно. Вот, как ты собираешься это разыгрывать.

— Я ничего не разыгрываю.

Он сверкнул тревожной улыбкой и отвернулся, направляясь к центру комнаты.

— Ведь, если ты уедешь, у тебя не будет шанса заполучить его. Не сможешь заманить его в Огайо.

Кейтлин почувствовала, как вспыхивает от злости.

Это закончилось. Доверие, почти порядочность Габриэля, его опускание стен. Теперь он будет настолько отвратительным и неприятным, насколько это вообще возможно, чтобы у

нее не сложилось превратное впечатление, будто он хороший человек.

«Прекрасно, я не отвечу, я даже не удостою это ответом».

И как бы это ни звучало, на самом деле он не может знать, о чем она и Анна говорили за закрытыми дверьми.

Кейтлин отодвинулась от стены и на шаг приблизилась к Габриэлю. Она очень формально произнесла:

— Я сожалею о том, что с тобой произошло. Это все было ужасно. Но я считаю, что теперь тебе следует начать думать о том, как впредь ты можешь все изменить.

Габриэль услужливо улыбнулся из-за своих стен.

— А что, если я не хочу ничего менять?

Две минуты назад Кейтлин испытывала головокружение от жалости к нему. Сейчас она хотела пнуть его по голени.

«Парни», — подумала она.

— Спокойной ночи, Габриэль, — сказала она ему.

«Придурок».

Он широко открыл глаза.

— Разве ты не хочешь остаться? Тут огромная кровать.

Кейтлин вообще даже не подумала ответить ему на это. Она вышла из комнаты, высоко подняв голову, бормоча слова, которые бы шокировали ее отца.

Но было и нечто хорошее в этой ситуации. Там, на время, она почувствовала себя довольно близкой с Габриэлем. Но это могло бы означать проблемы. Представьте ее, Кейтлин Холодную, влюбляющуюся не в одного, а сразу в двух парней. Но он об этом позаботился. Он оттолкнул ее, и она была уверена, что он не позволит ей когда-либо сблизиться с ним вновь.

Нет, слава Богу, она не была ни в какой опасности. Она нашла Габриэля интересным, даже странным образом душераздирающим, и, определенно, он был красив. Но каждой, кому повезет влюбиться в него, придется выпотрошить себя бамбуковой конверто-вскрывающей машиной.

Она никому не расскажет о том, что он поведал ей о своей способности. Это бы предало его доверие. Но она подумала, что может как-нибудь поговорить о нем с Робом. Если тот узнает, что Габриэль способен сожалеть, это, возможно, изменило бы отношение Роба к нему.

Удивительно, что когда Кейт вернулась в кровать, она тут же уснула.

Глава 7

На следующий день Джойс отвезла их в школу Сан-Карлоса. Они уже были распределены по классам, и Кейтлин была рада узнать, что она ходит на социологию и Британскую литературу вместе с Анной и Робом. По сути, она была довольна всем. Кейт никогда и не мечтала, что школа может быть вот такой.

Она отличалась от Огайо. Кампус сам по себе был крупнее, растянутее и более открытого дизайна. Вместо одного большого здания там было много маленьких, соединенных крытыми дорожками. Было бы забавно, если бы пошел снег. Но здесь не было снега. Никогда.

Сами здания тоже были более современными. Меньше дерева, больше пластика. Маленькие комнатки с большим уплотнением. Ни кирпичей, ни отслаивающейся краски, ни свистящих печей.

Студенты казались дружелюбными.

«В этом явно замешана внешность Роба», — думала Кейтлин. У него, определенно, было высокое положение, желанный парень».

А он сидел за ланчем с ней, Анной и Льюисом. Кейтлин могла видеть, как девушки стреляют глазами в сторону их столика.

У не менее красивой Анны тоже был высокий статус, она совсем не нервничала, и, казалось, совершенно не волновалась, когда кто-нибудь обращался к ней. К концу ланча несколько девушек подошли, предлагая показать новичкам окрестности. Они остались поболтать. Одна упомянула вечеринку в субботу.

Кейт была счастлива.

Единственное, о чем она беспокоилась, так это о том, как объяснить, почему она и остальные жили вместе. Ей не хотелось ничего рассказывать этим калифорнийским девушкам о сверхспособностях и Институте. Она не хотела отличаться в этой школе. Она хотела вписаться в их круг.

К счастью, об этом позаботился Льюис. В перерыве между фотографированием девушек он широко улыбнулся и рассказал, что хороший пожилой человек дал им много денег, чтобы они могли ходить здесь в школу. Разумеется, никто ему не поверил, но это создало непреодолимую ауру загадочности, что еще больше повысило их статус.

В конце дня Кейтлин вышла с занятия в художественной студии в полном блаженстве. Учитель назвал ее портфолио «внушительным», а ее стиль — «подвижным и захватывающим». Все, что ей было нужно для того, чтобы мир стал совершенным, был Роб.

Габриэль, разумеется, ни с кем не общался и ел ланч в одиночестве. Кейтлин видела его несколько раз в тот день, всегда вдалеке от людей, всегда с презрительно сжатыми губами.

«Он бы сам мог иметь отличное положение, — думала она, — потому что он выглядел таким привлекательным и легко поддающимся переменам настроения, а еще опасным. Но, кажется, ему это совершенно не нужно».

Марисоль забрала их после школы на серебристо-голубом фургоне марки Форд. Всех, за исключением Габриэля, который не объявился на месте сбора. Кейтлин подумала о его условном освобождении и понадеялась, что он был на пути в Институт.

— А теперь приступим к тестированию, — объявила Джойс, когда они прибыли домой.

Кейтлин это не беспокоило. Она была в приподнятом настроении из-за первого дня в школе. А время тестирования означало время, которое она проведет вместе с Робом. Кейт еще не разработала план о том, как помочь ему понять, что она девушка, но это всегда было в ее голове где-то на подсознательном уровне.

Быть может, возможность представиться неожиданно.

Но первое, что сделала Джойс, отправила Роба наверх, объясняя, что позовет его, как только займет остальных.

— Все готово, Льюис, — добавила она.

Джойс усадила Льюиса в ту же кабину для индивидуальной работы, что и раньше. В этот раз Кейтлин была достаточно смелой, чтобы последовать за ними.

— Что это? — спросила она, осматривая машину перед Льюисом. Она походила на компьютер, но у монитора был сетчатый экран с качающейся зеленой линией,двигающейся по центру. Это смахивало на больничный монитор, фиксирующий сердцебиение пациента.

— Это генератор случайных событий, — пояснила Джойс. — Компьютер, который делает только одну операцию — выдает произвольные числа. Он создает их и сейчас, некоторые положительные, некоторые отрицательные, но все совершенно случайные. Это как раз то, что фиксирует зеленая линия. Задача Льюиса — заставить линию подняться выше, повлиять на машину, чтобы она выдавала больше положительных чисел, чем отрицательных.

— И ты можешь это делать? — спросила Кейт, глядя на Льюиса в изумлении. — Своим сознанием?

— Да, это как раз и есть психокинез. Усилие воли. На самом деле, это гораздо легче, чем заставить игральный кубик показать определенное число. Но это я тоже могу делать, иногда.

— Держись подальше от Вегаса, дружок, — сказала Джойс, постукивая костяшками пальцев по его голове. — Они выбьют тебе коленные чашечки.

Она повернулась к Анне.

— Да, ты то же, что и вчера. Я хочу, чтобы ты говорила мышонку, в какую норку идти.

Анна уже достала мышонка из клетки.

— Ну что, Микки, давай творить историю!

— Хорошо, а сейчас ты, Кейтлин, — сказала Джойс и кивнула в сторону ширмы, куда Марисоль везла аппарат на тележке. Кейт испуганно смотрела на циферблаты и провода.

— Не переживай. Это всего лишь электроэнцефалограф, — сказала Джойс. — Он фиксирует волны мозга.

— О, отлично.

— Эта вовсе не та часть, которую ты будешь недолюбливать. Это то, что ты будешь ненавидеть. — Она подняла что-то похожее на тюбик с зубной пастой. — Это электродная паста, и это смерть для твоих волос, если она на них попадет.

Кейтлин покорно села в откидывающееся кресло.

Глаза Марисоль с густыми ресницами на секунду встретились с глазами Кейтлин. Ее полные губы искривились в той же неизменно скучающей, недовольной гримасе.

— Это жидкость для очистки кожи, — сказала она, сжимая бутылку, наклоненную над ватным шариком. Девушка смазала несколько мест на голове Кейтлин, лоб и виски.

— Не двигай головой, — она выдавила немного пасты из тюбика на виски Кейт, а затем на электрод. Кейтлин уголком глаза наблюдала, как опасно выглядящее маленькое приспособление было присоединено к ней.

Оно не причиняло боли, только слегка покалывало. Кейт закрыла глаза и расслабилась, пока Марисоль заканчивала присоединять к ней проводки.

— А сейчас, Медуза, — обратилась Джойс к Кейт, — как я уже говорила, мы будем отслеживать изменения твоих мозговых волн, пока ты занимаешься своим делом. Уровни мозговых волн колеблются в зависимости от того, что ты делаешь. Бета-волны показывают, что ты проявляешь активность, тета-волны — что ты спишь. Нас интересуют альфа-волны, которые обычно связаны с экстрасенсорной деятельностью.

Она увидела выражение лица Кейтлин и добавила:

— Просто не обращай внимания на оборудование, хорошо? Ты будешь делать абсолютно то же самое, что и вчера.

Кейтлин, не поворачивая головы, посмотрела в сторону, и увидела Марисоль, ведущую двух незнакомцев в лабораторию. Новые добровольцы. Кейтлин внезапно почувствовала острый приступ боли.

— Джойс, один из этих тех людей... для Габриэля?

— Я понятия не имею, где Габриэль, хотя хотела бы знать, — сказала Джойс угрюмо, вручая Кейтлин карандаш и планшет. — А сейчас расслабься, малыш. В этот раз никаких наушников и повязки.

Кейтлин снова закрыла глаза, она слышала некоторую активность за ширмой, Джойс давала фото добровольцу.

— Хорошо, — сказала Джойс. — Субъект сосредотачивается, Кейт, а ты будешь стараться получать ее мысль.

И только тогда Кейтлин поняла, как сильно она волновалась. Вчера она не знала, чего ожидать. Сегодня знает, и теперь ей неспокойно. Она одинаково переживала из-за того, сможет ли выполнить задачу или же нет.

Кейт не чувствовала себя опять скользящей по тому воображаемому спуску в никуда. А если у нее получится? А что, если она нарисует что-то такое же гротескное, как вчера?

«Не думай об этом. Не волнуйся. Это то, для чего ты здесь, помнишь? Разве ты не хотела научиться контролировать свою способность?»

Кейтлин стиснула зубы и предприняла огромное усилие, чтобы расслабиться, отключиться от всего.

Она могла слышать приглушенные голоса.

— Все еще бета-волны на электроэнцефалографе, — это была Марисоль.

— Дай ей время, — а это Джойс.

«Успокойся, — думала Кейтлин, — игнорируй их. Кресло удобное. А ночью ты мало спала».

Медленно, постепенно она почувствовала, как опускается в дремоту.

— Тета-волны.

Темнота, падение...

— Альфа-волны.

— Отлично!

Рука Кейтлин начала дергаться и зудеть. Но в том момент, когда она с закрытыми глазами подняла карандаш, девушка внезапно вспомнила вчерашний рисунок. Беспокойство скрутило ее живот.

— Снова бета-волны, — сказала Марисоль таким голосом, будто объявляла о смерти члена семьи.

Джойс выглянула из-за ширмы.

— Кейтлин, что не так?

— Я не знаю, — теперь Кейт помимо беспокойства чувствовала еще и вину. — Я не могу сосредоточиться.

— Хммм. — Казалось, Джойс сомневается, но затем она сказала: — Хорошо, подожди секунду. — И исчезла.

Она быстро вернулась назад.

— Закрой глаза, Кейт.

Девушка автоматически подчинялась.

Она почувствовала, как ее лоб быстро смазали чем-то холодным. Очень холодным.

— А теперь попробуй снова, — сказала Джойс, и Кейт услышала, как та ушла.

Теперь Кейтлин снова попыталась расслабиться. В этот раз темнота тут же окутала ее. Затем у нее было странное ощущение... ощущение давления в голове. Как взрыв здания. А потом образы. Образы, несущиеся почти с большей скоростью, чем Кейтлин могла вынести.

— Альфа-волны зашкаливают, — сказал далекий голос. Кейтлин едва слышала его.

Ничего похожего раньше с ней не случалось, но она была слишком поражена, чтобы напугаться. Изображения были как в калейдоскопе, каждое пролетало с невероятной скоростью, еще до того, как Кейтлин могла его опознать.

Габриэль. Нечто пурпурное. Джойс или кто-то похожий на нее. Снова что-то пурпурное и неравномерное. Дверной проем с кем-то стоящим в нем. Гроздь каких-то круглых пурпурных вещей. Что-то высокое и белое — башня? Гроздь пурпурного... винограда.

Кейтлин могла чувствовать, как ее рука движется, рисуя на бумаге маленькие круги... снова и снова. Она не могла не открыть глаза. В тот момент, когда она это сделала, образы в ее голове испарились.

Она нарисовала гроздь винограда. Ну, в этом был смысл. Это был тот образ, который всплывал в ее голове наиболее часто.

Не задумываясь, игнорируя все провода, Кейт встала и выглянула из-за ширмы.

— Что случилось? — потребовала она ответа у Джойс. — Я видела образы у себя в голове, что вы сделали?

Джойс быстро встала.

— Просто добавила еще один электрод.

Кейтлин положила руку на лоб. Чувствовалось, что между кожей и электродом было что-то еще.

— На твой третий глаз, — с каменным выражением лица добавила Марисоль.

Джойс посмотрела на нее. Лицо Марисоль не изменилось.

Кейтлин замерла. Ее вчерашний рисунок.

— Что? Что за третий глаз?

— Согласно легенде, это место сосредоточения всех экстрасенсорных способностей, — беспечно произнесла Джойс. — В центре лба, там, где шишковидное тело.

— Но... но почему бы электрод...

— Боже, она все еще в альфа-волнах, — перебила Марисоль.

— Пора тебя отключить, — сказала Джойс с оживлением. Она начала убирать электроды.

Кейтлин почувствовала, что электрод со лба сняли, но руки Джойс двигались так быстро, что девушка не увидела, что с ним стало.

— Кстати, что у тебя получилось? — спросила Джойс, беря у нее планшет. — Ах, потрясающе, — крикнула она. — О, ребята, посмотрите на это!

Теплота ее голоса заставила Кейтлин забыть Кейтлин о своих переживаниях.

— Не могу поверить, ты в точности нарисовала изображение объекта, Кейт! В точности! Вплоть до верного количества ягод в грозди.

Анна и Льюис подошли ближе. Доброволец — высокая девушка с черной, как ночь, кожей — показала Кейт фото, которое держала. Гроздь винограда. Рисунок Кейт был точной копией.

— Впечатляет, — произнес теплый, неторопливый голос за спиной Кейтлин. Она почувствовала, как ее сердце стало биться чаще.

— Я думаю, это случайность, — сказала она, поворачиваясь.

— Вовсе не случайность, — возразила Джойс. — Хорошая концентрация и хороший доброволец, мы тебя еще позовем.

Роб смотрел на лицо Кейт, его золотые глаза потемнели.

— Ты в порядке? Ты выглядишь несколько усталой.

— На самом деле, это так странно, у меня прямо сейчас заболела голова.

Кейтлин дотронулась пальцами до середины лба, покрытого холодной испариной, там боль была особенно сильной.

— Ох, наверно, я мало поспала прошлой ночью...

— Я думаю, ей нужен перерыв, — сказал Роб.

— Конечно, — тут же ответила Джойс. — Почему бы тебе не подняться наверх и не прилечь? Мы здесь закончили.

Кейтлин пошатывало.

— Я помогу, — предложил Роб. — Держись за меня.

Это была идеальная возможность, лучше, чем какой-нибудь план или уловка, которые Кейтлин могла бы выдумать. Но все это было бесполезно, потому что внезапно ее голова заболела так, что единственным ее желанием было лечь и уснуть. Боль поступала пульсирующими приступами. Робу пришлось отвести Кейт в комнату, потому что она не могла нормально видеть.

— Ложись, — сказал он и выключил лампу на тумбочке.

Кейтлин прилегла и почувствовала, как матрас прогнулся под Робом, который сел рядом с ней. Она не открыла глаз. Не смогла. Даже рассеянный дневной свет, проникающий сквозь окно, причинял боль.

— Напоминает мигрень, — сказал Роб. — Вся боль сосредоточена в одной стороне?

— Она здесь, по центру, — прошептала Кейтлин, указывая на лоб. Теперь она ощущала приступы тошноты.

Замечательно. Очень романтично.

— Здесь? — спросил Роб, его голос звучал удивленно. Пальцы на ее лбу были приятно холодны.

«Странно, в прошлый раз они были теплыми».

— Да, — несчастно прошептала Кейтлин. — Все будет в порядке. Просто уйди.

А сейчас, в довершении ко всему, она сказала парню, которого любила, чтобы он отстал от нее.

Роб проигнорировал предложение.

— Кейт, я ошибался. Это не мигрень и даже не обычная головная боль. Я думаю, тебе плохо от того, что ты слишком быстро израсходовала энергию. Экстрасенсорную энергию. Ты себя полностью опустошила.

Кейтлин умудрилась вымолвить слабое:

— И?

— И... я могу тебе помочь. Если ты позволишь.

По какой-то причине это напугало Кейтлин, но вспышка сильной боли изменила ее решение.

— Хорошо...

— Отлично, а теперь расслабься, Кейтлин, — голос Роба был мягок, но требователен. — Сначала это может показаться необычным, но не сопротивляйся этому. Я должен найти открытый источник перемещения...

Холодные, ловкие пальцы дотронулись до шеи Кейтлин с двух сторон, задержались там на время, как будто ища что-то, потом поднялись, не найдя этого. Они аккуратно двигались, исследуя нежную область под подбородком.

— Нет... — пробормотал Роб.

Кейтлин почувствовала, как ее руку осторожно взяли. Большой палец Роба находился по центру ее ладони, указательный тоже, но с внешней стороны кисти. И снова, казалось, он ищет что-то, ежеминутно двигая пальцами. Почти как медсестра, нащупывающая вену, перед тем, как взять кровь.

— Нет.

Роб переместился.

— Давай попробуем вот это, сдвинься туда немного.

Кейтлин последовала его указанию и передвинулась к другой стороне кровати. Она автоматически открыла глаза и затем быстро закрыла их в смятении. Роб склонился прямо над ней, его лицо находилось очень близко. Внезапно к боли присоединилось ускоренное сердцебиение.

— Что?.. — открыла она в удивлении рот.

— Это один из самых прямых способов передачи энергии, — просто сказал он. — А тебе много понадобится.

Отсутствие замешательства или неловкости с его стороны помогло ей. Кейтлин закрыла глаза и замерла, когда он приложил свой лоб к ее, их губы почти касались.

— Получилось, — пробормотал он. Его рот фактически задевал ее, но, казалось, он этого не замечает. — А сейчас думай о том месте, где болит. Сосредоточься на нем.

Еще минуту назад она не была способна думать о чем-то, кроме этого. Но теперь... Кейтлин полностью ощущала Роба. Она не хотела двигаться или дышать. Она могла чувствовать все его тело, даже притом, что только его лоб касался ее.

«Третий глаз напротив третьего глаза», — подумала она, ощущая головокружение.

Затем внезапно появилось новое чувство, которое вытеснило все ее мысли о физическом состоянии. Это было настолько новым, что она никоим образом не могла это классифицировать.

Это не было похоже на зрение, осязание или вкус, но затуманенный мозг Кейтлин пытался интерпретировать это таким образом.

Если бы это было зрение, это были бы миллионы сверкающих огоньков, которые светились и блестели бы как драгоценные камни. Подвижный, меняющийся узор многоцветных искр, проблесков и вспышек.

Если бы это было осязание, это было бы давление. Но не неприятное давление, а то, которое смыло ее головную боль. Подобно реке, бегущей сквозь сознание, очищающей все застоявшееся, свернувшееся и гниющее.

Если бы это был вкус, это была бы свежая, чистая вода, которую она бы жадно выпила, как измученный бегун, чей рот был полон удушающей пыли.

Ощущение было возбуждающим и сокрушающим. Оно не просто забрало боль, оно наполнило ее жизнью.

Кейтлин не знала, как долго она пролежала, поглощая живительную энергию. Спустя какое-то время она поняла, что Роб медленно садился. Девушка открыла глаза.

Они посмотрели друг на друга.

— Я... спасибо, — сказала Кейт едва ли громче шепота.

Она ожидала, что он улыбнется и кивнет, вместо этого он моргнул, Кейтлин впервые видела его неспособным подобрать слова.

А затем, пока они смотрели друг на друга, произошла простая вещь. Никто из них не отвел глаза. С обычными друзьями ты всегда отводишь глаза через какое-то время или начинаешь говорить.

Но Роб и не говорил, и не отводил глаза.

Глава 8

Воздух между ними, казалось, мерцал. Создавалось впечатление, что Роб увидел ее впервые. И даже более того... Создавалось впечатление, что он увидел *девушку* впервые. Он выглядел пораженным и интересующимся. Как человек, который раньше никогда не слышал музыку, внезапно уловивший несколько нот прекрасной мелодии в дуновении ветра. Уловивший и отчаянно желающий следовать за ней.

Выражение его лица говорило о том, что он находился на грани величайшего открытия в своей жизни.

— Кейтлин, — прошептал он, его голос трепетал, он был полон вопросов и почти напуган.

Кейт не могла говорить, они оба были на пороге чего-то такого большого, меняющего, что это пугало ее. Это навсегда все изменит. Но она хотела этого. Хотела, чтобы это произошло.

Казалось, вся вселенная затаилась и ждала, задержав дыхание.

Но Роб не двигался. Он был на грани открытия, но еще не совершил его.

«Надо помочь ему, — думала Кейтлин. — Он все еще не понимает, что происходит».

Это должна быть она. Та, кто покажет ему, поможет сделать тот первый шаг, если, конечно, она этого хотела. А она хотела. Кейт внезапно почувствовала спокойствие и ясность. В ее голове была четкая картина того, что должно было случиться.

Она возьмет его лицо в руки и поцелует, очень нежно. А Роб посмотрит на нее в таком сильном изумлении. Абсолютно наивном, но не глупом. Робу не нужно много времени, чтобы понять. После того, как она поцелует его второй раз, изумление превратится в проясняющееся удивление. Его золотые глаза начнут медленно гореть, так же, как они горят когда он зол... но теперь по совершенно другой причине.

Он обнимет ее и поцелует, очень легко, и энергия, целительная энергия, будет протекать между ними. И все будет удивительно.

Задержав дыхание, Кейтлин потянулась, чтобы коснуться лица Роба, видя только свои изящные руки художника у него на подбородке. Даже этот легкий контакт заставил танцевать искры на ее ладони. Все казалось таким простым и естественным, как будто она знала, что делать, не задумываясь. Как будто она всегда это знала, как будто это знание всегда было где-то внутри нее.

Представьте, Кейтлин Холодную, понимающую, что она должна делать, и настолько уверенную. Все вот-вот произойдет.

Затем голоса ворвались в ее мечты. Смеющиеся, обычные голоса, которые вообще не принадлежали ее прекрасному новому миру, где она сейчас обитала. Кейтлин взглянула в замешательстве.

Льюис и Анна были прямо за дверью. Габриэль стоял позади них.

— Эй, Кейт, — начал Льюис весело. А затем, увидев ее лицо, продолжил: — Ой.

Темные глаза Анны были удивленными и извиняющимися.

— Мы не хотели мешать, — сказала она, хватая Льюиса за плечо, как будто собираясь отодвинуть его.

— Чуток терапевтического прикосновения в темноте? — любезно спросил Габриэль.

Мрачное разочарование нахлынуло на Кейтлин. Понимание и удивление, написанные на лице Роба, исчезли.

Это было таким хрупким, чем-то похожим на то, что только что должно родиться, чем на то, что уже существовало. И теперь все это исчезло.

Выврано. Остались только обычные доброта и забота Роба. Его привязанность к Анне и Льюису. И его ненависть к Габриэлю.

— У Кейт была головная боль, — сказал он, поднимаясь, чтобы встать лицом к Габриэлю. — Если это тебя касается.

— Кажется, сейчас ей лучше, — обратил внимание Габриэль и, осмотревшись, остановил взгляд на Кейтлин. Та одарила его убийственным взглядом.

— Мне бы стало лучше, если бы меня оставили в покое.

— Мы просто проходили мимо, — сказала Анна. Она бросила на Кейт взгляд полный раскаяния. — Ну же, Льюис.

— Точно, — сказал Роб, а затем, к полному разочарованию и неверию Кейт, он и сам вышел за дверь. — Хочешь, чтобы я закрыл ее? — спросил он.

Если бы это была уловка, чтобы убедиться, что Габриэль и остальные ушли, Кейтлин поняла бы. Но это не было уловкой. Роб полностью вернулся к своему обычному состоянию. Единственное чувство, которое она могла видеть в его глазах, было братской любовью.

И не было ни одного способа снова достучаться до него, вернуть все, как было. По крайней мере, на сегодня, все было кончено.

Она не знала на кого сердиться: на Габриэля и остальных, или же на самого Роба. Она была готова прибить Роба, но она любила его сейчас больше, чем когда-либо.

— Да, пожалуйста, закрой дверь, — сказала она.

Когда все ушли, Кейтлин легла на кровать, наблюдая, как холодные фиолетовые сумерки сменяли теплый дневной свет. Комната стала тенистой и загадочной. Девушка закрыла глаза.

Какой-то звук насторожил ее, звук, похожий на шелест бумаги. Быстро сев, она осмотрела комнату. Здесь что-то было, что-то белое, мерцающее на фоне теней. Заползающее под дверь. Нет, не заползающее, проталкиваемое туда.

Кейтлин быстро слезла с кровати и подошла к двери. Желтый свет из коридора пробивался сквозь щель под дверью, а бумага все еще двигалась. Кейт проигнорировала ее, схватилась за ручку и широко распахнула створку.

Марисоль сидела на коленях на полу в коридоре.

Подбородок старшей девушки дернулся, и на секунду ее карие глаза встретились с глазами Кейтлин. Они выглядели шокированными и сердитыми. Затем она уже была на ногах и направлялась к лестнице.

— Ну уж нет, — взбудораженная всеми переживаниями прошедшего дня Кейт набросилась на нее. Расстройство, восхищение и ярость дали ей достаточно сил, чтобы схватить Марисоль и развернуть ее.

— Зачем ты засовывала что-то под мою дверь? Что это? — потребовала Кейт, указывая на сложенный листок, лежащий на пороге.

Марисоль всего лишь убрала волосы с лица и вызывающе посмотрела в ответ.

Кейтлин отпустила ее ровно настолько, чтобы поднять бумагу и не дать ей пройти, когда она снова устремилась к лестнице.

— Это мой рисунок!

Тот самый, который Кейт сделала вчера. Изображение ее лица с третьим глазом, оставленное ей на полу в лаборатории.

За исключением того, что теперь на нем была еще и надпись.

Внизу были слова, небрежно написанные черной ручкой: «Берегись. Это может случиться и с тобой».

— Еще одна шутка? — угрюмо спросила Кейтлин, выпрямляясь.

Марисоль, которая была выше на несколько дюймов, просто посмотрела на нее

тлеющими карими глазами. Кейтлин, не думая о последствиях, схватила девушку за руки и трянула.

— Почему ты пытаешься меня напугать? Потому что ты ненавидишь людей со сверхспособностями?

Марисоль резко засмеялась.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? Это... эм, я не знаю, типа ревность? Или что? — Кейтлин отчаянно искала причину, которая бы имела смысл.

Марисоль сжала губы.

— Хорошо, отлично, — сказала Кейт, ее голос слегка дрожал. — Я думаю, мне нужно сходить и спросить Джойс.

Она прошла полпути до лестницы, когда Марисоль заговорила.

— Джойс не сможет тебе помочь. Она не знает, что здесь на самом деле происходит. Ее не было, когда проводилось пилотное исследование, но я была.

— Какое пилотное исследование? — спросила Кейтлин, не поворачиваясь.

— Не важно. Суть в том, что от Джойс помощи ты не получишь. Все, о чем она беспокоится, это проведение своих экспериментов и публикации под ее именем в журналах. Она не видит ничего, что на самом деле происходит. Вот почему мистер Зитс нанял ее.

— Но что это означает? — спросила Кейтлин, тряся листком бумаги.

Тишина. Кейт отвернулась. Тишина продолжилась.

— Боже, ты полная дура, — наконец сказала Марисоль. — Неужели ты не помнишь сегодняшний эксперимент? Неужели тебе совершенно не было интересно, как ты смогла получить тот образ с гроздью винограда?

Кейтлин вспомнила подобный калейдоскопу поток изображений.

— Я предполагаю, потому что у меня сверхспособности. — Но она могла слышать упрямую самозащиту в своем голосе.

— Если бы у тебя действительно были сверхспособности, ты бы поняла, зачем ты здесь. И тогда ты бы уже была на ближайшем самолете до дома.

Кейтлин догадалась, что это был намек.

— О чем ты говоришь? Почему ты не можешь сказать все, как есть, прямо, без всех этих тайн? — она почти закричала. — Если тебе, конечно, действительно есть, что рассказать.

Марисоль вздрогнула от громкого голоса Кейтлин, и в тот же момент внезапно проскользнула мимо девушки, сильно толкнув руку Кейт локтем. Добравшись до лестницы, она обернулась и резко сказала:

— Я поднялась, чтобы сообщить, что ты опаздываешь на ужин.

Кейтлин прижалась к стене.

Голова шла кругом от всего, что сегодня случилось, а Марисоль, похоже, ненормальная, вот и все.

За исключением того, что это не объясняло, что же произошло с Кейтлин во время эксперимента.

Когда Джойс добавила тот «электрод» на лоб Кейтлин.

«На третий глаз», — подумала она.

Кейт посмотрела на скомканную бумагу. Третий глаз причудливо глядел на нее, будто пытаясь что-то сказать.

«Мне необходимо с кем-нибудь поговорить. Я не справлюсь с этим одна. Мне нужна помощь».

Принятое решение принесло ей облегчение. Кейтлин скомкала бумагу и засунула ее в карман. Затем она поспешила к лестнице на ужин.

— И как это связано со мной? — спросил Габриэль, бросая листок обратно Кейтлин. Он лежал на кровати, листая журнал о машинах, о дорогих машинах. — Это не моя проблема.

Кейт поймала бумагу в воздухе. Ей потребовалось все ее самообладание, чтобы прийти

сюда. Она, вероятно, не сделала бы этого, если бы была в состоянии видеть Роба в данный момент. А Анна ушла разговаривать с семьей по телефону сразу после ужина.

Мрачная Кейт из последних сил держалась за свое ускользающее спокойствие.

— Если в том, что говорит Марисоль, есть хоть какой-нибудь смысл, тогда это проблема каждого из нас, — сказала она твердо. — И ты сам сказал, что здесь что-то не так.

Габриэль пожал плечами.

— Ну, и что с того?

Кейтлин была готова закричать.

— Ты действительно считаешь, что что-то не так, и не стараешься выяснить, что именно? И ты бы не хотел ничего с этим сделать?

Слабая улыбка коснулась губ Габриэля.

— Разумеется, что-то я сделаю. Я сделаю то, что у меня получается лучше всего.

Кейтлин догадывалась, что это будет, но она не могла не дать ему произнести это. Девушка чувствовала себя, как сержант Джо Фрайди [29] в конце сцены, она выкрикнула:

— И что же?

— Позабочусь о себе, — сказал Габриэль самодовольно. Его глаза были полны озорного удовольствия, когда он произносил последнее слово.

Кейтлин, уходя, даже не потрудилась скрыть свое отвращение.

За дверью она снова прислонилась к стене. Льюис был в кабинете, где играл новейший диск Праймэл Скрим[30] на нереальной громкости. Анна все еще была в спальне, болтая по телефону. А что касается Роба...

— Боль возвратилась?

Кейтлин повернулась. По какой-то причине, она ощутила себя загнанной в угол, стоя у стены. Почему она никогда не слышит, как Роб подходит?

— Нет, — сказала она. — Я в порядке, по крайней мере... Нет. Я в порядке.

Кейт не могла говорить с Робом прямо сейчас, она действительно не могла. Она боялась за него, боялась того, что она может с ним сделать, если у нее будет шанс. Либо поцелует его, либо убьет. Оба варианта казались одинаково вероятными.

— Что это?

И в следующий момент она осознала, что он вытащил листок бумаги из ее рук. Она пыталась вернуть его обратно, но парень был быстрее.

— Ничего. Я имею в виду...

Роб распрямил листок и взглянул на него, а потом внезапно посмотрел на Кейт.

— Это ты нарисовала?

— Да... но подпись не моя. Я не... о, все так запутано.

У Кейтлин закончились силы. Она устала бороться, подталкивать людей, приставать к ним. Она устала.

— Пойдем, — сказал Роб нежно, рука, держащая ее за локоть, тоже была нежной, но очень сильной. Он без колебаний провел ее в комнату на втором этаже, которая не была занята. В его с Льюисом спальню.

— А теперь расскажи мне все об этом. — Он сел рядом с ней на кровать, настолько естественно, как если бы он был ее братом, так же близко. Без какого-либо скрытого мотива. Это было мучительно и прекрасно в одно и то же время.

А его глаза... Он смотрел на нее теми же серьезными золотыми глазами, удивительными глазами. Мудрыми глазами.

«Я могу доверять ему, — думала Кейт. — Не важно, что произойдет между нами, я могу доверять ему».

— Это Марисоль, — произнесла она, а потом рассказала ему все. О том, как проснулась в первую ночь и увидела Марисоль в своей комнате, о странных вещах, которые та говорила. «Берегись или отсюда уберись. Это место не такое как вы думаете». О том, что Марисоль на следующее утро назвала все это шуткой. О сегодняшнем эксперименте, о том, как образы вторглись в ее сознание после того, как Джойс положила холодный предмет на ее лоб. И о

том, как Марисоль засовывала рисунок под дверь.

— И тогда я попыталась заставить ее объяснить, но все, о чем она говорила, это пилотное исследование и то, что если бы я знала, зачем я здесь, я бы тотчас полетела домой. И еще, что даже Джойс ничего не знает о происходящем здесь.

Она остановилась, ожидая, что Роб рассмеется, но этого не произошло. Он хмурился, выглядя озадаченным и сосредоточенным.

— Если Джойс не знает, что происходит, тогда, кто знает?

— Я полагаю, мистер Зитс. Но, Роб, это все такой бред.

Рот Роба напрягся.

— Может быть, — сказал он тихо. — Но я размышлял о нем...

— В первый день? О его речи о том, что люди со сверхспособностями превосходят остальных, следуют другим законам?

Роб кивнул. Кейтлин смотрела в его глаза, уже не смущаясь. Он был мрачен. Но верил ей, а это делало всю эту ситуацию гораздо более серьезной, чем раньше. Это было темное дело.

— И зачем он привез сюда Габриэля? — сказал Роб.

— Да, — медленно произнесла Кейтлин. Как-нибудь надо будет поговорить с Робом о Габриэле, но не сейчас. — Что все это значит?

— Я не знаю, — сказал Роб и снова посмотрел на рисунок. — Но я знаю, что мы должны это выяснить. Мы должны поговорить с Джойс.

Кейт сглотнула. Было проще угрожать рассказать все Джойс сгоряча, чем рассматривать предложение пойти к ней сейчас. Но, конечно же, Роб был прав.

— Давай сделаем это.

Комната Джойс была в конце покрытого деревянными панелями коридора, находящегося под лестницей, он вел в переднюю лабораторию. Изначально это была застекленная терраса или застекленное крыльцо. Более того, стеклянная створчатая дверь была такой огромной, что любой, находящийся в гостиной или фойе, мог с легкостью видеть все, что было внутри.

«Только Джойс, — подумала Кейтлин, — может жить в такой комнате, в которой никак нельзя уединиться».

Возможно, это было связано с тем фактом, что Джойс всегда хорошо выглядела. Не важно, работала ли она в деловом костюме или же сидела, развалившись, в розовой пижаме, как сейчас.

— Привет, ребята, — сказала она, отрывая взгляд от ноутбука. Свет от лампы на тумбочке отражался в стеклянных стенах.

Кейтлин робко села на кровать. Роб отодвинул стул от стола. Он все еще держал в руках рисунок.

Джойс перевела взгляд с одного на другого.

— Почему такие серьезные?

Кейтлин глубоко вдохнула, в то время как Роб произнес:

— Нам нужно с вами поговорить.

— Да?

Кейтлин и Роб обменялись взглядами. Затем Кейт выпалила:

— Это о Марисоль.

Брови Джойс поднялись вверх к светлым волосам.

— Да?

— Она говорила Кейтлин разные вещи, — сказал Роб. — Странные. О том, что Институт опасен. И она написала... это... на рисунке, который сделала Кейт.

Все еще выглядя озадаченной, Джойс взяла листок и осмотрела его. Кейтлин почувствовала, как внутри нее все сжалось. Она вообще перестала дышать.

Когда Джойс подняла голову, Кейт на секунду подумала, что та закричит. Вместо этого она рассмеялась.

Взрывы смеха, мелодичного и неудержимого. Через минуту он перешел в слабое пофыркивание, но когда Джойс посмотрела на Кейтлин и Роба, она снова начала смеяться.

Кейт почувствовала, как ее рот растянулся в улыбке. Но это была вежливая, несчастливая улыбка кого-то ожидающего, когда его посветят в шутку. Наконец Джойс рухнула на разбросанные подушки, вытирая слезы.

— Извините... на самом деле, в этом нет ничего смешного. Это просто... ее лекарства. Должно быть, она не принимает их.

— Марисоль принимает препараты? — спросил Роб.

— Да, и с ней все в порядке, когда она это делает. Но иногда она забывает или решает, что они ей не нужны. И тогда... ну, вы поняли, — Джойс махнула листком. — Я думаю, она считает, это символично. Она всегда немного беспокоилась о людях со сверхспособностями. О том, что они будут злоупотреблять своими возможностями, — Джойс повернулась к Кейтлин, очевидно борясь с желанием ухмыльнуться. — Я надеюсь, ты не восприняла ее серьезно?

Кейт хотела провалиться сквозь землю.

Как же она могла быть такой душой? Разумеется, это все было ужасной ошибкой, она должна была понять. А теперь она натолкнулась на эмоциональные, или умственные, или еще какие-то там проблемы Марисоль.

— Мне жаль, — выдохнула она.

Джойс махнула рукой, закусывая губу, чтобы не засмеяться.

— Ну, вот.

— Мне действительно очень жаль. Это просто было... немного страшновато. И я не понимала... Я подумала, что тут должно быть какое-нибудь простое объяснение, но... — Кейтлин вдохнула. — О Господи, я надеюсь, мы не втянули ее в неприятности?

— Нет, но, может быть, мне следует посвятить в это мистера Зитса, — сказала Джойс, приходя в себя. — Он был тем, кто нанял ее, вообще-то он нанял ее раньше меня. Я полагаю, она подруга его дочери.

«У мистера Зитса есть дочь? Она должна быть уже достаточно взрослой, — подумала Кейтлин. — Это странно, если у нее есть такая молодая подруга, как Марисоль».

— В любом случае, не беспокойся об этом. Я поговорю с Марисоль о ее лекарствах завтра и все улажу. Кстати, Кейт, когда ты это нарисовала?

— А, это, вчера, во время эксперимента с дистанционным наблюдением. Я уронила его, когда услышала, как парень с ирокезом кричит.

— Как он? — неторопливо спросил Роб. Он смотрел на Джойс своими неизменно золотыми глазами.

— Он в порядке, — сказала Джойс, Кейтлин показалось, что в ее голосе промелькнули защитные нотки. — В больнице ему дали успокоительное и отпустили.

— Поэтому, — продолжил Роб, — вам нужно быть осторожней с Га...

— Да, точно. Я собираюсь изменить свой протокол, связанный с экспериментами Габриэля, — тон Джойс не оставил сомнений, что тема закрыта. Она взглянула на часы.

— Мне так неудобно, — сказала Кейтлин Робу, когда они поднимались по лестнице.

— Почему? После того, что Марисоль сделала, у тебя было полное право узнать, что происходит.

Это было так, но, все же, у Кейт было чувство, что она должна была понять. Что она должна была больше верить мистеру Зитсу, который, в конце концов, заплатил много денег, чтобы дать им пятерым новую жизнь. Она должна была понять, что у Марисоль просто паранойя.

Новая жизнь показалась слегка одинокой, когда Кейт и Роб попрощались в коридоре. Он пожелал ей спокойной ночи так весело, будто ему нравилось быть ее старшим братом. Это сводило Кейтлин с ума. Как будто ничего другого не приходило ему в голову. Что, по его мнению, возможно, так и есть. Казалось, он вытеснил из своего сознания тот случай, что произошел с ними днем.

Анна села на кровать, когда Кейт зашла в спальню.

— Где ты была?

— Внизу. — Кейтлин хотела поговорить с Анной, но была очень, очень уставшей. Она покопалась в ящике в поисках ночной рубашки.

— Я думаю, я рано лягу спать, ты не возражаешь?

— Конечно, нет. Ты, наверное, все еще плохо себя чувствуешь, — сказала Анна, мгновенно став очень заботливой.

Перед тем как заснуть, Кейтлин пробормотала:

— Анна, а ты знаешь, что такое пилотное исследование?

— Я думаю, это типа первого практического эксперимента, сначала выполняют его. До настоящего эксперимента. Это как пилотная серия у телевизионных сериалов.

— О, спасибо. — Кейтлин была слишком сонной, чтобы произнести еще что-либо. Но ей пришлось в голову, что, может быть, об одной вещи Марисоль говорила правду. Она заявила, что была здесь во время пилотного исследования. А Джойс сказала, что Марисоль наняли раньше.

Тем не менее, все остальное было бредом, например, мысль о том, что Джойс положила что-то странное ей на лоб. Слава Богу, Роб не упомянул об этом при самой Джойс. Она бы подумала, что Кейтлин тоже не помешают медикаменты.

А Роб... Она не будет сейчас о нем думать, она разберется с ним завтра.

Глава 9

Всю ночь Кейт видела странные сны. В одном из них она была на продуваемом ветром скалистом мысе с видом на холодный серый океан. В другом — с Марисоль и группой незнакомых людей. У каждого из них на лбу был глаз. Марисоль усмехнулась и произнесла:

— Думаешь, ты такая умная? У тебя такой же растет. Семя посажено.

Затем появился Габриэль и сказал:

— Мы должны позаботиться о себе. Иначе... ты сама видишь, что может произойти.

Кейтлин видела. Роб упал в расселину в леднике и просил помощи. Она потянулась к нему, но Габриэль оттащил ее. Голос Роба продолжил отдаваться эхом.

Кейт тут же проснулась. Комната была полна утреннего блеклого света. Крик был настоящим.

Крики были отдаленными, приглушенными и, несомненно, истеричными. На часах было 6:15 утра.

«Габриэль, — подумала Кейтлин дико, выпрыгивая из кровати. — Сейчас-то что он сделал?»

Анна тоже поднялась, ее длинные темные волосы были распущены. Глаза насторожены, но в них не было паники.

— Что это?

— Я не знаю!

Она и Кейт вывалились в коридор, даже не подумав надеть халаты. Роб только что появился из своей комнаты, на нем были лишь потрепанные пижамные штаны. Кейтлин почувствовала волну облегчения, поняв, что кричал не он.

— Это доносится снизу, — сказал Роб.

Он перепрыгивал сразу через две ступеньки, а девушки следовали прямо за ним. Кейт могла разобрать слова крика.

— Помогите! Господи! Помогите кто-нибудь! Скорее!

— Это Льюис, — произнесла она.

Они трое проскочили через столовую на кухню. Крик прекратился.

— О, нет, — вымолвила Анна.

Льюис, тяжело дыша, стоял у кухонной раковины. У его ног было что-то вроде кипы, кипы с красно-коричневыми волосами.

Марисоль.

— Что случилось? — выдохнула Кейт.

Льюис только покачал головой. Роб сразу же упал на колени и осторожно перевернул Марисоль. У Кейтлин задрожали колени, когда она увидела лицо девушки. От его оливкового цвета не осталось и следа, она была бела как мел. Даже ее губы были бледными. Ее глаза были приоткрыты, можно было увидеть белое глазное яблоко.

— Ты позвонил в службу спасения? — тихо спросила Анна.

— Нет смысла, — сказал Льюис натянуто. Он держался за раковину, словно ища в ней поддержки, и смотрел вниз. Его лицо, обычно милое и озорное, было искажено ужасом.

— Она мертва. Я знаю, она мертва.

Сильный приступ озноба охватил Кейтлин. То, что двигал Роб, сейчас было телом Марисоль, а не самой девушкой. Всего одно слово — «мертва» — меняло всю картину. Неожиданно Кейт поняла, что не хочет дотрагиваться до... этого. До тела.

Но она все равно села на колени рядом с ним и положила руку на грудь Марисоль. Кейт слегка вздрогнула.

— Я думаю, она дышит.

— Она не мертва, — заверил Роб. Его глаза были закрыты, а пальцы лежали на висках Марисоль. — Ее жизненная энергия очень слаба, но она жива. Я попробую помочь, — он перестал говорить и неподвижно сел с задумчивым выражением лица.

Кейтлин слышала, как позади нее Анна вызывает службу спасения.

— Что произошло, Льюис? — снова потребовала Кейтлин.

— У нее было типа... Это было похоже на припадок. Я спустился рано, потому что хотел есть. Она нарезала грейпфруты. Я поздоровался, она была какой-то раздраженной, а потом внезапно упала. — Льюис тяжело сглотнул и быстро моргнул. — Я пытался поднять ее, но она вся дергалась и тряслась. А потом она перестала двигаться. И я решил, что она мертва.

«Препараты, — подумала Кейтлин. — Что, если Марисоль были прописаны лекарства от приступов, а она перестала их принимать? Или от диабета? Мог диабет вызвать припадок?»

— Где Джойс? — вдруг спросила Кейт, поднимаясь. Это был вопрос, который нужно было задать первым делом. Джойс всегда приходила сюда раньше ребят, пила черный кофе или помогала Марисоль готовить завтрак.

— На холодильнике записка, — показала Анна.

Под магнитом в форме клубники была записка, написанная заостренным небрежным почерком:

«Марисоль, фильтры для кофе, которые ты купила вч. не те, что нужно. Я собираюсь их обменять. Начни завтрак сама. Порежь 3 грейпфрута. Сделай кексы. Тесто для них в голубой чашке в холодильнике. Куда ты положила рецепт?»

— Она в магазине, — объявила Кейтлин и в тот же момент услышала, как открывается парадная дверь.

— Джойс! — воскликнули они с Льюисом одновременно. Кейт понеслась ко входу в столовую. — Джойс, с Марисоль что-то случилось.

Джойс вбежала в комнату. Увидев Марисоль на полу, она бросила бумажный пакет из магазина на стол, из него высыпались несколько яблок и фильтров для кофе.

— О, мой Бог! Что произошло? — спросила она резко. — Она нормально дышит?

Пальцы Джойс передвигались от запястья к шее, ища пульс.

Роб не ответил, он сидел в позе лотоса у головы Марисоль, с закрытыми глазами и пальцами на ее висках. Раннее утреннее солнце выглядывало из восточного окна, свет падал на загорелые плечи молодого человека.

— Я думаю, сейчас она дышит нормально, — прошептал Льюис. — Он сказал, что попробует ей помочь.

Джойс тревожно посмотрела на Робба, затем напряжение на ее лице ослабилось.

— Хорошо.

— Она эпилептик? — спросила Кейтлин мягко, но настойчиво. — Потому что Льюис сказал, что у нее был приступ.

— Что? Нет, — Джойс говорила рассеяно. — А, ты имеешь в виду препараты? Нет, это совершенно из-за другого, он говорил, их выписал психиатр. Бог его знает, может, она приняла слишком большую дозу. Я даже не поговорила с ней на эту тему.

— Мы знаем. Мы видели записку, — начала Кейт, — но...

— Слышите? Сирены, — сказала Анна.

После этого все происходило очень стремительно. Анна и Кейт побежали к парадной двери, чтобы впустить парамедиков[31]. Как только прибыла машина спасателей, следом за ней приехал черный лимузин, из которого вышел мистер Зитс. Потом была полная неразбериха. Мистер Зитс шел очень быстро, несмотря на трость, пармедики носились с оборудованием, а ротвейлеры лаяли. Кейтлин была позади всех, пытаясь заглянуть на кухню. Шум был оглушающим.

— Уберите отсюда этих собак, — закричал один из пармедикиков.

Мистер Зитс дал команду, и собаки ушли в столовую.

— Очистите комнату, — сказала другая женщина-пармедикик. Она тянула Роба, пытаясь оттащить его от Марисоль. Роб сопротивлялся.

Затем заговорил мистер Зитс. Голосом, который всех успокоил.

— Все вы, молодые люди, идете наверх. Ты тоже, Роб. Мы позволим профессионалам об этом позаботиться.

— Сэр, она едва держится, — начал Роб, его голос был полон беспокойства.

— Двигайся, — закричал тянущий его врач.

По пути наверх Кейт встретила лицом к лицу со спускающимся Габриэлем.

— Мы им не нужны, — сказала она. — Поднимайся обратно. И, кстати, почему ты так долго?

— Я никогда не встаю раньше семи, — пробормотал Габриэль, возвращаясь назад. Он был полностью одет.

— Неужели ты не слышал крики?

— Их было трудно не слышать, но я справился с этим.

Роб злобно посмотрел на него, когда проходил мимо. Габриэль насмешливо оглядел его, начиная с босых ног и заканчивая взъерошенными волосами.

— Мы можем посмотреть из окна кабинета, — предложил Льюис, и они все последовали за ним в альков, за исключением Габриэля, который подошел к одному из других окон.

Через несколько секунд пармедики вышли с носилками. Рука Льюиса слегка дернулась в сторону фотоаппарата, который лежал на подоконнике, но потом опустилась.

Они все наблюдали, как носилки загружают в заднюю часть автомобиля. Кейтлин чувствовала себя странным образом напуганной и полной сожаления. Лицо Марисоль выглядело таким маленьким среди взрослых врачей и оборудования.

— Я надеюсь, она в порядке. Она должна быть, — сказала Кейт и опустилась на подоконник. Ее колени дрожали.

Анна села рядом и обняла ее.

— По крайней мере, Джойс поедет с ней, — сказала она тихим нежным голосом. Немного ее спокойствия проникло в Кейтлин, подобно дующему прохладному ветру.

Внизу Джойс влезла в автомобиль, и тот тронулся. Черный лимузин остался.

Роб склонился к стеклу, поставив колено рядом с Кейт, он совсем не стеснялся того, что на нем почти не было одежды.

— Мистеру Зитсу, определенно, не везет, — сказал он медленно. — Каждый раз, когда он сюда приезжает, он не находит здесь ничего, кроме неприятностей.

Прохладный ветер, обдувающий Кейтлин, вдруг стал холодным. Она быстро посмотрела на Роба.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — ответил он, все еще смотря в окно. — Просто жаль его, вот и все.

Льюис и Анна выглядели озадаченными. Кейтлин смотрела на черный лимузин внизу с разрастающимся чувством беспокойства в животе.

Вскоре мистер Зитс позвал их, чтобы отправить в школу. Никто не хотел завтракать, Кейтлин и в школу-то не хотела, но мистер Зитс не спрашивал ее мнения. Он довел их до лимузина и приказал водителю увезти их.

— Ах, отлично, я забыла учебник по социологии, — сказала Кейтлин, когда они доехали до угла. Лимузин вместо того, чтобы повернуть, дал задний ход.

Кейтлин быстро поднялась по ступенькам крыльца и распахнула дверь, помня о пяти людях, ждущих ее в машине. Она вбежала внутрь и резко остановилась. Два ротвейлера мистера Зитса мчались ей навстречу, скребя когтями и скользя по напольному покрытию. Ужасный лай врезался в нее как настоящий удар.

Кейт никогда в своей жизни не боялась собак, но это были не собаки, это были пускающие слюну монстры, от лая которых дрожал потолок. Она могла видеть их розово-черные десны.

Девушка в отчаяние оглянулась в поисках оружия для защиты и увидела мистера Зитса.

Он стоял в маленьком коридоре прямо перед комнатой Джойс. Станным было то, что Кейтлин не заметила, как он подошел, она была уверена, что его там не было, когда она зашла. Девушка смотрела в ту сторону, потому что собаки выбежали оттуда.

А еще более странным было то, что, она могла поклясться, там не закрывалась и не открывалась ни одна из дверей. Дверь в переднюю лабораторию позади него была захлопнута. Так же, как и стеклянные двери слева, которые вели в комнату Джойс.

Но там не было других дверей. Справа от мистера Зитса была сплошная стена, соединенная с лестницей. Поэтому он должен был выйти либо из передней лаборатории, либо из комнаты Джойс. Кейт видела, как его рот зашевелился, и собаки смолкли. Он вежливо кивнул, не отрывая своих пронзительных темных глаз от ее лица.

— Я забыла свой учебник по социологии, — нетвердо сказала она. Ее сердце колотилось, и почему-то у нее было ощущение, будто ее только что поймали на лжи.

— Понятно. Иди и возьми его, — это было все, что он ответил.

Тем не менее, мистер Зитс ждал ее внизу и проводил до двери.

Желание порисовать пришло очень вовремя — во время занятия в студии.

Кейтлин думала о мистере Зитсе весь день и сделала интересное открытие, что это очень даже возможно — быть совсем нерадостным во время ланча, даже несмотря на то, что важные для тебя люди в этот момент очень хорошо к тебе относятся. Несколько девушек из команды болельщиц и три или четыре симпатичных парня подсаживались к ним поговорить, но все это было неважно.

Как бы Кейтлин не пыталась их слушать, ее мысли продолжали возвращаться к мистеру Зитсу, стоящему в тупике того коридора, подобно фокуснику, появляющемуся в опечатанном ящике.

На занятии по искусству предполагалось, что она будет рисовать проект для своего портфолио — важную коллекцию картин, которые могут помочь получить стипендию в колледже в следующем году. Но она не могла сосредоточиться. Оживленная, занятая творчеством аудитория вокруг нее была лишь размытым пятном и гудением.

Почти загипнотизированная, она перевернула страницу в альбоме на чистую и потянулась за масляными пастелями. Она любила пастели, потому что они легко помогали ей нарисовать на бумаге то, что она видела глазами. Они были быстрыми, плавными и энергичными — свободными. Для обычной картины она бы начала с быстрых набросков главных фигур, затем наслаивание деталей. Но это был другой вид рисунков, тот вид, который она не может контролировать...

Она наблюдала, как ее рука пунктирами наносит маленькие штрихи карминного и багрового цветов, превращающиеся в прямоугольник. Длинный прямоугольник. Вокруг него

Кейт наносила красновато-коричневый и жженую умбру. Близкие точки коричневого цвета постепенно создали светящийся узор с изгибами и линиями, похожими на текстуру древесины. Ее рука, сомневаясь, замерла над коробкой с пастелями, какой следующий цвет? Через секунду она выбрала черный.

Черные мазки плотно скопились внутри прямоугольника, образуя тень. Человеческий силуэт, с широкими плечами и линиями тела, которые ниспадали прямо вниз, словно пальто. Человек в пальто.

Кейтлин отодвинулась и посмотрела на рисунок.

Она узнала его. Это был один из тех образов, которые она видела во вчерашней фантастической мозаике. Дверной проход.

Только сейчас она могла видеть полную картину.

Мужчина в пальто перед прямоугольником открытой двери. Красный свет от двери создавал впечатление, что он окружен энергией. Обрамление двери было деревянной... деревянной панелью! Сплошная стена с другой стороны от комнаты Джойс была деревянной панелью.

— Отличная техника сложного цвета, — произнес голос за ней. — Тебе нужна спринцовка с закрепителем?

Кейтлин покачала головой, и учитель прошел дальше.

Лимузин забрал их после школы. Когда они приехали домой, мистер Зитс сообщил им, что Джойс все еще в больнице, Марисоль по-прежнему без сознания и тестирования сегодня не будет.

Кейт подождала, пока все быстро поднимутся наверх, и потом тихо, одного за другим, начала их собирать.

— Нам нужно поговорить. В кабинете, — объясняла она.

Анна, Льюис и Роб пришли сразу. Габриэль же пришел только после того, как Кейт заглянула в его комнату и зашипела на него.

Когда все они собрались, Кейтлин закрыла дверь и включила телевизор. Затем она показала им рисунок и рассказала, что видела этим утром.

— Так ты думаешь... типа там на самом деле дверь? — спросил Льюис. — Я имею в виду, ну и что с того?

Кейтлин посмотрела на Робба, чьи глаза были темными. Темно-золотыми.

— Это еще не все, — произнесла она, и рассказала Анне и Льюису то же, что рассказала накануне Робу и Габриэлю.

Абсолютно все: и о предупреждениях Марисоль, и о тех странностях, что происходили.

Когда она закончила, никто не проронил ни звука, только какое-то музыкальное видео орало по телевизору.

Анна сидела, слегка наклонив голову, ее длинная коса лежала на коленях, а глаза были печальны, их взор был направлен вдаль. Льюис, хмурясь, потирал нос. Лицо Робба было застывшим, его сжатые в кулаки руки лежали на коленях. Сама Кейтлин вцепилась в свой альбом.

Габриэль сидел, откинувшись, одно его колено было согнуто под ручкой дивана. Он играл с четвертаком, подкидывая и ловя его. Казалось, он был совершенно не заинтересован.

Наконец Анна заговорила.

— Что-то происходит. Каждая из этих вещей по отдельности может быть объяснена: то, что сказала Марисоль, или холодный предмет у тебя на лбу. Но если их все сопоставить, то что-то оказывается...

— Неверным, — подсказал Роб

— Неверным, — согласилась Анна.

Лицо Льюиса прояснилось.

— Послушайте, если вы думаете, что там внизу дверь, то почему бы нам не сходить и не проверить?

— Мы не можем, — сказала Анна. — В гостиной мистер Зитс. Так же, как и его собаки.

— Рано или поздно он должен будет уйти, — произнес Роб

Льюис скривился.

— Слушайте, вы действительно имеете в виду, что Институт типа... зло? Вы действительно так думаете? — он повернулся к Робу. — Мне казалось, тебе нравится это место, вся его идея.

Габриэль фыркнул. Роб его проигнорировал.

— Мне на самом деле нравится его идея, — сказал он. — Но реальность... у меня плохое предчувствие. И у Кейтлин тоже.

Все посмотрели на Кейт, которая колебалась.

— Я не знаю насчет предчувствия, — наконец проговорила она, смотря на изображение двери. — Я даже не знаю, верить ли моим рисункам. Но есть только один способ выяснить это.

Глава 10

Потребовалось около получаса, чтобы спланировать взлом. На самом деле им хватило и пяти минут, чтобы разработать план, оставшиеся двадцать пять они потратили, пытаясь заставить Габриэля помочь им.

— Нет, спасибо. Без меня.

— Тебе даже не придется идти вовнутрь, — сказала Кейтлин сквозь зубы. — Все, что тебе нужно, — сидеть в алькове и следить за подъезжающими машинами.

Габриэль покачал головой.

Анна пробовала мягко уговаривать, Льюис пытался дать взятку, но ничего не помогало.

Наконец, Роб встал, издав возглас отвращения, и повернулся по направлению к двери.

— Прекратите уговаривать его. Он просто боится. Неважно, мы и без него справимся.

Глаза Габриэля ожесточились.

— Боюсь?

Роб едва взглянул на него.

— Да.

Габриэль поднялся.

— Рискнешь повторить?

На этот раз Роб повернулся, он стоял лицом к лицу с Габриэлем, и их глаза встретились, без слов продолжая спор. Кейтлин наблюдала за ними, затаив дыхание. Снова думая о том, какие они разные, полные противоположности. Роб... весь светящийся, излучающий энергию, с его волнистыми взъерошенными волосами и пылающими глазами. А Габриэль — сумрак, его кожа была еще бледнее обычного, волосы, контрастируя с ней, казались совершенно черными. Его глаза были бездонными и холодными.

«Как солнце и черная дыра, находящиеся рядом», — подумала Кейтлин. В тот же момент изображение впечаталось в ее сознание. Картина, которую она никогда не нарисует. Слишком уж та пугающая.

И снова она боялась за Роба. Кейт знала, на что способен Габриэль, с ножом или без него. Если они начнут драться...

— Я иду вниз, — сказала она вдруг, — узнать у мистера Зитса, можем ли мы заказать пиццу.

Все удивленно посмотрели на нее. Затем Кейтлин заметила проблеск понимания в глазах Анны.

— Хорошая идея. Я уверена, никто не хочет готовить ужин, — произнесла Анна, поднимаясь и аккуратно беря Роба за локоть. Она слегка подтолкнула Льюиса ногой.

— Ох, хорошо, — сказал Льюис, надевая свою кепку задом наперед. Он все еще смотрел на Габриэля.

Медленно, к огромному облегчению Кейт, обе воюющие стороны отвели глаза и отступили друг от друга. Роб позволил Анне себя увести. Кейтлин убедилась, что он вышел

за дверь.

Затем она снова посмотрела на Габриэля. Его глаза все еще были темны, как черные дыры, но улыбка была дразнящей и насмешливой.

— Ты можешь откладывать, но когда-нибудь это обязательно случится.

До того, как Кейтлин смогла вызывающе спросить, что же произойдет, он добавил:

— Я прослежу отсюда за машинами. Но это все. Я не буду рисковать своей головой, чтобы помочь тебе. Если что-то пойдет не так, ты сама по себе.

Кейт пожала плечами.

— Я всегда сама по себе, — сказала она и пошла вниз заказывать пиццу.

Мистер Зитс находился в Институте до одиннадцати часов. Кейтлин боялась оставаться с ним внизу после ужина. Она опасалась, что кто-нибудь из них нечаянно раскроет их план. Они сидели в кабинете, притворяясь, что делают домашнюю работу, и все время прислушивались к малейшему признаку того, что мистер Зитс собирается уезжать.

Когда он, наконец-то, решился, он позвал их на лестницу и сказал, что Джойс, несомненно, скоро вернется.

— Но до этого времени вы не будете одни, я оставлю с вами Принца и Барона, — объявил он.

Кейтлин изучала его лицо, размышляя о том, как сильно он подозревает, что они что-то замышляют. Были эти глаза злыми или просто проницательными? Была ли тень мрачной улыбки на его губах?

«Он не может ничего знать», — подумала она.

Изо всех сил стараясь выглядеть непринужденно, Кейт сказала:

— Ах, спасибо, мистер Зитс.

Когда парадная дверь за ним закрылась, Кейтлин посмотрела на Анну, которая ответила ей таким же беспомощным взглядом.

— Принц и Барон? — произнесла Кейт.

Анна вздохнула, теребя кончик своей косы. Если бы это был кто-нибудь другой, можно было бы подумать, что он нервничает.

— Я не знаю, я попробую, но они выглядят трудно поддающимися влиянию.

— Вам лучше пойти, если вы решились, — отрывисто сказал Габриэль.

— А ты иди и спрячься, я имею в виду, будь на страже... в темноте, — ответил ему Роб.

Кейтлин схватила его за запястье и стащила вниз на пару ступенек. Несмотря на то, что она очень любила Роба, иногда бывали моменты, когда ей хотелось стукнуть его по голове.

Габриэль удалился в потемневший кабинет с непроницаемым лицом.

— Сначала ты, Анна, — сказала Кейт.

Анна спустилась по лестнице так медленно и грациозно, будто она парила. Роб и Кейт следовали за ней, Льюис был сзади.

— Аккуратно! Не спешите! — предупредила Анна, когда спустилась вниз. Тихое рычание раздалось откуда-то из-под лестницы.

Одна собака была в коридоре с деревянными панелями, Кейтлин заметила ее, пока они огибали угол. Другая была в затемненной гостиной, почти сливаясь с тенями. Они обе напряженно наблюдали за Анной.

— Аккуратно! — выдохнула Анна, и это было последнее слово, которое она произнесла.

Девушка стояла совершенно неподвижно и смотрела на собаку в гостиной. Ее левая рука была направлена в сторону пса в коридоре, как бы прося подождать.

Рычание смолкло. Поднятая рука Анны медленно сжалась, словно она поймала что-то в кулак. Она плавно, не спеша, повернулась, чтобы посмотреть на собаку в коридоре.

— Берегись, — крикнул Роб, выскакивая вперед.

В полной тишине, скалясь, и со стоящей дыбом шерстью, собака из гостиной подкрадывалась к Анне.

Все произошло слишком быстро, чтобы Кейтлин успела понять. Она осознала только то, что отчаянно схватила Роба за руку, пытаясь удержать его, догадываясь, что только Анна сможет справиться с псом, а кто-либо другой лишь отвлечет девушку. Затем Анна подняла руку, приказывая остановиться, но ротвейлер по-прежнему подходил. Зловеще двигаясь, подобно смазанной маслом боевой машине, продолжая скалиться.

— Нет, — сказала Анна резко и добавила несколько слов на незнакомом Кейт языке. — Хвэхи, Соква, брат волк спать! Сейчас не время охотиться. Лежи и не шевелись!

Потом, не показывая ни малейшего признака страха, она приблизилась к рычащей морде. Она опустила одну руку на нее, а другой схватила пса за загривок, смотря прямо в глаза животного, решительно и стойко.

— Здесь я вожак стаи, — сказала она четко. — Это не твоя территория. Здесь я доминирую.

— У Кейтлин было ощущение, что слова являлись только частью общения. Что-то непроезжимое проходило между грациозной девушкой и животным.

А собака реагировала. Оскал пропал. Шерсть сгладилась, более того, спина выпрямилась, поникла, и собака улеглась. Хвост между лап. Изменились и глаза. Вся ее поза говорила о повиновении.

Анна протянула руку другой собаке, которая медленно приближалась к ней, хвост опущен, она почти ползла. Девушка прижала руку к морде собаки, очевидно устанавливая господство.

Брови Роба поднялись.

— Как долго ты сможешь это поддерживать?

— Я не знаю, — сказала Анна, не оборачиваясь. — Я попробую удерживать их прямо здесь, но вам, ребята, лучше работать быстро.

Она наклонила голову, и по-прежнему смотря на собак, начала спокойно и монотонно говорить. Кейтлин не понимала слов, но ритм был успокаивающим. Собаки выглядели загипнотизированными, немного поеживались и нежно тыкались в нее носами.

— Идемте, — сказал Роб.

«Панели в коридоре были выполнены из темной древесины: грецкого ореха или красного дерева», — смутно подумала Кейтлин. Она и Роб внимательно осматривали стену, пока Льюис косился на нее с сомнением.

— Здесь, — сказала она, указывая на центр панели. — Это похоже на трещину, так ведь? Это может быть верхом двери.

— Это означает, что где-то здесь должен быть расцепляющий механизм, — произнес Роб, ощупывая гладкое дерево и пустоши между панелями. — Но случайно мы, скорее всего, никогда его не найдем. Возможно, нужно нажимать более чем в одно место и делать это в определенной последовательности, ну, или что-то типа того.

— Хорошо, Льюис, — сказала Кейтлин, — покажи, на что способен.

Льюис втиснулся между ними, бормоча:

— Но я понятия не имею, что делать. Я ничего не знаю о скрытых дверях.

— Но ведь ты так же не знаешь, что делаешь, когда используешь психокинез на аппарате случайных чисел, так ведь? — требовательно спросила Кейт. — Как же ты умудряешься это делать?

— Я, вроде как, тыкаю в предметы разумом. Это бессознательно. Я просто нажимаю и смотрю, что получается, если что-то срабатывает, то я продолжаю.

— Напоминает биологическую обратную связь, — произнес Роб. — Люди не знают, как они замедляют свое сердцебиение, но ведь они делают это.

— Хорошо, тыкай по этой панели и смотри что произойдет, — велела Кейт Льюису. — Мы должны найти ту дверь, если она существует.

Льюис начал слегка гладить панель вытянутыми пальцами, время от времени останавливаясь и нажимая на дерево, все его тело было напряжено. Кейтлин знала, что он также надавливает разумом.

— Давай, ну, где же ты? — бормотал он. — Откройся, откройся.

Что-то щелкнуло.

— Получилось! — воскликнул Льюис, его голос был скорее удивленным, нежели ликующим.

Кейтлин смотрела, чувствуя, как слабеют ее колени.

Там была дверь. Во всяком случае, проход. Средняя панель вдавилась и гладко соскользнула влево. В до этого сплошной стене зияла дыра.

Это очень походило на рисунок Кейтлин, за тем исключением, что в проходе не было человека. Там были только ступеньки, ведущие вниз, слабо освещенные полуприкрытыми красными лампами на уровне пола. Казалось, они включились из-за открытой двери.

Льюис выдохнул одно слово:

— Боже.

— Почему так темно? — спросила Кейтлин. — Почему бы не установить нормальное освещение?

Роб кивнул в сторону стеклянных дверей комнаты Джойс прямо напротив.

— Может быть, потому что она там. Таким образом сюда можно попасть незамеченным даже ночью.

Кейтлин нахмурилась, потом пожала плечами. Не было времени, чтобы думать об этом.

— Льюис, оставайся здесь. Если Габриэль закричит, что видит подъезжающие к дому машины, скажи нам. Мы быстро поднимемся, а ты закроешь дверь.

— Если я смогу закрыть дверь, — сказал Льюис. — Это как пытаться научиться шевелить ушами. Ты не знаешь, как это, пока не научишься.

Но он разместился у панели, как решительный солдат.

— Я пойду первым, — сказал Роб и осторожно начал свой путь вниз по лестнице. Кейтлин последовала за ним, жалея, что не взяла фонарик. Ей совсем не нравился этот поход в тусклом рассеянном красном свете. Хотя лампы и освещали ступеньки, кроме них больше ничего не было видно. Лестничный спуск казался подвешенным над пропастью.

— А вот и конец, — сказал Роб. — Кажется, еще один коридор, подожди, здесь выключатель.

Свет включился. Холодный зеленоватый флуоресцентный свет. Они были в коротком коридоре. В его конце была единственная дверь.

— Нам, возможно, еще потребуется Льюис, — произнесла Кейтлин. Но дверь открылась, как только Роб повернул ручку.

Кейт не знала, что она ожидала увидеть там, но это, определенно, было не то, что им открылось. Обычный офис. Со столом в углу, компьютером и шкафами для хранения бумаг. После скользящей панели и темной лестницы это было чем-то вроде разочарования.

Она посмотрела на Роба.

— А ты не думаешь... Я имею в виду, а что, если мы ошибались? Что, если эта тайная комната здесь только из-за его эксцентричности. Вполне возможно.

— Все возможно, — ответил Роб, так кратко, что Кейтлин поняла: ему тоже было интересно.

Он подошел к одному из шкафов с бумагами и с треском вытащил ящик.

Звук заставил кожу Кейт покрыться мурашками. Если они ошиблись, то у них не было права копаться в чужих вещах.

Демонстративно она подошла к столу и просмотрела бумаги в лотке. Это были деловые письма, в большинстве случаев от важно звучащих людей, адресованные мистеру Зитсу. Они все казались дубликатами, копиями. Большое дело.

— Знаешь что? — угрюмо сказала она, все еще копаясь в бумагах. — Я только что поняла. Если мистер Зитс что-то и скрывает, он не стал бы это здесь прятать. С чего бы ему это делать? У него есть места получше, у него есть дом, ведь так? У него корпорация где-то...

— Кейтлин.

— Ну?

— Я думаю, тебе следует на это взглянуть, — сказал Роб, он держал папку из шкафа. На обложке была прикреплена фотография Кейт и крупными буквами написано: *КЕЙТЛИН БРЭЙДИ ФЕИРЧАЙЛД, ПРОЕКТ «ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ»*.

— Что за Проект «Черная Молния»?

— Я не знаю. Здесь похожие папки на каждого из нас. Внутри только пачка бумаг с разнообразной информацией. Ты знала, что у них есть твое свидетельство о рождении?

— Юристы говорили отцу, что им понадобится всякие бумаги... а это что?

— График твоих тестирований, я полагаю.

Загорелый палец Роба провел по нижней оси.

— Смотри, этот датируется вчерашним днем. Здесь говорится: *«Первое Тестирование с...»*, и тут слово, которое я не могу прочитать.

— Первое тестирование с чем-то, — повторила Кейтлин медленно. Затем дотронулась до своего лба.

— Но что же это значит?

Роб покачал головой.

— Там еще другой набор папок, с другими именами.

Он поднял папку, на обложке которой была улыбающаяся девушка с темно-каштановыми волосами. На ней было написано: *САБРИНА ДЖЕССИКА ГАЛЛО, «ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ», ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*.

Через эту надпись, по диагонали жирной красной ручкой было нацарапано слово *«ЛИКВИДИРОВАТЬ»*.

Кейтлин и Роб посмотрели друг на друга.

— Что именно ликвидировать? — выдохнула Кейт. — Исследование или девушку?

Не говоря ни слова, поддавшись единому порыву, они вернулись к поискам.

— Так, у меня письмо, — сказала она через миг. — Оно от *«Уважаемой Сьюзан Болдвин»*, судьи. В нем говорится: *«Прилагаю список потенциальных клиентов, кто может заинтересоваться проектом»*.

— *«Проектом»*. — Кейт просматривала список. *«Приговор Максу Лоуренсу от первого мая. ТиЭрАй Инкорпорейтид — установочная конференция с Клиффорд Электроникс Лимитид, двадцать четвертое июня»*. — Это, похоже, все имена, даты слушаний и прочее.

— Здесь другая папка, — сказал Роб. — Тут трудно понять, но я думаю это прошлый грант от НАСА[32]. Да, грант от НАСА на полмиллиона, выданный в 1986 году. На... — Он остановился и внимательно прочитал: — исследование возможности разработки пси-оружия.

—Что-что? — спросила Кейтлин без особой надежды. — Пси-чего?

Глаза Роба были темно-золотыми и тусклыми.

— Я не знаю, что все это значит. Но это, определенно, плохо. Мистер Зитс нам многого не рассказал.

— «Это место не такое, как вы думаете», — процитировала Кейт. — И до нас было пилотное исследование, так что Марисоль сказала правду. Что случилось с теми ребятами? Что случилось с Сабриной?

— И что произойдет с... — Роб замолк. — Ты слышала это? Шум наверху?

Кейтлин вслушалась, но ничего не услышала.

Наверху, Габриэль закипал от злости.

Разумеется, весь план был дурацким. Зачем они захотели пойти и вмешаться в то, что явно было не их делом? Волноваться о мистере Зитсе нужно было тогда, когда он бы попытался сделать что-то с вами, а не заранее.

А потом деритесь, убейте его, если необходимо. Он всего лишь старик. Но зачем портить то, что до сих пор казалось такой выгодной сделкой.

Это была *его* идея. Габриэль был в этом совершенно уверен. Идея Кесслера. Робу

Добродетельному, вероятно, показалось, что наследование такого большого количества денег являлось недуховным. Ему было просто необходимо все как-нибудь испортить.

Кейтлин в последние дни была такой же невыносимой, как и Роб. Она была полностью очарована Кесслером. С чего Габриэль должен беспокоиться о ней, девушке, влюбленной в парня, которого он ненавидит? Девушке, которая только беспокоит его...

«Девушка с волосами, похожими на огонь и глазами ведьмы», — прошептал его разум.

Девушка, которая не оставляет его в покое, изводит его...

«Кто провоцирует тебя, — продолжал шептать голос разума. — Кто может быть такой же сильной, как и ты».

«Девушка, которая постоянно сталкивается с тобой, пытаюсь прорваться в твою крепость».

«Кто похож на тебя».

«О, заткнись!» — приказал Габриэль своему внутреннему голосу и задумчиво уставился в темноту за окном кабинета. Улица перед Институтом была тиха и пуста. Естественно, ведь была полночь, а здесь, в пригороде, это означает, что все уже уютно устроились в своих кроватях.

Тем не менее, Габриэль беспокоился. Какие-то звуки, казалось, ютились у него в подсознании. Наверно, машины на улицах позади Института.

«Машины...»

Внезапно Габриэль напрягся. Глаза сузились, секунду он прислушивался, затем вышел с алькова. Из западного окна кабинета ничего не было видно. Тихими шагами взломщика он направился в заднюю часть дома — в спальню Роба и Льюиса. Он выглянул из окна, выходящего на север. И там был он. Лимузин. Очевидно, он поднялся по узкой грязной дороге позади Института. Сейчас единственный вопрос был, выйдет ли мистер Зитс сейчас или...

Прямо под ним, на кухне, Габриэль услышал, как открылась дверь.

«Задняя дверь, — подумал он. — А эти идиоты внизу ждут, что он войдет через парадную. Нет времени, чтобы спуститься и предупредить их, да и мистер Зитс услышит крик».

Габриэль скривился. Трудно. Кейтлин знает правду. Он сказал, что не будет рисковать своей головой ради нее. Да он ничего и не может сделать... за исключением...

Он слегка покачал головой.

«Нет, не то».

В отражении потемневшего окна его взгляд был холодным и жестким.

Внизу хлопнула кухонная дверь.

«Нет», — сказал он себе. Он не будет. Не будет...

Глава 11

На дне лотка лежал исписанный листок, похожий на тот, на котором обычно рассеянно рисуют, разговаривая по телефону. Кейтлин смогла разобрать небрежно написанные слова «Операция Удар Молнии» и «ударная пси-команда».

— Это странно, — начала она, но не закончила предложение, потому что ощутила, будто на нее что-то обрушили.

Она не сразу смогла понять, что это было. Как и целительная передача энергии Роба, это не было чем-то, что можно увидеть, услышать или попробовать. Но если поток энергии Роба был удивительным, воодушевляющим, дарящим огромное удовольствие, то это походило на то, как будто вас сбили скорым поездом. У Кейтлин было ощущение, словно по отношению к ней применили насилие. И, так как ощущение не имело связи с обычными органами чувств, оно копировало их. Кейтлин почувствовала аромат роз. А так же жжение в голове, похожее на болезненное прижигание, которое не проходило до тех пор, пока у нее в мозгу не сработала вспышка, такая, как от фотоаппарата Льюиса. Затем, сквозь вспышку, она

услышала голос.

Голос Габриэля.

— *Убирайтесь оттуда! Он только что вошел через заднюю дверь.*

На секунду Кейт парализовало. Знать о том, что Габриэль мог общаться напрямую с ее сознанием и чувствовать это, оказалось двумя совершенно разными вещами. Сначала ей показалось, что у нее были галлюцинации, что это невозможно.

Роб широко открыл рот.

— Боже, он телепат.

— *Заткнись, Кесслер. Двигайтесь. Делайте что-нибудь. Вас вот-вот поймают.*

Кейтлин вновь остолбенела от удивления. Общение было двусторонним, Габриэль мог слышать Роба. Затем какой-то примитивный инстинкт пробудился внутри нее и стряхнул все размышления. Пора было действовать, а не думать.

Она побросала письма назад в лоток и задвинула ящики шкафов. Затем у нее появилась идея, и она попробовала сделать то, чего раньше никогда не делала. Кейт попыталась отправить мысль. Она не знала, что для этого нужно, но она попыталась, сосредотачиваясь на жжении и запахе роз в голове.

— *Габриэль? Ты меня слышишь? Ты должен сказать Анне, что он здесь, скажи ей не отпускать собак, пока...*

— *Я слышу тебя, Кейтлин. Это Анна.* — Ее ответ был легче, спокойнее, чем общение с Габриэлем. Он очень походил на обычный голос девушки.

Кейт осознала кое-что: она не только могла слышать Анну, у нее так же было ощущение того, где она находится и что делает. Как будто она могла чувствовать присутствие Анны. И Льюиса...

— *Льюис, закрой панель,* — подумала она. — *А затем иди наверх. Анна, отпусти собак, как только он это сделает.*

— *А вы что будете делать?* — спросил Льюис. Кейтлин чувствовала, что он работал с панелью.

— *Прятаться,* — коротко ответил Роб, выключая флуоресцентный свет в коридоре и офисе.

Несмотря на то, что прошло всего несколько секунд со вспышки в голове Кейтлин, ей они показались часами. Эта странная телепатия может быть очень дезориентирующей, но это был невероятно эффективный способ общения.

— *Я закрыл панель, иду наверх.*

— *Отпускаю собак. Иди скорее, Льюис, давай же.* — Голос Анны стал резче, и Кейт могла почувствовать волну настойчивости, исходящую от нее.

— *Что происходит?* — потребовала Кейтлин.

— *Подожди! Я думаю все в порядке. Да.* — Сейчас Кейт чувствовала облегчение Анны. — *Он шел по столовой, как раз когда мы поднимались по лестнице. Но я не думаю, что он видел нас. Он смотрел на собак.*

— *Вам двоим лучше лечь в постель, он может подняться наверх,* — сказал Роб. Кейтлин повернулась, чтобы посмотреть на него в темноте. Это потрясюще, его мысленный голос звучал точно так же, как и обычный. Более того, он был еще честнее. Казалось, он отражает всю сущность Роба. Сейчас голос был полон заботы об Анне и Льюисе.

— *Или он может спуститься сюда,* — прошептал он Кейтлин своим настоящим голосом. — *Давай.*

Роб взял ее за руку. Его способность ориентироваться в темноте была за пределами понимания Кейт, но он с легкостью довел их до стола.

— *Лезь под него,* — тихо сказал он. — *Стол не будет видно из прохода, шкафы заслоняют его.*

Кейтлин залезла, там было очень тесно.

А затем они ждали. Больше делать было нечего. Сердце Кейтлин бешено колотилось, звук казался очень громким в такой тишине. Ее рука в руке Роба была скользкой. Сидеть

неподвижно было гораздо труднее, чем двигаться и говорить.

Еще один страх охватил ее. Это была способность Габриэля, верно? Та, которая убила Айрис, девочку в Дареме. Та, которая почти свела с ума парня с ирокезом всего за сорок пять секунд. А как долго Габриэль держал их сознания соединенными сегодня ночью? И сколько это продлится перед тем, как он начнет высасывать их мозги?

«Связь должна стать нестабильной, — напомнила она себе. — Это то, что он сказал. Он может ей управлять, если контакт непродолжителен».

И все же она боялась. Даже несмотря на то, что Габриэль не сказал ни слова с самого начала, она могла чувствовать его там. Сильное присутствие, окруженное гладкими и очень прочными стенами. Он всех их держал на связи, и с каждой секундой эта связь становилась все более опасной.

Рядом с ней Роб напрягся.

— *Слушай,* — сказал он.

Кейтлин уловила быстрый скользящий звук. Панель.

— *Я не думаю, что это Льюис,* — добавил Роб

— *Это не я. Я в постели,* — подтвердил сам Льюис.

Мысленный голос Анны был четок и решителен:

— *Ты хочешь, чтобы мы что-нибудь сделали, Кейт?*

Кейтлин глубоко вдохнула, затем отправила мысль:

— *Нет, просто сидите тихо. С нами все будет хорошо.*

В то же самое время она почувствовала, как Роб сжал ее руку. Есть некоторые вещи, которые можно выразить даже без телепатии. Они оба знали, что с ними не будет все в порядке, но она не видела никакого способа, каким Анна могла бы им помочь.

Внезапно по полу заскользили рассеянные лучи света. Мистер Зитс зажег флуоресцентный свет в коридоре.

«Пожалуйста, не дай ему войти, пожалуйста, не дай ему войти», — повторяла Кейтлин. Потом она попыталась перестать думать, на тот случай, если остальные могли почувствовать ее панику.

Дверь офиса открылась, свет пролился в кабинет.

Под столом Кейт спрятала лицо в плечо Роба, стараясь совершенно не двигаться. Если бы он на самом деле не заходил, если бы он только заглянул...

Больше света. Мистер Зитс нажал на выключатель в офисе. Теперь ему оставалось только ступить за шкаф и увидеть их.

«Интересно, нас тоже ликвидируют? — подумала Кейтлин. — Как Сабрину. Как Марисоль».

Она хотела выпрыгнуть и покончить с этим, посмотреть в лицо мистеру Зитсу.

«Мы в любом случае погибли».

Единственное, что удерживало ее от движения, была рука Роба.

Наверху она услышала дикий шум. Взрыв гавканья и лая.

«Что это?» — подумала девушка.

Голос Габриэля, с наглым сарказмом поверх бешеной ярости, вернулся.

— *Я немного разозлил собак. Думаю, это поможет вытащить его наверх.*

Кейтлин затаила дыхание. Возникла пауза, потом свет в офисе погас, и дверь закрылась. Через минуту свет погас и в коридоре, а затем она услышала треск.

Кейт повисла на Робе. Он обнял ее обеими руками, и она прижалась к нему, несмотря даже на то, что для объятий было слишком жарко.

Наверху все еще продолжался лай, затем он постепенно смолк, становясь более отдаленным.

Голос Габриэля появился вновь:

— *Он отводит их к лимузину, и я не думаю, что он вернется, но Джойс может появиться в любую минуту.*

— *Льюис,* — сказал Роб, — *вытащи нас отсюда.*

Через десять минут они все сидели наверху в кабинете.

Было совершенно темно, за исключением лунного света, проникающего сквозь окно. Они едва могли видеть друг друга, но это было неважно. Они могли чувствовать друг друга.

Кейтлин за всю свою жизнь никогда не ощущала такого близкого присутствия других людей. Она знала, где находился каждый из них. У нее было неуловимое чувство, говорящее ей, что каждый из них делал. Это было так, как будто они были не совсем отдельными людьми, а некоторым образом связанными.

«Как насекомые, пойманные в огромную паутину, — думала она. — Соединенные вместе почти невидимыми нитями. Каждое дерганье этих нитей позволяет понять, что кто-то движется».

Ее разум художника выдал ей образ: они пятеро, висящие, пойманные в ловушку, распластанные, а между ними шелковые нити, жужжащие от их движений.

— Отличная картина, но я не хочу быть застрявшим в паутине с вами, — тихо сказал Льюис.

— А я не хочу, чтобы ты читал мои мысли, — ответила ему Кейтлин. — Это было личное.

— *Как я...* Ну, я имею в виду, как я должен разговаривать? — спросил Льюис, переходя с мысленного голоса на обычный в середине предложения.

— Это никому не нравится, — сказал Роб. — Габриэль, отключи это.

Возникшую тишину Кейтлин ощутила и разумом, и ушами.

Все повернулись, чтобы взглянуть на Габриэля. Он смотрел в ответ с холодным пренебрежением.

— Отлично, — ответил он, — только скажи мне как.

Кейт уставилась в темноту, где сидел Габриэль.

— *Что ты под этим подразумеваешь?* — спросил Роб с убийственным спокойствием. Кажется, он даже не заметил, что говорил не вслух.

— А ты раньше так делал? — быстро вмешалась Анна. — Я имею в виду, как это обычно прекращается?

Габриэль повернулся к ней.

— Обычно? Это когда люди падают замертво или начинают кричать?

И снова абсолютная тишина. Затем внезапное бормотание голосов, как мысленных, так и обычных.

— *Ты говоришь, это убьет нас?* — начал Льюис.

— Минутку, давайте оставаться спокойными, — продолжила Анна.

— *Я думаю, тебе лучше начать объяснять, приятель,* — заключил Роб.

Габриэль присел на секунду. У Кейтлин сложилось впечатление, будто он ошетинился и оскалился, как один из тех ротвейлеров. Затем медленно и невозмутимо он начал объяснять.

Это была история о его способностях, которую он уже рассказывал Кейтлин. О том, как Айрис — девочка из Дарема — умерла, о том, как он сбежал после этого, о человеке, который пытался его убить, но которого вместо этого убил он. Он рассказывал об этом без эмоций, но Кейт могла почувствовать, что он просто прятал их за своими стенами.

«Они все могли это почувствовать», — понимала Кейтлин.

— *Я ненавижу это так же сильно, как и вы,* — заканчивал Габриэль. — *Последнее, чего я хочу, это знать, что творится в ваших беспомощных, жалких умишках. Но если бы я знал, как этим управлять, меня бы здесь не было.*

— *Он чувствует себя пойманным в ловушку гораздо сильнее, чем кто-либо из нас. Как паук, попавший в свою паутину,* — прокомментировала Анна. Кейтлин было интересно, хотела ли девушка поделиться этим наблюдением, или она просто думала об этом.

— Но тогда зачем ты сделал это с нами сегодня? — потребовал Роб. Кейт чувствовала его замешательство. Прямая связь с разумом Габриэля пошатнула его представление о нем, как об эгоистичном, безжалостном убийце. Кейтлин понимала это.

«Забавно, — думала она, — потому что образ эгоистичного, безжалостного убийцы

был именно тем, что Габриэль прямо сейчас изо всех сил пытался проецировать на нас».

— Если ты знал, что не можешь этим управлять, зачем ты применил свою телепатию к нам? — спросил Роб сердито.

— *Потому что я не смог придумать никакого другого способа, чтобы спасти ваши безмозглые головы.* — Ответ Габриэля был равносителен нокауту.

Роб сел.

— Возможно, и впрямь не было другого способа, — сказала Кейтлин рассудительно. — Мистер Зитс собирался зайти. И он мог увидеть нас в тот момент, когда собаки начали лаять. Кстати, что ты с ними сделал?

— *Бросил в них ботинком.*

— *В тех псов? Черт побери!* — воскликнул Льюис.

Казалось, Габриэль мысленно пожал плечами.

— *Я подумал, он должен подняться и посмотреть, что происходит. Потом он не смог их заткнуть, и в конце концов ему пришлось вывести их на улицу.*

— Слушайте! — вмешалась Анна. — Может, нам не следует пользоваться телепатией так много. Может, это пройдет быстрее, если мы будем игнорировать ее.

— Это пройдет, когда мы ляжем спать, — сказал Габриэль решительно.

«Но вслух», — обратила внимание Кейтлин.

— Ты уверен? — спросил Льюис.

— Да.

Кейт решила не упоминать, что на самом деле Габриэль не чувствовал такой уверенности, какую он вложил в ответ.

— В любом случае нам действительно надо идти спать, — сказала она. Только сейчас, когда вся ее паника и возбуждение прекратились, она начала осознавать, как сильно устала. Тело Кейтлин ломило от напряжения и от сидения под столом. А ее мозг был изможден от попыток разобраться во всем, что произошло сегодня. Приступ Марисоль, появление мистера Зитса у секретной двери, ее рисунок на занятии и в конце концов взлом. Так много всего случилось, что ее голова уже просто не выдерживала.

— Но вы же не рассказали нам о том, что там внизу, за панелью, — сказал Льюис. — Вы нашли что-нибудь?

— Мы нашли предостаточно и ничего хорошего, — ответил Роб. — Но Кейтлин права. Мы можем поговорить об этом завтра.

Кейт могла почувствовать, как Анна прикусила губу, желая задать вопрос, но рассудила, что будет мудрее подождать. Кейтлин могла так же почувствовать, как Льюис вздохнул. Но это все было заглушено ужасным ощущением истощения, даже головокружения или болезни. Она ощущала не только *свое* утомление. Габриэль был на грани обморока. Он был...

— *Роб*, — сказала девушка настойчиво.

Роб уже двигался. Пытаясь подняться, Габриэль споткнулся и упал на колени. Кейтлин помогла Робу усадить его обратно на диван.

— У него плохи дела. Как у тебя, когда ты израсходовала слишком много энергии вчера, Кейт, — сказал ей Роб. Он держал руку Габриэля, а тот слабо сопротивлялся.

— Я не расходую энергию, делая это, я потребляю ее, — возразил он.

— Ну, в этот раз что-то ты израсходовал, — ответил Роб. — Может, потому что ты соединял так много людей. В любом случае... — Кейтлин могла слышать его глубокий вдох и почувствовала, как он сильнее сжал руку Габриэля. — В любом случае, возможно, я могу тебе помочь. Позволь мне...

— Нет, — крикнул Габриэль. — Отпусти меня.

— Но тебе нужна энергия. Я могу...

— *Я же сказал, отпусти!* — и вновь сама мысль была нападением.

Кейтлин поморщилась, и все немного отступили. Все, за исключением Роб. Он стоял на своем.

Льюис слабо сказал:

— Я думаю, прямо сейчас у него достаточно энергии.

Все внимание Габриэля было по-прежнему сосредоточено на Робе.

— Мне ничего и ни от кого не нужно, — огрызнулся он, пытаясь вырваться из хватки Роба. — Особенно от тебя.

— Габриэль, послушай, — начала Кейт, но Габриэль явно был не в настроении слушать. Она могла чувствовать волны оборонительной, разрушительной ярости, бьющей по ней, как ледяной удар шторма.

— *Мне никто из вас не нужен. Это ничего не меняет, так что, даже не думайте об этом. К завтрашнему дню все пройдет, а до тех пор просто оставьте меня в покое!*

Роб колебался, затем отпустил руку Габриэля.

— Как хочешь, — сказал он почти мягко и отступил назад.

«А сейчас, — подумала Кейт, — самая интересная часть. Сможет ли Габриэль самостоятельно добраться до своей комнаты или нет?»

Он смог. Не очень твердо, но воинственно. Не нуждаясь в словах, чтобы послать сообщение о том, что им лучше держаться подальше.

Дверь в большую спальню резко за ним захлопнулась. Кейтлин могла ощущать его присутствие по ту сторону, но это был образ стен и барьеров с шипами. У нее самой раньше были такие стены.

— Бедный парень, — пробормотал Льюис.

— Я думаю, нам всем стоит пойти спать, — предложила Анна.

Так они и сделали. На часах Кейтлин было 2:52 утра. Девушка смутно размышляла о том, как они доберутся до школы завтра, когда сильная усталость победила ее.

Последнее, что она помнила перед тем, как уснуть, было мыслью:

— *Кстати, Габриэль, спасибо, что рискнул своей собственной головой.*

В ответ она получила только ужасные образы ледяных стен и запертых дверей.

Кейт снился сон. Это был тот старый сон о мысе, скалистом мысе и океане с холодным ветром. Девушка дрожала от брызг. Небо было таким темным из-за туч, что она не могла понять, был это день или вечер. Одна единственная чайка кружила над водой.

«Какое пустынное место», — думала она.

— Кейтлин!

«Ах, да, — вспомнила Кейт. Голос, зовущий ее. Это тоже было в ее первом сне. — А сейчас я оглянусь, и там никого не будет».

Она покорно обернулась и вздрогнула.

Роб спускался со скалы. Его светло-золотые волосы покрыты брызгами, низ пижамных штанов был в мокром песке.

— Я не думаю, что ты должен быть здесь, — сказала ему Кейтлин, смущенная откровенностью ее сна.

— Я и не хочу быть здесь. Тут холодно, — ответил он, подпрыгивая и хлопая ладонями по голым рукам.

— Ну, тебе стоило одеть более практичную одежду.

— Мне тоже холодно, — сказал третий голос. Кейт оглянулась. Льюис и Анна были за ней, оба выглядели замерзшими и незащищенными от ветра.

— Кстати, чей это сон? — добавил Льюис.

— Это очень странное место, — сказала Анна, осматривая его своим темным задумчивым взглядом. Затем она сказала: — Габриэль, ты в порядке?

Габриэль стоял немного ниже по мысу, скрестив руки на груди. Кейтлин чувствовала, что ее сон становился многолюдным и от этого довольно абсурдным.

— Забавно, — начала она.

— *Я не думаю, что это забавно, и я не буду притворяться,* — произнес голос Габриэля у нее в голове.

«...если это сон».

Внезапно Кейтлин очень засомневалась.

— А ты действительно здесь? — спросила она Габриэля. Он просто холодно взглянул на нее глазами такого же цвета, как и океан, окружавший их.

Кейт повернулась к остальным.

— Послушайте, ребята. У меня уже был этот сон, но тогда вас в нем не было. Это, правда, вы? Или вы мне снитесь?

— Я тебе не снюсь, — сказал Льюис. — Я вообще думаю, что это ты мне снишься.

Роб не обратил на него внимания и покачал головой, смотря на Кейтлин.

— Я никак не смогу доказать, что я настоящий, до завтрашнего дня.

Станным образом это убедило Кейт, а может, это была близость Роба, ее пульс ускорился, когда она посмотрела на него. Определенно, ее сознание не могло изобразить что-то столь ярко.

— Так у нас теперь и сны общие? — спросила она нервно.

— Это, должно быть, телепатическая связь. Та твоя с, — сказала Анна.

— Если у Кейт раньше был этот сон, это ее вина, — сказал Льюис, — правильно? И, между прочим, где мы?

Кейтлин смерила взглядом узкую отмель.

— Не имею ни малейшего представления. Мне пару раз снился этот сон, но он никогда так долго не длился.

— А ты не могла бы погрезить о каком-нибудь более теплом месте? — попросил Льюис, стуча зубами.

Кейтлин не знала как. Это не походило на сон, скорее, она чувствовала себя более бодрствующей Кейтлин, чем неясной Кейтлин, которая полусознательно двигалась по снам.

Анна, которую, казалось, холод затронул меньше всего, сидела на коленях у края воды.

— Это странно, — сказала она. — Видите те груды камней повсюду?

Это было то, чего Кейт раньше не замечала. Мыс граничил со скалами, большинство из которых выглядели, будто их прибило к берегу. Но некоторые из них лежали грудями, наложенные друг на друга, образуя причудливые башни. У некоторых из них были длинные оси, другие были расположены горизонтально. А некоторые походили на здания и фигуры.

— Кто это сделал? — спросил Льюис, собираясь пнуть груды.

— Эй, не надо, — сказал Роб, блокируя удар.

Анна встала.

— Он прав, не порти ничего. Это не наше.

— *Это ничье. Это только сон*, — сказал Габриэль, окидывая их взглядом, который был еще холоднее, чем дующий ветер.

— Если это сон, почему ты еще в нем? — спросил Роб.

Габриэль молча отвернулся.

Кейтлин точно знала одно: этот конкретный сон был длиннее, чем все остальные. Они, возможно, и не находятся в нем, но Роб pokrылся гусиной кожей. Им нужно было найти укрытие.

— Здесь должно быть место, куда можно пойти, — сказала она. Там, где мыс соединялся с землей, был очень сырой и скалистый берег, а над ним каменная отмель и деревья — высокие ели, которые образовывали темную и непривлекательную чашу.

С другой стороны была вода... А напротив — одинокий утес, оголенный в некоторых местах и черный из-за деревьев в других. Там не было никакого признака человеческого проживания, за исключением...

— Что это? — спросила она. — Та белая вещь?

Она едва могла рассмотреть ее в тусклом свете, но это походило на белый дом на отдаленном утесе. У нее не было мыслей о том, как туда добраться.

— Это бесполезно, — пробормотала она, и в тот же момент волна теплоты охватила ее. Как странно. Все становилось мутным. Кейтлин внезапно поняла, что в то же время, как она

стояла на скалистом мысе, она лежала... лежала на кровати.

На секунду ей показалось, что она может выбрать, где она хочет быть.

«Кровать, — подумала она решительно. — То, другое место, слишком холодное».

Затем Кейт перевернулась. Она была в кровати и натягивала на себя одеяла. Ее сознание казалось слишком затуманенным, чтобы позвать остальных и выяснить, действительно ли они были в одном сне.

Глава 12

Следующим утром Кейтлин разбудил возглас:

— *О, нет!*

— *Льюис?* — смутно подумала она.

— *Привет, Кейтлин! Привет, Роб!*

— *Пр'валивай, Л'юс, я сплю*, — ответил Роб невнятно. Но, разумеется, он не сказал этого, по крайней мере, вслух. Он был в своей спальне, точно так же, как и Льюис. Кейт почувствовала там их присутствие. Она глянула на грудку одеял и заметила, что Анна смотрела на нее с соседней кровати. Она выглядела румяной, милой и смилившейся.

— *Привет, Анна!* — сказала Кейтлин, так же смилившись.

— *Привет, Кейт!*

— *Привет, Анна!* — весело произнес Льюис.

— *И спокойной ночи, китаец!* — прокричал Габриэль с другого конца дома. — *Заткнитесь все к чертовой матери!*

Анна и Кейтлин посмотрели друг на друга.

— *А он вспыльчивый по утрам,* — заметила Кейтлин.

— *Все парни такие,* — спокойно сказала ей Анна. — *Во всяком случае он, кажется, восстановил свои силы.*

— *Я думал,* — начал Роб, его мысленный голос стал более бодрым, — *ты сказал, что к утру это пройдет.*

Ответом ему было зловещее молчание со стороны Габриэля.

— *Мы могли бы, кстати, одеться,* — произнесла, наконец, Кейтлин, почувствовав, что тишина затянулась. — *Почти семь.*

Она обнаружила, что если сосредоточиться на себе, то мысли остальных уходят на второй план, что было очень кстати во время душа и переодевания. Есть некоторые вещи, которые необходимо делать в одиночестве.

Но не имело значения, что она делала, они все равно были там, в уголках ее сознания, как друзья, только в пределах слышимости. Уделение внимания любому из них, приближало этого человека.

Не считая Габриэля, который, казалось, заперся в углу. Попытки дотянуться до него отскакивали рикошетом от его гладких стальных стен.

Пока Кейтлин не оделась, она и не вспоминала о сне.

— Анна, прошлой ночью... тебе снилось что-то необычное?

Анна взглянула на нее из-за блестящих волос цвета воронова крыла.

— Ты о том месте у океана? — спросила она, энергично расчесываясь. Девушка не выглядела обеспокоенной.

Кейт села.

— Это, и правда, было. Я имею в виду, вы на самом деле там были. *Ребята, вы все были в моем сне*, — беззвучно добавила она, чтобы все могли услышать.

— *Ну, это не так уж удивительно, да?* — спросил Роб из своей комнаты. — *Если наши умы телепатически соединены, а одному из нас снится сон, остальные могут в него попасть.*

Кейтлин покачала головой.

— *Это гораздо серьезней*, — сказала она Робу. Но что именно, она не знала. Так или

иначе, в тот момент вмешался Льюис, спускающийся с лестницы.

— *Эй, я думаю, Джойс дома. Я слышу кого-то на кухне. Пошли вниз!*

Все мысли о сне исчезли. Кейтлин и Анна выбежали из комнаты, встретив Роба на полпути к лестнице.

— Джойс! — воскликнул Льюис, когда они зашли на кухню, он также произнес это и мысленно, но Джойс не могла этого заметить.

— Вы в порядке? — спросила Кейт. Джойс выглядела очень бледной, и у нее под глазами были огромные темные круги. Она казалась почему-то... моложе, словно ребенок с короткой стрижкой, которая ему не идет.

Кейтлин сглотнула, но не смогла произнести следующие слова. Анна сказала их за нее:

— А Марисоль?..

Джойс опустила коробку с хлопьями, так, будто она была слишком тяжелой.

— Марисоль... стабильна, — затем, казалось, самоконтроль, присущий взрослому человеку, оставил ее, губы затряслись, и Джойс выпалила: — Она в коме.

— О Боже, — прошептала Кейтлин.

— Врачи наблюдают за ней. Я оставалась с ее семьей в больнице прошлой ночью, но у меня не получилось побыть с ней.

Джойс покопалась в сумочке, и, найдя салфетку, высморкалась. Она подняла пачку с завтраком и тупо посмотрела на нее.

— Давайте вы сейчас опустите коробку и просто присядете, — заботливо предложил Роб. — А мы обо всем позаботимся.

— Точно, — сказала Кейт, радуясь, что кто-то взял командование на себя.

Она сама чувствовала себя больной и напуганной. Но когда она делала что-то, ей становилось лучше. Через несколько минут Джойс сидела за кухонным столом рядом с Анной, поглаживающей ее руку. Кейтлин заваривала кофе, а Роб и Льюис расставляли чашки и раскладывали ложки.

— Это все так сбивает с толку, — сказала Джойс, вытирая глаза и сжимая салфетку в кулаке. — Семья Марисоль не знала, что она на препаратах, они даже не знали, что она ходит на приемы к психиатру. Мне пришлось им рассказать.

Кейтлин посмотрела на Роба, заслоненного дверцей от буфета, он ответил ей мрачным многозначительным взглядом. Затем, внимательно считая ложки молотого кофе, девушка спросила Джойс:

— А кто вам рассказал, что она ходит к врачу?

— Кто? Мистер Зитс. — Джойс поднесла руку ко лбу. — Кстати, он сказал, что вы, ребята, вели себя очень хорошо прошлой ночью. Рано легли спать, и все такое.

Анна улыбнулась.

— Ну, мы же не дети, — она была единственной, кто мог говорить, остальные были заняты потоками мысленных разговоров.

— *Я так и думала,* — сообщила Кейтлин Робу. — *Джойс ничего не знает о Марисоль, кроме того, что ее нанял мистер Зитс. Помнишь, когда я спросила ее о лекарстве Марисоль, она ответила: «Он сказал, что его выписал психиатр»? Это был мистер Зитс. Тот, кто рассказал ей об этом. Откуда нам знать, может, Марисоль вообще на самом деле ничего не принимала?*

Лицо Роба было непроницаемым.

— *А сейчас она в коме потому, что...*

— *Потому, что она знала слишком много о том, что здесь происходит. Что на самом деле происходит,* — закончила Кейт.

— *О чем, ребята, вы нам все еще не рассказали,* — напомнил ей Льюис. — *Но, послушайте, а почему бы нам не рассказать Джойс о том, что происходит? Я имею в виду, о том, что происходит с нами. Она может знать, как эта телепатическая связь работает...*

— *НЕТ!*

Мысль обрушилась сверху как раскат грома. Кейтлин непроизвольно посмотрела наверх.

Мысленный голос Габриэля был полон ледяной ярости.

— *Мы не можем никому рассказывать, особенно Джойс.*

— Почему? — спросил Льюис.

Через пару секунд Кейтлин поняла, что он сказал это вслух. Анна бросала встревоженные взгляды из-за стола.

— Эм, кто-нибудь хочет сахар или подсластитель? Может, что-нибудь еще к хлопьям? — вмешался Роб. — Льюис, будь осторожен, — произнес он мысленно.

— Сахар, — сказал тот, послушавшись. — *Но почему мы не можем рассказать Джойс? Вы ей не доверяете?* — добавил он так, что это прозвучало театральным шепотом.

— Подсластитель, — попросила Кейтлин у Роба. — *Я думаю, я на самом деле доверяю ей, я не считаю, что она что-то знает.*

— *Идиотка! Нельзя никому верить*, — прорычал Габриэль сверху. Громкость его мыслей доставляла Кейт головную боль.

Похоже, Роб и Льюис тоже страдали от этого, они сели за стол. Кейтлин налила Джойс чашку кофе и присоединилась к ним.

Произносимые и мысленные разговоры сформировали ужасный контрапункт[33].

— Мне не хотелось бы этого говорить, но я думаю, он прав, — сказал Роб тихо, когда смолкли раскаты эха яростного сообщения Габриэля. — *Я тоже хочу верить Джойс, но она все передает мистеру Зитсу. Она рассказала ему про Марисоль, и смотрите, что случилось*.

— Все будет хорошо, — проговорила Анна, обращаясь к Джойс. — *Она очень переживает из-за Марисоль. Это искренне*, — сказала она остальным.

— *Она взрослая*, — категорически заявил Габриэль. — *Взрослым вообще нельзя доверять*.

— И если она невиновна, она может пострадать, — добавил Роб.

— Если мы как-нибудь можем помочь Марисоль, дайте нам знать, — сказала Кейтлин Джойс. — *Хорошо. Мы не расскажем ей*, — согласилась она. — *Но нам нужно где-то добыть информацию о телепатии и поговорить о том, что мы с Робом нашли в секретной комнате*.

Роб кивнул, замаскировав это под сильный приступ кашля.

— Нам лучше встретиться в школе. Одним. А то разговоры, вроде этого, сведут меня с ума.

Кейтлин почувствовала согласие, идущее отовсюду, кроме верхнего этажа.

— Тебя это тоже касается, Габриэль, — угрюмо сказал Роб. — *Ты тот, кто это начал, так что, ты придешь, парень.*

Вслух же он произнес:

— Не могли бы вы передать мне апельсиновый сок?

Они встретились во время ланча. Кейтлин и Роб рассказали обо всем, что нашли в секретном офисе мистера Зитса под лестницей. Как и Кейт, Анна и Льюис были озадачены наличием тех папок и бумаг.

— Пси-оружие, — произнес Габриэль, казалось, эти слова доставляют ему удовольствие.

По единогласному решению они разговаривали вслух, и Кейт не могла понять, о чем Габриэль думал, скрываясь за своими стенами.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил его Роб. Его отношение к Габриэлю изменилось за одну ночь. В нем чувствовалась новая терпимость и товарищеский дух. Кейтлин несколько беспокоилась, что он собирался подталкивать и провоцировать Габриэля всякий раз, когда он решит, что это будет тому полезно.

— Ну, «пси» должно быть понятно и дураку, — сказал Габриэль. — Это означает

нечто, активируемое людьми со сверхспособностями.

— *В противоположность чему-то, активированному психами?*

— Льюис! — хором воскликнули Анна, Кейтлин и Роб. Габриэль ограничился испепеляющим взглядом.

— Я ничего не смог поделаться. Извините. Я больше ничего не скажу таким образом, хорошо? — Льюис сосредоточился на своем молоке.

— Что-то... активируемое... сверхспособностями, — холодно повторил Габриэль, бросив взгляд на Льюиса. Когда никто не вмешался, он повернулся к Робу. — Мне нужно объяснять про оружие или ты сам с этим справишься?

Роб наклонился вперед.

— Зачем... НАСА... необходимо, чтобы он... разрабатывал оружие?

Кейтлин бросила вилку на стол между ними, чтобы привлечь внимание.

— А может, НАСА на самом деле не хотели, чтобы он разрабатывал оружие, а им было нужно, чтобы он выяснил, есть ли кто-то еще, занимающийся этим? Тысяча девятьсот восемьдесят шестой — это же год, когда взорвался Челленджер[34], верно? Может, НАСА решило, что взрыв являлся саботажем? Что были использованы сверхспособности?

— Саботаж, совершенный кем? — тихо спросил Роб.

— Я не знаю, может, бывшим Советским Союзом? Или кем-то еще, кто не хотел, чтобы космонавтика продолжала развиваться. Если есть люди, обладающие психокинезом, который работает на очень больших расстояниях, можно с легкостью переключить управление на космическом корабле, просто находясь на земле. Я понимаю, что это не слишком приятная мысль, но это возможно.

— Мы имеем дело с не слишком приятными людьми.

— Послушайте, а что насчет остальных вещей в той комнате? — спросил Льюис. — Я о бумагах, связанных с пилотным исследованием, и письме от судьи...

— Забудьте об этом! Обо всем! — резко сказал Габриэль, а когда несколько человек повернулись, чтобы возразить, он добавил: — *Забудьте! Для начала, нам есть, о чем побеспокоится, понятно?*

Кейтлин медленно кивнула:

— Ты прав. Если эта... сеть... что соединяет нас, станет нестабильной....

— Да даже если и не станет, надо от нее избавиться, — жестко сказал Габриэль. — А единственное место, где мы можем получить информацию о телепатии, достоверную и подробную, это Институт.

— Точно, у Джойс куча книг, журналов и прочего в лаборатории, — сказал Льюис. — Но она посчитает странным то, что мы вдруг так заинтересовались.

— Если только мы не пойдем прямо сейчас, — произнес Габриэль. — Она, возможно, спит.

— Может, и спит, — сказала Кейтлин осторожно, — а если нет? А если мистер Зитс там...

— Если бы да кабы... Мы не узнаем, пока не пойдем и не выясним. — Габриэль встал, будто все уже было решено.

— *Черт подери, он вдруг стал весь такой активный! В этом-то он явно заинтересован.*

— Льюис, — произнесла Кейт мягко.

Но Льюис был прав.

Джойс действительно спала. Стекланные двери, ведущие в ее комнату, были распахнуты настежь. Кейтлин посмотрела на Робу, и сейчас он мог понять ее без слов.

— *Жалко*, — все же сказала она ему, — *я надеюсь, у нас будет шанс вернуться в секретную комнату. Но это слишком рискованно. Она может услышать нас.*

Он кивнул.

— *Это в любом случае слишком опасно. Эти двери практически полностью стеклянные, если она проснется, то сразу же увидит ту панель.*

На лице Льюиса возникло нетипичное для него хмурое выражение.

— *Я думал, мы должны разговаривать вслух.*

— *Только не тогда, когда мы стоим у двери Джойс*, — пояснила Кейт. — *Эта штука полезна, когда нам необходимо вести себя тихо*. — Она беззвучно ушла.

Они обнаружили Габриэля в лаборатории, уже сидящего на коленях у шкафа и просматривающего стоящие в нем журналы. Кейтлин отправилась помогать ему.

— В задней лаборатории есть еще шкафы, — сказала Анна, и они с Льюисом вышли за дверь.

Роб присоединился к Кейт. Ему не нужно было ничего говорить, она могла чувствовать его бдительную защиту. Он собирался смотреть в оба, когда Габриэль был поблизости от нее.

«В этом нет нужды», — подумала Кейтлин, а потом ей стало интересно, слышали ли ее остальные. Ох, не нравилась ей эта... эта демонстрация. Неуверенность в том, были ли ее собственные мысли личными. Она раздраженно потянулась за книгой.

— *Нам нужно избавиться от этого*.

Она почувствовала, как от Роба и Габриэля, находившихся по обе стороны от нее, исходило согласие.

Они искали целую вечность. Кейтлин просматривала различные журналы, такие, как «Журнал Американского сообщества Физического Исследования» и «Исследования в области Парапсихологии». Некоторые из них были переводами с трудно произносимыми названиями, вроде «Сделоваци Техника».

Там были статьи о телепатии, проецировании мыслей и внушаемости. Но ничто не выглядело хоть отдаленно похожим на их ситуацию.

Наконец, когда Кейтлин уже начала беспокоиться, что Джойс может скоро проснуться, Анна взволнованно позвала их из другой комнаты.

— *Народ! Я кое-что нашла.*

Они все поспешили в заднюю лабораторию и окружили девушку.

— «О стабильности телепатической связи, как о действии равновесия в самоподдерживающихся геометрических конструкциях», — зачитала она, держа в руках журнал с красной обложкой. — Он о группах, находящихся в телепатической связи, таких же, как наша.

— Что за самоподдерживающиеся геометрические конструкции? — спросила Кейтлин очень спокойным голосом.

Анна улыбнулась.

— Это сеть. Ты же сама ее так назвала, Кейтлин. Мы, как пять точек, соединенных в геометрическую фигуру. И суть в том, что она стабильна, так говорится в статье. Два соединенных разума — нестабильны, три или четыре — нестабильны. Но пять — вполне. Они образуют что-то вроде неизменной формы, и вся она, в итоге, находится в равновесии. Вот почему мы все еще связаны.

Роб взглянул на Габриэля.

— Это ты виноват, тебе не стоило соединять нас, всех пятерых.

Габриэль не обратил на него внимания, потянувшись за журналом.

— Все, что я хочу знать, это то, как нам разъединиться.

— Я как раз к этому перехожу, — сказала Анна, держа журнал подальше от Габриэля. — Я еще не прочитала эту часть, но там есть параграф о том, как нарушить стабильность и разорвать связь.

Ее глаза просматривали страницу, продолжая удерживать журнал на достаточном расстоянии от Габриэля.

Остальные нетерпеливо ждали.

— Здесь говорится, что это все теоретически, так как до этого никто не соединял пять разумов... подождите... здесь говорится, что большие группы тоже могут быть стабильными... хорошо... вот. Нашла, — Анна начала читать вслух. — «Разрушить связь

будет труднее, чем создать, потребуется гораздо большее количество усилий». Подождите, здесь пишут, что есть один верный способ разорвать ее.

Анна резко остановила взгляд на странице. Кейтлин могла почувствовать ее шок и испуг.

— Что? — потребовал Габриэль. — Что там говорится?

Анна посмотрела на него.

— Тут говорится, что единственный верный способ уничтожения сети — смерть одного из участников.

Все пораженно уставились на нее, не произнося ни звука: ни мысленно, ни вслух.

— То есть, — сказал Льюис дрожащим голосом, — сеть не убьет нас, но единственный способ избавиться от нее заключается в том, что один из нас должен быть убит?

Анна покачала головой. Не отрицая, просто беспомощно.

— Так говорится в статье. Но это только теория. Никто на самом деле не знает...

Габриэль выхватил у нее журнал, он быстро прочитал то, что там было написано, замерев на секунду. Затем яростным жестом запустил им в стену.

— Это навсегда, — безапелляционно заявил он и отвернулся к стене.

Кейтлин дрожала. Его злость напугала ее, она смешалась с ее собственными чувствами шока и страха. Во многих отношениях ей нравилась их связь. Это было интересно, необычно. Иначе. Но не иметь возможности разрушить ее... Знать, что они застряли в этой паутине до тех пор, пока кто-то из них не умрет...

«Вся моя жизнь изменилась, — думала она. — Навсегда. Что-то... бесповоротное... произошло, и никак это не обратить. Я никогда не буду одна... несвязанная... снова».

— По крайней мере, мы знаем, что это никого из нас не убьет, — сказала Анна тихим голосом.

Кейтлин медленно произнесла:

— Как ты сказала, статья может быть неверна. Возможно, есть другой способ разрушить связь. Мы можем прочитать другие книги и журналы и выяснить это.

— Есть способ. Должен быть, — сказал Габриэль надломленным, почти неузнаваемым голосом.

«Из всех нас, он в самом ужасном положении, — как-то бесстрастно подумала Кейт. — Он не может переносить эту близость, чувствовать всех нас настолько рядом с собой».

— *Пока мы не найдем решения, вы все держитесь от меня подальше*, — объявил мысленный голос Габриэля, будто отвечая на раздумья Кейтлин. Слышал ли он ее?

— Тем временем, — сказал Роб тихим, уравновешенным голосом, — мы могли бы учиться управлять ей.

— *Просто держитесь подальше!* — крикнул Габриэль и вышел из комнаты.

Льюис, Анна, Роб и Кейтлин остались, смотря ему вслед.

— Почему он так на нас злится? — спросил Льюис. — Если тут и есть чья-то вина, то только его.

Роб слабо улыбнулся.

— Поэтому и злится, — произнес он сухо. — Ему не нравится быть виноватым.

— Нет, это гораздо серьезнее, — сказала Кейт. — Он помог нам, и смотрите, куда это его привело. Так что, вся эта ситуация просто подтверждает то, о чем он думал с самого начала. О том, что никогда и никому не следует помогать.

Все просто стояли, снова повисла тишина.

«Мы еще не осознали все это, — подумала Кейтлин. — У нас шок».

Тогда она мысленно встряхнулась.

— Эти шкафы выглядят не очень, нам лучше быстро прибраться. Мы можем поискать другие статьи о разрушении сети позже, когда будем знать, что Джойс нет поблизости.

Они привели в порядок книги и полки для журналов в обеих лабораториях. Когда Кейтлин уже заканчивала, она нашла другую статью, которая заинтересовала ее.

Кто-то пометил эту страницу красным стикером. Заголовок был прост: «Ци и кристаллы».

— *Ребята, что такое Ци?* — спросила она, едва ли заметив, что говорила не вслух.

— Это китайское слово, обозначающее твою жизненную энергию, — сказал Льюис, подходя к ней. — Она течет по всему твоему телу по разным каналам, ну, как кровь или электричество. Она есть у всех. А у людей со сверхспособностями ее больше.

— Так Ци — это то, чем управляет Роб? — спросила Кейтлин.

— Это одно из названий, — ответил он сам. — В другом центре мне перечислили много других. Например, в Индии это называется «Прана», а Древнем Египте — «Секем». Но это одно и то же. Оно есть у всех живущих существ.

— Ну, согласно этой статье, ее содержат еще и кристаллы.

Роб нахмурился.

— Кристаллы не живые.

— Я знаю, но здесь говорится, что, теоретически, кристаллическая структура может сберегать ее наподобие заряженной батареи, — сказала Кейт.

Она все еще задумчиво смотрела на статью. Что-то мучило ее, шепча, что это важно, требуя, чтобы она обратила на это внимание. Но она не понимала, на что именно.

Статья выглядела так, будто ее читали много раз.

— Она встала, — сказал Роб.

Кейт тоже это услышала. Воду, бегущую в единственной ванной, которая была внизу. Джойс проснулась и теперь умывалась.

Анна взглянула на часы.

— *Полчетвертого. Мы можем сказать ей, что пришли из школы пешком.*

Кейтлин кивнула и почувствовала согласие, идущее от остальных. Она выпрямила спину, подняла высоко голову и отправилась на встречу к Джойс.

Глава 13

Вся следующая неделя была беспокойной. Днем им нужно было ходить в школу, а после нее Джойс проводила свои тесты. Все свободное время было посвящено двум вещам: попыткам найти способ разрушить сеть и попыткам получить больше информации о планах мистера Зитса. Проблема была в том, что они не продвинулись ни в одном из дел.

Они больше не смогли попасть в секретную комнату. Хотя Роб и Кейтлин ждали такого шанса, но Джойс больше не покидала Институт и спала с открытыми дверьми.

Кейт находилась в постоянном состоянии удивления и нервозности. Было трудно все время быть настороже из-за Джойс, удерживаться от разговоров о тех единственных двух вещах, которые теперь были важны в ее жизни. Но как-то она справлялась с этим. Они все справлялись.

Марисоль оставалась в коме, и только членам семьи позволялось ее навещать. Но Джойс звонила каждый день. И каждый день новости были те же самые: без изменений.

Мистер Зитс посещал Институт несколько раз, всегда неожиданно. От него они тоже скрывали свои секреты, по крайней мере, так считала Кейтлин. Время от времени, когда она видела пронизательные темные глаза мистера Зитса, задерживающиеся на Габриэле, она начинала в этом сомневаться.

Сам Габриэль был... тревожным. Тревожащим. Он принимал такое положение вещей не очень хорошо.

Для Кейтлин, хоть эта близость и была странной и пугающей, она так же была восхитительной. Девушка за свою жизнь ни разу не чувствовала такой близости с другими людьми. Сверкающие энтузиазмом мысли Льюиса, прохладная безмятежность мыслей Анны — это было здорово. А близость с Робом была фактически мучительным удовольствием.

Но для Габриэля это все было пыткой. Он проводил каждую минуту своего свободного времени, читая журналы и книги, пытаясь найти способ разорвать сеть. Он убедил Джойс,

что он просто был заинтересован в исследовании своего дара, чему она была только рада. Она даже позволила ему ходить в библиотеку и брать больше книг и журналов. Но он не находил ничего полезного. И каждый день, снова не найдя, он все дальше отдалялся от остальных. Он научился телепатически отгораживать себя, и Кейтлин едва могла ощущать его присутствие.

— *Мы пытаемся не лезть к тебе,* — сказала она ему.

И это было правдой, они пытались, потому что все они были обеспокоены.

Казалось, Габриэль все больше и больше копил в себе напряжение, как что-то, готовое вот-вот взорваться.

Во вторник, через неделю после установления телепатической сети, Джойс снова тестировала Кейтлин электроэнцефалографом. Кейт, в свою очередь, ждала этого.

— *Я думаю, она применит его,* — сказала она Робу. Они неплохо научились отправлять сообщения конкретным людям.

— *Я могу зайти в любое время, когда захочешь,* — ответил он. — *Но что ты хочешь, чтобы я сделал? Просто попытался понаблюдать за ней?*

Кейт размышляла над этим, пока выполняла инструкции Джойс: сесть и закрыть глаза.

— *Нет, если есть что-то, что она не хочет, чтобы ты увидел, она не позволит наблюдать. Не мог бы ты отвлечь ее, когда я попрошу? Всего на минутку?*

— *Конечно,* — просто ответил Роб.

Сейчас, когда Марисоль не могла ей помогать, Джойс вообще перестала проводить эксперименты с Габриэлем и обычно отправляла Роба и добровольца в заднюю лабораторию, в то время как остальные тестировались в передней. Роб был сейчас там вместе с Фон, девушкой с рассеянным склерозом. Кейтлин чувствовала его — ожидающего, настороженного и бдительного.

— Хорошо. Ты знаешь, что делать, — сказала Джойс, прикрепляя последний электрод в центр лба Кейт. На ее третий глаз. — Я сконцентрируюсь на картинке, а ты расслабься.

Кейтлин пробормотала что-то, сосредотачиваясь на ощущениях от того самого электрода. Холодный. Определенно, холоднее остальных. На лбу было ощущение покалывания.

Когда девушка расслабилась, позволяя разуму погрузиться в темноту, она знала, чего ожидать.

Это пришло. Сначала чувство невероятного давления в голове, затем оно превратилось в ощущение вздутости, как у надуваемого воздушного шарика, а затем пошли образы.

Они мелькали в ее голове со сбивающей с толку скоростью, и она могла распознать только некоторые из них.

Кейт видела розы и лошадь. Она видела мистера Зитса перед секретным дверным проходом. Она видела белый дом с коричневым лицом в окне.

И... неожиданно... Она услышала голоса.

Голос Анны:

— *Кейт, я не могу думать. Что происходит?*

Льюис:

— *Чееееерт.*

Роб:

— *Просто подождите.*

И в то же самое время, к изумлению Кейтлин, она четко могла слышать Габриэля.

— *Что за черт? Что ты пытаешься сделать?*

Она заставила себя проигнорировать отвлекающие образы.

— *Габриэль, а ты где?*

— *Поднимаюсь по Эксмор Стрит.*

Кейтлин была поражена. Эксмор Стрит была в нескольких кварталах от Института. Они выяснили, что их телепатия резко ослабевала на расстоянии. Нечто большее, чем один квартал, и их связь становилась непригодной для ясного общения.

Но Габриэль сейчас был четок, болезненно четок.

— *Я позже объясню,* — сказала ему Кейт. — *Просто попробуй потерпеть это несколько минут»*

Затем она сказала Робу:

— *Сейчас .*

Тут же она услышала глухой стук, а затем голос Фон, кричащий:

— Джойс, о, пожалуйста! Робу плохо!

Кейтлин сидела абсолютно неподвижно и с закрытыми глазами. Она услышала суету с той стороны ширмы, затем голос Анны говорящий:

— *Она уходит. Сейчас она в задней лаборатории.*

Кейт открыла глаза и протянула руку ко лбу. Маленький электрод легко оторвался, но под ним что-то осталось. Она могла это ощущать кончиками пальцев, что-то приклеилось ко лбу вместе с электродной пастой.

Аккуратно, ее сердце бешено колотилось, она сняла это. Взглянув на предмет, зажатый между ее указательным и большим пальцами, она почувствовала шок от разочарования. Там ничего не было, просто комочек электродной пасты. Поцарапав его ногтями, она увидела, что под слоем пасты было что-то твердое и такое же белое или полупрозрачное, поэтому так трудно было его разглядеть. Предмет был размером и формой как ее маленький ноготок, совсем гладкий и плоский. Он походил на кристалл.

Все это время она могла слышать нечеткие голоса в другой комнате.

Теперь Роб говорил ей:

— *Будь осторожна, Джойс встает.*

Кейтлин быстро приклеила маленький кристалл назад, на лоб, и прижала его сверху электродом, молясь о том, чтобы они оба не отлетели.

— *Она возвращается,* — сообщил Льюис.

— *Вот и она ,* — объявила Анна.

Кейт вытерла предательскую пасту на пальцах о джинсы. Она подняла карандаш с планшетом и начала рисовать. Было совершенно не важно, что именно. Она сделала набросок розы.

Ширма сдвинулась.

— Кейтлин, я отсоединю тебя, — сказала Джойс быстрым обеспокоенным голосом. — Роб свалился от усталости. Я думаю, он переутомился, работая с той девушкой. Анна, Льюис, не могли бы вы помочь дотащить его сюда, до дивана? Я хочу, чтобы он немного полежал.

Кейт не двигалась, сжав пальцы, виновато осознавая, что под ногтями все еще была электродная паста. Она почувствовала облегчение, потому что Джойс, казалось, не заметила ничего необычного с электродом на лбу. Сама же Кейтлин обратила внимание, что Джойс, сняв тот электрод, потянулась к карману на рубашке, будто пряча что-то в руке, а потом убирая.

— *Роб, ты в порядке?* — спросила Кейт, пока Льюис и Анна помогали ему войти, а Джойс отвернулась, чтобы уложить его на диван.

Кейтлин получила мысленный образ подмигивания.

— *Все нормально. Ты увидела что-нибудь?*

— *Кристалл ,* — ответила она. — *Нам нужно поговорить об этом, попытаться понять, что это значит.*

Роб произнес:

— *Конечно, как только она позволит мне встать .*

— Пока ты не ушла... Что ты нарисовала? — спросила Джойс, посмотрев на Кейтлин, которая направилась к двери.

Девушка подняла планшет и показала ей изображение розы.

— О, ну ничего, в следующий раз получится. Это должна была быть лошадь. Жаль, что нам пришлось прервать твоё тестирование.

— Ничего страшного. Я пойду вымывать эту электродную штукуну из волос, — про себя она добавила: — *Нам лучше встретиться до ужина*.

Она поднялась вверх, чтобы подумать, но почему-то ее голова казалась затуманенной, а мысли вялотекущими. Голос Роба достиг ее:

— *Кейтлин, ты себя нормально чувствуешь?*

Кейт начала отвечать и только тогда поняла, как же на самом деле она себя ощущала.

— *Ой, Роб, я дура! Я совсем забыла, что со мной произошло, когда Джойс сделала это в прошлый раз.*

Она могла ощутить сопереживание и сочувствие, исходящие от Льюиса и Анны. Роб же выразил это словами:

— *Головная боль.*

— *Сильная, — призналась Кейтлин. — Она быстро наступает и становится хуже.*

Разочарование Роба было почти ощутимым.

— *А я застрял здесь с Джойс, хлопочущей обо мне.*

— *Ничего страшного, — сказала девушка быстро. — Предполагается, что ты в полном упадке сил, так и оставайся в нем. Не делай ничего, что может вызвать у нее подозрения.*

Чтобы отвлечься, Кейтлин выглянула в окно, щурясь из-за мягкого света. От того, что она увидела, у нее душа ушла в пятки.

В ту же секунду пошла встревоженная ответная реакция от ребят внизу.

— *Что? Что?* — повторял Льюис. — *Что не так?*

— *Все нормально, — ответила Кейтлин. — Не беспокойтесь. Мне нужно кое-что проверить.*

Это был первый раз, когда она попробовала обмануть их, но ей нужно было время, чтобы подумать в одиночестве. Она мысленно оторвалась от остальных, зная, что они с уважением к этому отнесутся. Это было, как повернуться к ним спиной в заполненной людьми комнате. Единственный способ уединения, который у них теперь был.

Она колебалась, стоя у окна и смотря на черный лимузин, припаркованный на узкой грязной дороге, и на две фигуры, находящиеся рядом с ним. Один человек был высоким, седым, одетым в серое пальто. А второй — гибким, темноволосым, в красном свитере.

Мистер Зитс и Габриэль, разговаривающие в месте, где их никто не мог услышать.

Кейтлин заторопилась вниз и беззвучно выскользнула через заднюю дверь.

«Тихо», — сказала она себе, пока пробиралась к холму за Институтом. Неслышно и осторожно. Она держалась смазанных теней от секвой, подкрадываясь к своим жертвам.

Она подобралась достаточно близко, чтобы слышать разговор Габриэля и мистера Зитса.

Кейт присела за кустом, внимательно смотря на них сквозь колючую зимнюю, но при этом зеленую листву.

Понимание того, что телепатическое «стеностроительство» Габриэля имело недостатки, принесло ей мрачное удовлетворение. Он забаррикадировался от них так эффективно, что не почувствовал ее присутствия в нескольких ярдах от него.

К счастью, собак мистера Зитса не было поблизости, чтобы обнаружить ее.

Бесстыдно подслушивая, Кейтлин напрягла уши.

Один страх бился внутри нее даже острее, чем боль. Ужасный страх, что они разговаривали о телепатической сети.

В некотором смысле, она не удивилась бы. Напряженность в Габриэле возрастала с каждым днем. Он был в отчаянии, а как известно, отчаявшиеся люди ищут отчаянных средств.

Но если он предал их, тайно перешел на сторону мистера Зитса...

Но пока она слушала, ее сердцебиение слегка успокоилось. Казалось, это был не тот разговор. Мистер Зитс тешил самолюбие Габриэля, хваля молодого человека неопределенным и экстравагантным способом.

«Как кто-то грубо льстящий студенческому братству», — подумала Кейтлин.

Это напомнило ей о речи, с которой мистер Зитс выступил в их первый день в Институте.

— Я знаю, как ты, должно быть, себя чувствуешь, — говорил он, — подавленным, окруженным обществом, загнанным в заурядность. В эту посредственность. — Мистер Зитс жестом показал вокруг себя, и Кейт, сидящая под кустом, инстинктивно пригнулась еще ниже. — Все это время твой дух чувствует себя пойманным в клетку.

«Это отвратительно, — думала Кейтлин, — разговаривать о клетках с тем, кто только вышел из тюрьмы для подростков».

— Отчужденный, одинокий, — продолжал мистер Зитс, а Кейтлин не смогла сдержать улыбку. Вот уж чего Габриэль не чувствовал в последние дни, так это одиночества. В этом Кейт была уверена.

Мистер Зитс, казалось, тоже заметил, что попал пальцем в небо, потому что он продолжил гнуть линию о подавлении и клетке. Он манипулировал Габриэлем, это было достаточно ясно.

«Но зачем?» — думала Кейтлин. Из места, где она находилась, Роба, Льюиса и Анну было почти не слышно. И она не осмеливалась связаться с ними. Это, определенно, встревожит Габриэля, а она хотела выяснить, что здесь происходит.

— Само общество когда-нибудь осознает ту несправедливость, которую оно допустило по отношению к тебе. Оно поймет, что таким необычным людям должна быть предоставлена определенная свобода. Определенное освобождение. Такие люди должны следовать своими путями, а не быть заточенными в камеры законами, созданными для обычных их представителей.

Кейтлин не нравилось выражение лица Габриэля и смутные ощущения, которые исходили из-за его стен. Он выглядел... самодовольным, с высоким самомнением. Как будто он всерьез воспринимал весь этот вздор.

«Это все напряжение, — думала Кейт. — Мы так его достали, что он свихнулся».

— Я думаю, нам следует продолжить нашу дискуссию у меня дома, — говорил теперь мистер Зитс. — Почему бы тебе не поехать со мной сегодня вечером? Нам о многом нужно поговорить.

Кейтлин с ужасом увидела, что Габриэль пожимал плечами, принимая приглашение.

— Я в любом случае хотел смыться отсюда, — сказал он. — На самом деле, я бы сделал что угодно, чтобы свалить отсюда.

— Мы можем отправиться прямо сейчас, — предложил мистер Зитс. — Я хотел заскочить в Институт, но, я уверен, Джойс и без меня здесь справится.

Беспокойство пробежало по нервам Кейт, и ее сердце тяжело забилося. Габриэль садился в машину. Они собирались уехать прямо сейчас, и ничего нельзя было сделать.

Можно было сделать только одно. Она поднялась, стараясь выглядеть одновременно отважно и непринужденно, при этом пытаясь ясно думать, не обращая внимания на головную боль.

— Возьмите и меня, — сказала она.

Две головы резко повернулись, чтобы посмотреть на нее. Габриэль замер, уже наполовину сев в лимузин. И он, и мистер Зитс — оба выглядели удивленными, но лицо пожилого человека тут же изменилось, возник жестокий, испытующий взгляд.

— Я слушала, — сказала Кейтлин очевидную вещь. — Я пришла сюда подумать, увидела вас и все слышала.

Глаза Габриэля были темными от ярости, он воспринимал это как еще одно вторжение в его личную жизнь.

— Ах ты, маленькая...

— Другие правила для необычных людей, — произнесла она надменно, стоя на своем. — Общество не должно сажать меня в клетку. — Это лучшее, что Кейт смогла вспомнить из той бессвязной речи мистера Зитса, которую он выдал.

И это, казалось, смягчило его жестокое выражение лица. Его угрюмые старческие губы слегка искривились.

— Так ты согласна с этим? — произнес он.

— Я согласна со свободой, — ответила Кейтлин. — Иногда я чувствую себя как птица, которая бьется об оконное стекло, отлетая назад и снова ударяясь, я хочу выбраться.

В каком-то отношении это была правда. У нее было такое чувство, когда она жила в Огайо. А доля истины, похоже, убедила мистера Зитса.

— Я всегда думал, что ты можешь быть второй, кто согласится, — пробормотал он, как бы себе под нос. Затем он посмотрел на нее. — Я очень хочу поговорить с тобой, моя дорогая, — его тон был формальным, а в голосе сквозило что-то вроде законченности. Будто простые слова были частью церемонии. — И я думаю, Габриэль будет рад твоей компании.

Он вежливо указал на лимузин.

Габриэль хмуро смотрел на Кейтлин, выглядя ни чуточки не убежденным и совершенно недовольным ее присутствием. Но когда она медленно села в машину, он безразлично пожал плечами.

— Да, конечно.

— А мы не должны сначала зайти в Институт? — спросила она, когда мистер Зитс сел в лимузин, и машина тронулась, плавно двигаясь назад к мосту. — Я могла бы переодеться.

— Ах, ты увидишь, в моем доме достаточно неформальная атмосфера, — сказал мистер Зитс и улыбнулся.

Глава 14

С каждой секундой они все дальше уезжали от пурпурного дома.

— *Роб*, — думала Кейтлин, с каждой попыткой прикладывая все больше усилий. — *Роб! Роб!*

Она получила только отдаленное ощущение мысленной активности. Это походило на то, когда слышишь приглушенные голоса, но не можешь их разобрать.

— *Габриэль, помоги мне*, — думала она, специально отвернувшись от него и смотря в окно лимузина. Использование телепатии в машине рядом с мистером Зитсом пугало ее, но у нее не было другого выбора. Она отправила мысль напрямую Габриэлю, сверля его стены. — *Нам нужно сказать Робу и остальным, куда мы едем.*

Ответ парня был раздражающе безразличным:

— *А зачем?*

— *Затем, что мы уезжаем с психом, у которого могут быть какие-то планы на нас, вот зачем. Ты разве не помнишь Марисоль? А сейчас, помоги мне! У меня не получается связаться с ними!*

И снова, казалось, Габриэль остался совершенно равнодушным к ее настойчивости.

— *Если бы он собирался довести нас до комы, ему бы едва ли понадобилось везти нас в Сан-Франциско,* — ответил он презрительно. — *И, к тому же, уже слишком поздно, мы слишком далеко.*

Он был прав. Кейтлин уставилась в окно, пытаясь заставить тело не выдавать ее напряжения.

— *Тебя же никто не просил приходить и напрашиваться,* — сказал ей Габриэль, и она могла почувствовать неподдельный холод за его словами, его возмущение и гнев. — *Если тебе это не нравится, то это только твоя вина.*

«Он ненавидит меня», — уныло подумала Кейтлин, поднимая свои собственные стены. У нее это получилось не так хорошо, как у него, но она попыталась. Прямо сейчас ей не хотелось ничего с ним разделять.

Темнело. Это была быстро появляющаяся прохладная темнота зимнего вечера. И с

каждой милей лимузин, ехавший на север, увозил ее все дальше и дальше от Роба и Института, и все ближе к чему-то неизведанному. К тому времени, когда они въехали в Сан-Франциско, было уже совершенно темно и огни города мигали и мерцали в очертаниях небоскребов. Город, по непонятным причинам, казался Кейтлин зловещим. Может, потому что он был таким прекрасным. Таким очаровательным и веселым. Будто он был украшен для праздника. Она чувствовала, что под этой милой, улыбчивой обложкой должно быть что-то еще.

Они не остались в городе. Машина направилась вперед, к темным холмам, которые сверкали подобно белым драгоценным камням.

Кейтлин была удивлена тому, как быстро высокие здания остались позади и как быстро они проезжали улицы с маленькими тихими домиками. Расстояния между домами стали увеличиваться. Они ехали через деревья, сквозь которые время от времени проблескивали огни, указывающие на то, что здесь живут люди.

Лимузин подъехал к личному подъезду.

— Милый домик, — сказал Габриэль, когда автомобиль остановился перед особняком. Кейтлин совершенно не понравился его голос. Он был насмешливым, сухим и заговорщическим, будто мистер Зитс должен оценить шутку. Будто Габриэль и мистер Зитс были замешены в чем-то.

«В чем-то, в чем не замешана я», — подумала Кейт. Но она попыталась использовать такой же тон в своем голосе.

— Действительно милый.

Из-под налитых свинцом век Габриэль послал ей взгляд, полный насмешливого презрения.

— Это все на сегодня, — сказал мистер Зитс шоферу, когда они выбрались из машины, — вы можете ехать домой.

С разрывающимся сердцем Кейтлин проследила затем, как лимузин уехал. Не то чтобы она сказала водителю нечто большее, чем простое «здравствуйте», но он был ее последней связью с... ну, с нормальными людьми. А сейчас она была одна с мистером Зитсом и Габриэлем, который, казалось, ненавидел само ее существование.

— Как видите, я живу очень просто, — говорил мистер Зитс, поднимаясь по тропинке, окруженной колонами, к парадной двери. — Ни слуг, ни шофера. Но я справляюсь.

Принц и Барон — два ротвейлера — выскочили, как только он открыл дверь. Они успокоились, когда мистер Зитс посмотрел на них, но пошли рядом с ним, пока он и его посетители двигались по дому. Это сделало Кейтлин еще более нервной и несчастной.

Мистер Зитс снял пальто и повесил на вешалку. Под ним был безупречный, но довольно старомодный костюм.

«С самыми настоящими золотыми запонками», — подумала Кейт.

Внутри дом был таким же внушительным, как и снаружи. Мрамор и стекло. Толстые пушистые ковры и напольные, блестящие полы. Высокие потолки. Всевозможные виды иностранных и, очевидно дорогих, гравировок и ваз. Кейтлин предположила, что это искусство, но некоторые из них были отвратительными.

Габриэль осматривался с непонятным ей выражением лица. Отнесение его взгляда к определенной категории заняло у Кейт некоторое время. Он был... Он был таким же, как когда Габриэль рассматривал журнал с дорогими машинами. Не жадным. Жадность была слишком широким и бесформенным понятием. У него была цель. Взгляд был острым и сфокусированным.

«Алчным, — подумала Кейтлин. — Точно. Будто он планировал все это получить. Будто он намеревался это получить».

Мистер Зитс улыбался.

«Мне тоже надо выглядеть, как Габриэль», — подумала Кейт и попыталась скопировать его стремление, прищурив глаза. Все, что ей было нужно, — дурачить мистера Зитса, пока он не позволит им поехать домой. В самом начале у нее возникала идея —

выяснить побольше информации о мистере Зитсе. Теперь же она только надеялась пережить то, что произойдет и вернуться в Институт.

— Это мой кабинет, — объявил мистер Зитс, провожая их в комнату в глубине огромного дома. — Здесь я провожу очень много времени. Почему бы вам не присесть?

Кабинет был обшит панелями из грецкого ореха и полон темной мебели с кожаными креслами, которые скрипели когда в них садятся. На стенах были картины в золотых рамах с изображениями лошадей и чем-то, похожим на охоту на лис. Шторы были темного, насыщенного красного цвета. У всех ламп были рыжеватые, как ржавчина, абажуры. На каминной полке находился бюст какого-то старомодно выглядящего человека, а на полу стояла черная статуя женщины, судя по виду, иностранки.

Кейтлин ничего из этого не понравилось.

«В отличие от Габриэля», — поняла она.

Он откинулся в своем кресле, окидывая кабинет оценивающим взглядом.

«Наверно, для этого нужно быть парнем», — подумала Кейт. Все это место было таким мужским и таким... и снова девушка испытала трудности в подборе слова. Самым подходящим было «потомственное богатство».

Ей показалось, что она понимает, почему Габриэлю, привыкшему жить в дороге или камере с одной койкой, могло понравиться это место.

Собаки легли на пол. Мистер Зитс подошел к бару, полному бутылок, серебряных подносов, и хрустальных графинов, и начал что-то наливать.

— Могу я предложить вам бренди?

«О Боже!» — подумала Кейтлин.

— Конечно, — улыбнулся Габриэль.

— *Габриэль!* — воскликнула Кейт. Но он не обратил на нее никакого внимания, как если бы она была жужжащей в комнате мухой.

— Мне ничего не надо, спасибо, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос не звучал таким напуганным, какой она на самом деле была.

В любом случае мистер Зитс вернулся только с двумя бокалами, девушка подумала, что он и не собирался включить ее в предложение.

Мужчина сел за стол и отпил желтую жидкость из широкого бокала. Габриэль в своем кресле сделал то же самое. Кейтлин почувствовала себя бабочкой, пойманной в паутину паука.

Сам мистер Зитс казался более аристократичным и внушительным, чем когда-либо, более походившим на графа. Кого-то важного, кого-то, кого нужно слушаться.

«И весь кабинет был спланирован так, чтобы сложилось такое впечатление», — осознала Кейт. Это было чем-то типа святилища, которое привлекало все внимание к человеку за большим резным столом, фигуре в безупречном костюме и настоящими золотыми запонками, с благосклонной седой головой.

Сама атмосфера становилась понятной для нее, осознала Кейтлин.

— Я так рад, что у нас есть возможность провести этот разговор, — сказал мистер Зитс соответствующим голосом. Он был успокаивающим и повелительным в одно и то же время. Голосом человека, который знает лучше, чем вы.

— Я сразу же понял в Институте, что вы — те двое, у кого самый большой потенциал. Я знал, что вы быстро превзойдете остальных. У вас гораздо больше способностей понять, гораздо больше мудрости.

«Мудрая? Я?» — подумала Кейтлин. Но часть ее, крошечная часть, была польщена. Она была умнее, чем остальные ребята в Тарафэре, она знала это. Потому что, пока они все думали о том, как попасть в команду болельщиц и футбольную сборную, она думала о целом свете, о том, как попасть в него.

— Вы можете себе представить... давайте назовем это «более широкие горизонты», — продолжал мистер Зитс, будто следя за ходом ее мыслей. Этого было достаточно, чтобы вернуть Кейт на землю и заставить встревожено взглянуть на него. Но его пронзительные

глаза были вежливыми и улыбчивыми, он продолжал: — Вы — люди с такой же идеологией, что и у меня, — сказал он и улыбнулся. — Что и у меня.

Что-то в этом его повторении встревожило Кейтлин.

«Что-то произойдет, — поняла она. — Что бы то ни было, он постепенно подходит к этому. Вот оно».

В комнате повисло долгое молчание. Мистер Зитс смотрел на стол, слабо улыбаясь, будто погруженный в размышления. Габриэль пил бренди, сузив глаза, при этом смотря на пол. Казалось, он тоже был погружен в размышления. Кейт была слишком обеспокоена, чтобы говорить или двигаться. Ее сердце начало медленный, непрекращающийся громкий стук.

Тишина уже становилась ужасающей, когда Габриэль поднял голову. Он посмотрел мистери Зитсу в глаза и, слабо улыбнувшись, сказал:

— И какая же у вас идеология?

Мистер Зитс взглянул на Кейтлин. Просто формальность. Казалось, он полагал, что Габриэль говорит за них обоих.

Когда он снова начал говорить, это был ужасный заговорщический тон. Как будто они делили секрет. И как будто они уже пришли к согласию.

— Разумеется, стипендия — это только начало. Но, естественно, вы это уже осознали. У вас двоих такой... огромный потенциал... так что, с правильной подготовкой вы могли бы устанавливать свои собственные цены.

И снова Габриэль слабо улыбнулся.

— А правильная подготовка — это?..

— Я думаю, настало время вам показать. — Он поставил пустой стакан на стол. — Следуйте за мной.

Мужчина поднялся и повернулся к панели из грецкого ореха. Когда он потянулся, чтобы прикоснуться к ней, Кейтлин бросила на Габриэля испуганный взгляд, но он на нее не смотрел. Казалось, все его внимание было сфокусировано на мистере Зитсе. Панель соскользнула. Кейт на секунду увидела черный прямоугольник, а затем замерцал красноватый свет, видимо, активированный автоматически. Силуэт мистера Зитса вырисовался на его фоне.

«Мой рисунок!» — подумала девушка.

Не совсем. На мистере Зитсе не было пальто, да и красный свет не был таким ярким. Ее рисунок скорее был символическим, нежели реальной передачей события, но, тем не менее, она его узнала.

— Сюда, — почти торжественно сказал мистер Зитс, поворачиваясь. Несомненно, он ожидал, что они будут удивлены, но Кейтлин не могла заставить себя притворяться. И когда она вступила вслед за Габриэлем в зияющий прямоугольник и начала спускаться, она поняла, что также не может и сопротивляться. Для этого было уже слишком поздно. Мистер Зитс смотрел на нее. Собаки поднялись и следовали прямо за ней. У нее не было выбора. Она пошла за Габриэлем.

Лестница была длиннее, чем такая же в Институте, и вела она в коридор со множеством дверей и разветвляющихся коридоров.

«Целый подземный комплекс», — поняла Кейтлин.

Мистер Зитс вел их в самый конец.

— Это... очень особенная комната, — сказал он им, остановившись перед двойными дверьми. — Мало людей видело то, что я сейчас собираюсь показать вам.

Он открыл одну из дверей и повернулся к ним, приглашая войти и внимательно изучая их лица. В зеленоватом флуоресцентном свете коридора его лицо приобрело нездоровый, бледный как мел оттенок, а его глаза, казалось, сверкали.

У Кейтлин по коже побежали мурашки. Она внезапно осознала, что, что бы там ни было, это, бесспорно, было ужасным.

Габриэль заходил внутрь, мистер Зитс смотрел на нее своим сверкающими глазами на

похожем на труп лице.

У нее не было выбора.

Комната пугала своей белизной. Все, о чем Кейтлин могла думать вначале, так это то, что она именно так представляла себе лаборатории в Институте. Белые стены, белый кафель, все безупречное и сверкающее, стерильное. Множество незнакомых машин по краям, включая огромную сетчатую металлическую клетку.

Но все это было второстепенным. Как только Кейт была способна на чем-то сосредоточиться, она сфокусировалась на вещи в центре комнаты и забыла обо всем.

Это было... что? Каменное растение? Скульптура? Модель космического корабля? Она не знала, но не могла отвести от него глаз. Оно неминуемо притягивало внимание и крепко его держало, так же, как это делают великолепные картины, за тем исключением, что эта вещь не была красивой. Она была отвратительной.

И она напонила Кейт кое о чем.

Вещь была высокой, молочного цвета, полупрозрачной, и это должно было дать девушке подсказку. Но она не могла побороть первое создавшееся впечатление о том, что это была отталкивающая пародия на растение. Даже несмотря на то, что Кейт понимала, что это невозможно. Вещь была покрыта какими-то предметами.

«Паразиты», — пришла в голову Кейтлин дикая мысль. Но тут же она поняла, что это были отростки, меньшие кристаллы, произрастающие из гигантского родителя. Они торчали во всех направлениях, как лучи у звезды или как какое-то огромное рождественское украшение. Но эффект не был праздничным, скорее вульгарным.

— О Боже, что это? — прошептала Кейт.

Мистер Зитс улыбнулся.

— Ты чувствуешь его силу, — сказал он одобряюще. — Хорошо, ты совершенно права, он может быть ужасающим, но он также может быть очень полезным.

Мистер Зитс подошел к... предмету... и встал рядом, собаки следовали за ним по пятам. Когда он посмотрел на предмет, Кейтлин увидела, что его глаза были восхищенными и алчными.

— Это очень древний кристалл, — продолжил он. — Если бы я сказал, откуда он, вы бы не поверили. Но я уверяю, это вас потрясет. Он может обеспечить таким количеством энергии, которое выходит за пределы вашего понимания.

— Эта та подготовка, о которой вы говорили? — спросил Габриэль.

— Это средство подготовки, — ответил мистер Зитс мягко, почти рассеяно. Он все еще смотрел на кристалл. — Средство оттачивания ваших способностей, усиления их. Это нужно делать постепенно, чтобы избежать вреда.

— Эта вещь может усилить наши способности? — уточнил Габриэль с презрением и недоверием.

— Кристаллы могут хранить энергию, — тихим голосом сказала Кейтлин. Он казался тихим и далеким даже для нее самой. Она ощущала себя человеком, попавшим в кошмар наяву.

Мистер Зитс смотрел на нее.

— Ты знаешь об этом? — спросил он.

— Я... слышала это где-то.

Он кивнул, но не отвел глаз от нее.

— У вас двоих есть потенциал. У кристалла есть сила развить потенциал, а у меня есть... — он остановился, будто размышляя как лучше сформулировать.

— Что у вас есть? — спросил Габриэль.

Мистер Зитс улыбнулся.

— Связи, — ответил он. — Клиенты, если хотите. Я могу найти людей, желающих заплатить значительные суммы за ваши услуги. Суммы, которые будут расти, разумеется, пока ваши способности оттачиваются.

«Клиенты, — думала Кейтлин. — То письмо, письмо от судьи Болдвина. Список

потенциальных клиентов».

— Вы хотите сдать нас внаем, — сболтнула она раньше, чем смогла остановить себя. — Как, как... — она была слишком взвинчена, чтобы придумать аналогию.

Зато Габриэль смог.

— Как наемных убийц, — предложил он. Его голос поверг Кейт в уныние, потому что он не был возмущенным или негодующим, он звучал достаточно спокойно, даже задумчиво.

— Вовсе нет, — ответил мистер Зитс. — Я думаю, будет очень мало покушений, но будет ряд бизнес ситуаций, где ваши способности были бы бесценны: корпоративный шпионаж, производственный саботаж, воздействие на свидетелей в определенных судебных разбирательствах. Нет, я бы предпочел называть вас «ударной пси-командой», доступной для улаживания всех видов проблем.

«Ударная команда. Проект «Черная молния», — думала Кейтлин. Слова, нацарапанные на листке. Он хотел превратить их в пси-команду для своих грязных делишек.

— Я не собирался объяснять вам все это так скоро, — продолжал мистер Зитс. — Но, по правде говоря, кое-что всплыло на поверхность. Вы, разумеется, помните Марисоль Диаз. С семьей Марисоль возникли кое-какие затруднения. Некоторые из них стали неожиданно неуправляемыми, подозрительными. Я боюсь, что деньги на них не повлияют. Мне нужно усмирить их каким-то другим способом.

Возникла пауза. Кейт не могла ничего сказать, потому что чувствовала, что задыхается, а Габриэль выглядел всего лишь язвительно-насмешливым.

— Я думал, мы не наемные убийцы, — проговорил он.

Мистер Зитс выглядел огорченным.

— Мне не нужно, чтобы их убили, мне нужно, чтобы их усмирили. Если вы сможете сделать это каким-то другим способом, я буду только рад.

Кейтлин умудрилась выдавить из себя предложение, несмотря на закупорившееся горло.

— Это вы сделали это с Марисоль, — сказала она. — Это вы довели ее до комы.

— Мне пришлось, — ответил мистер Зитс. — Она стала весьма неустойчивой. Кстати, спасибо тебе, что обратила мое внимание на это. Если бы ты не упомянула об этом тогда Джойс, я бы не понял так быстро. Марисоль была со мной в течение нескольких лет, я думал, она понимает, что мы делаем.

— Пилотное исследование, — произнесла Кейт.

— Да, она рассказала тебе об этом, не так ли? Это было очень печально. Я не знал тогда, что только самые сильные умы, самые одаренные люди со сверхспособностями могут выдержать контакт с одним из великих кристаллов. Я собрал шесть лучших людей, которых я нашел локально, но это была ужасная катастрофа. После этого я понял, что мне придется расширить мои поиски, покрыть все государство, если я хотел найти студентов, которые смогли бы вынести подготовку.

— Но что с ними произошло? — выпалила Кейтлин. — С теми, кто принял участие в пилотном исследовании?

— О, это была ужасная потеря, — сказал мистер Зитс так, что она уже должна была все понять. — Отличные умы. Некоторые из них — подлинные таланты. Видеть, как все это деградировало до идиотии и сумасшествия, было очень грустно.

Кейтлин не смогла ответить, волосы на ее руках и шее зашевелились. Слезы подступили к глазам.

— А Марисоль... В то время я действительно думал, что она понимает, но в итоге оказалось иначе. Вначале она была хорошим работником. Проблема была в том, что она слишком много знала, чтобы быть подкупленной, и была слишком темпераментна, чтобы быть сдержанной страхом. У меня на самом деле не было другого выбора. — Он вздохнул. — Моей главной ошибкой было использование лекарства вместо кристалла. Я думал, приступ может быть очень эффективным, но вместо того, чтобы умереть, она закончила тем, что попала в больницу, и сейчас ее семья представляет собой проблему. И все

очень сложно.

«Возможно, он и выглядел как граф, но он был безумен, — думала Кейтлин. — По-настоящему безумен, настолько безумен, что даже не понимал, как все это звучит для нормальных людей».

Она взглянула на Габриэля и почувствовала шок, вызвавший мурашки по ее телу.

Потому что Габриэль не выглядел так, как если бы находил все это ненормальным. Может быть, немного отталкивающим, но не сумасшедшим. На самом деле, его лицо выражало что-то вроде согласия, будто мистер Зитс говорил о чем-то неприятном, но необходимом.

— Но мы можем позаботиться об этой проблеме, — произнес мистер Зитс, поднимая голову и говоря более оживленно. — И когда с этим будет покончено, мы сможем приступить к нашей истинной работе. Разумеется, полагая, что вы заинтересованы?

В его голосе была нотка вежливого вопроса. Он переводил взгляд с Габриэля на Кейтлин, ожидая ответа.

И снова у Кейт был шок от неверия. Как эти темные пронзительные глаза, которые выглядели такими пронизательными... Как они не видели того, что она сейчас чувствовала? Как он мог смотреть на нее, ожидая согласия?

Она разразилась тирадой до того, как сама поняла, что происходит. Весь тот страх, ярость, отвращение и ужас, которые копились внутри нее, вырвались на поверхность.

— Вы безумны, — сказала она. — Вы совершенно безумны, разве вы этого не понимаете? Все, что вы сказали, это полное безумие. Как вы можете говорить о людях, которых довели до идиотии, будто... будто...

Ее речь перерастала в всхлипывания, становясь бессвязной:

— А Марисоль? — выдохнула она. — Как вы могли с ней так поступить? И то, что вы хотите превратить всех нас в... Вы совершенно, вы абсолютно сумасшедший. Вы — зло!

У нее была истерика, предположила она. Девушка неистово кричала, будто вопли могли что-то изменить в лучшую сторону. Но она не могла себя остановить.

Мистер Зитс, казалось, был даже менее удивлен, чем она сама. Определенно недоволен, но не удивлен.

— Зло? — спросил он, хмурясь. — Я боюсь, это слово слишком эмоциональное и неточное. Многие вещи кажутся дурными, но если рассудить здраво, на самом деле, они оказываются хорошими.

— Да у вас нет здравого смысла! Вас не заботит ничего, кроме того, что вы можете от нас добиться.

Мистер Зитс качал головой.

— Думаю, я не могу тратить попусту время на споры сейчас, но я искренне надеюсь, что ты поймешь, в конечном счете. И я считаю, ты передумаешь, через какое-то время, если я продержу тебя здесь достаточно долго, — он повернулся к Габриэлю. — А теперь...

И тогда Кейтлин совершила очень глупый поступок. И она даже понимала это, когда делала, но гнев из-за невыносимого самодовольства мистера Зитса, безразличия к ее словам вывел девушку за пределы осторожности.

— Вы не сможете заставить остальных присоединиться к вам, — сказала она. — Никого из них. Роб даже не выслушал бы вас. А если я не вернусь домой, они поймут, что что-то не так. Они уже знают о тайной комнате в Институте, и все мы связаны, связаны телепатически, все пятеро, и...

— Что? — спросил мистер Зитс. В первый раз настоящая эмоция отразилась на его лице. Удивление и гнев. Он резко взглянул на Габриэля. — Что?

— Мы связаны, ведь так? — потребовала Кейтлин. — Ну же, Габриэль, расскажи ему. И скажи, что он сумасшедший, потому что ты это тоже знаешь. Ты это тоже знаешь!

— Это то, что произошло, — сказал Габриэль мистеру Зитсу. — Это была случайность, я не знал, что это станет постоянным. Если бы я... — Он взглянул на Кейтлин. — Этого бы не произошло.

— Но это... ты говоришь мне, что вы пятеро втянуты в стабильную телепатическую связь? Разве ты не понимаешь?... — мистер Зитс замолк.

«Сейчас на его лице множество различных эмоций», — заметила Кейтлин.

Оно было темным от прилившей крови и ярости.

— Разве ты не понимаешь, что бесполезен, когда находишься в такой соединенной группе?

Габриэль ничего не сказал. Но через их связь она могла почувствовать, что он был так же зол, как и мистер Зитс.

— Я рассчитывал на тебя, — сказал мистер Зитс. — Мне нужно, чтобы ты позаботился о проблеме с семьей Диаз. Если с этим не справиться... — Он остановился. Кейтлин видела, как он прилагал усилия, чтобы сдержаться.

Через минуту или две, он, очевидно, справился. Мистер Зитс вздохнул, и ярость исчезла с его лица.

— С этим теперь ничего нельзя поделать, — сказал он. — И очень жаль. Вы не знаете, сколько работы сделано зря. — Он взглянул на Кейтлин. — Я возлагал на тебя большие надежды.

Затем произнес:

— Принц, назад.

Кейт почти забыла о собаках, а сейчас одна из них шла прямо на нее, оцетинившись и оскалившись. Она шла молча, и это делало ее еще страшнее.

Неосознанно Кейтлин шагнула назад, но пес продолжил идти. Пока он шел к ней, она продолжала отступать назад, и тогда девушка поняла, что происходит. Она стояла внутри металлической клетки. Мистер Зитс подошел к чему-то вроде пульта в другом конце комнаты. Он нажал на кнопку, и дверь клетки закрылась.

— Я же сказала вам, — произнесла Кейтлин напряженно, — если вы будете удерживать меня здесь, они узнают...

Мистер Зитс перебил ее, будто и не обратив внимание на то, что она говорила. Он повернулся к Габриэлю и сказал:

— Убей ее!

Глава 15

От обрушившегося на нее шока Кейтлин почувствовала себя так, словно ее окатило ледяной водой... снова и снова. Сейчас она осознала, какой была дурой. Холодная реальность сложившейся ситуации сделала ее неспособной дышать, неспособной думать.

— Не беспокойся об этом, это просто клетка Фарадея, — говорил мистер Зитс Габриэлю. — Она построена, чтобы удерживать обычные электромагнитные волны, но она проницаема для твоей способности. Это как стальной отсек в Институте, ты легко действовал через него.

Габриэль молчал. Его каменное выражение лица ни о чем не говорило Кейтлин, и девушка не чувствовала ничего по сети, а может, просто она была в оцепенении.

— Давай, — сказал мистер Зитс.

Он становился нетерпеливым.

— Поверь мне, других вариантов нет, если бы они были, я бы избавил себя от новых поисков такого объекта, как она. Другого выбора нет. Связь должна быть разрушена. И единственный способ разрушить ее — убить одного из вас.

Грудь Габриэля внезапно поднялась и опустилась от глубокого вдоха.

— Связь должна быть разрушена, — угрюмо повторил он.

И вот тогда Кейтлин что-то почувствовала. Она почувствовала, что он на самом деле подразумевал это.

— Тогда действуй, — сказал мистер Зитс. — Это очень печально, но это нужно

сделать. Ты же не в первый раз убиваешь, — мистер Зитс посмотрел на Кейт. — Ты слышала об этом? Поглощает жизненную энергию жертвы. Исключительная способность.

Его лицо выражало что-то вроде мрачного удовлетворения.

Затем он снова стал нетерпеливым.

— Габриэль, ты же знаешь, какие вознаграждения ты сможешь получить, работая со мной. Ты буквально будешь иметь возможность приобрести все, что хочешь, со временем. Деньги, власть, заслуженное положение в обществе. Но ты должен сотрудничать. Ты должен проявить себя.

Молодой человек стоял, замерев как статуя. Не считая того единственного предложения, он больше ничего не сказал.

Та часть мозга Кейтлин, которая принадлежала художнику, наблюдала за ним с безумной ясностью, думая о том, как на самом деле красиво было его лицо, когда оно было неподвижно. Он выглядел как его тезка — как архангел, вырезанный из белого мрамора. За исключением его глаз, они не были глазами ангела. Они были темными, бездонными и, в этот момент, весьма безжалостными. Холодными как черная дыра.

Легко было представить наемника с такими глазами.

Затем в них появилось что-то вроде печали.

«Потому что ему жаль убивать меня?» — стало интересно Кейт.

Она ничего не чувствовала по телепатической сети. Это было похоже на связь с ледником.

— Действуй! — сказал мистер Зитс.

Габриэль посмотрел на Кейтлин, потом на седовласого человека.

— Да я лучше вас убью, — ответил он мистеру Зитсу так, будто продолжал непринужденный разговор.

Кейт не сразу все поняла. Она думала, что он просто высказывает свое предпочтение, а вовсе не отказывается от предложения.

Тем не менее, мистер Зитс выглядел невеселым. Угрожающим. Он спрятал одну руку за спину.

— Если ты не со мной, ты против меня, Габриэль, — сказал он. — Если ты не будешь сотрудничать, то я тоже буду обращаться с тобой как с врагом.

— Я не думаю, что у вас будет на это время, — сказал Габриэль и шагнул навстречу к нему.

Кейтлин схватилась за металлические отверстия в своей клетке. Ее оцепеневший мозг наконец-то пришел в себя. Ей хотелось истерически смеяться. Но момент был неподходящим.

— *Не убивай его*, — бешено думала она, направляя мысль Габриэлю. — *Серьезно, не убивай его. Он сумасшедший. Разве ты не видишь? Мы должны сообщить полиции, в Институт, мы не можем просто убить человека.*

Габриэль бросил на нее очень быстрый взгляд.

— Сумасшедшая здесь ты, — сказал он. — Если кто-то когда-то и заслуживал смерти, так это он. Не то чтобы у вашей идеи не было преимуществ, — добавил он мистеру Зитсу, — особенно в той части о вознаграждениях...

Глаза мистера Зитса скользнули от Кейтлин к Габриэлю. Во время обмена репликами они сузились, и мужчина слегка кивнул.

Кейт ждала какого-то признака страха, но его не было. Мистер Зитс казался спокойным, даже покорным.

— Так ты не передумаешь? — спросил он Габриэля.

Габриэль сделал еще один шаг по направлению к нему.

— Спокойной ночи, — произнес он.

Мистер Зитс вытащил руку из-за спины, и Кейтлин увидела, что он держал темный, современный и угрожающе выглядящий пистолет.

— Барон, Принц, охранять! — сказала он, а затем добавил: — Если ты сейчас сделаешь

хоть одно движение, эти собаки прыгнут и вцепятся в твоё горло. А ещё у меня пистолет, и я всегда был хорошим стрелком. Ты считаешь, что сможешь избавиться от нас троих при помощи ножа, раньше, чем мы прикончим тебя?

Габриэль рассмеялся. Очень беспокойный звук. Несмотря на то, что он стоял спиной к Кейтлин, она знала, что сейчас он одаривал мистера Зитса одной из своих ослепляющих тревожных улыбок.

— Мне не нужен нож, — сказал он.

Мистер Зитс кротко и пренебрежительно покачал головой.

— Боюсь, кое-что ты ещё не понял. Джойс же не тестировала тебя с того времени, как ты образовал эту... неудачную связь, так?

— Так. И что?

— Если бы она все-таки проводила эксперименты, ты бы обнаружил, что весьма трудно телепату, который уже находится в стабильной связи, выходить за её пределы. Я думаю, почти невозможно, другими словами, молодой человек, за исключением общения внутри своей группы, ты потерял свою способность.

Кейт могла почувствовать недоверие, охватившее Габриэля. Его стены были опущены, все его внимание было сосредоточено на чем-то другом. Затем она почувствовала что-то, похожее на отступление океана перед цунами, что-то вроде скопления в его голове. Она взяла себя в руки и ощутила, как он высвободил это.

Или попробовал. Волна, вместо того чтобы обрушиться на мистера Зитса, казалось, обрушилась на неё и самого Габриэля.

Это было правдой. Он не мог соединяться больше ни с кем: ни общаться, не причинять вред.

— А сейчас, ты сядешь в то кресло, — сказал мистер Зитс.

Кейт перевела взгляд на кресло. До этого она едва ли обратила на него внимание. Оно стояло на противоположной от двери стороне. Кресло выглядело пугающе высокотехнологичным. Оно было сделано из металла.

С пистолетом, направленным на него, и собаками по обе стороны, Габриэль двинулся к креслу. Он сел.

Мистер Зитс подошел и сделал несколько быстрых движений, один раз наклонившись. Когда он поднялся, Кейтлин поняла, что Габриэль был прикован к креслу металлическими манжетами на запястьях и лодыжках.

Затем мистер Зитс встал позади кресла. Два прибора, походивших на крылья, были подвешены спереди. Через секунду голова Габриэля была неподвижно зажата аппаратом, выглядевшим так, будто он предназначен для операций на мозге.

— Кристалл способен на большее, чем просто усиливать способности, он может вызвать мучительную боль, даже безумие. Разумеется, это как раз то, что произошло с участниками пилотного исследования. — Он отступил. — Тебе достаточно удобно? — спросил мужчина.

Кейтлин вспоминала боль, которая была результатом соприкосновения с крошечным осколком кристалла, кусочком размером с ноготь.

Мистер Зитс подошел к кристаллу с отростками, стоящему в центре комнаты. Только сейчас Кейт поняла, что металлическая подставка, на которой он стоял, была передвижной. Вообще вся эта, очевидно тяжелая, конструкция, была передвижной.

Очень аккуратно и осторожно мужчина пододвигал кристалл к Габриэлю. Слегка наклоняя его, регулируя, пока один из торчащих концов, один из отростков, не был присоединен ко лбу молодого человека.

В прямом контакте с его третьим глазом.

— Ему потребуется время, чтобы настроиться. А сейчас я ухожу, — сказал мистер Зитс. — Приблизительно через час я вернусь, и к тому времени, я полагаю, ты передумаешь.

Он вышел. Собаки последовали за ним.

Кейтлин осталась наедине с Габриэлем, но она нечего не могла сделать.

Девушка дико посмотрела на дверь железной клетки и начала тянуть ее с отчаянной силой. Она преуспела только в том, что порезала пальцы. Ей потребовалось около двух минут, чтобы понять, что не было никакого способа нанести клетке ущерб при помощи кулаков, ног или даже веса всего ее тела.

— Забей, — сказал Габриэль. Напряжение в его голосе напугало ее так, что она приблизилась, чтобы посмотреть на него.

Он был полностью неподвижен, лицо бело как бумага. И сейчас, когда Кейтлин не двигалась, она могла почувствовать его боль по сети.

Он пытался ее удерживать, скрыть и себя, и боль от нее. Но даже та небольшая часть, которая достигала ее, была ужасной.

Давление в голове походило на то, что она сама испытала с кристаллом, который использовала Джойс, но оно было несказанно хуже. Как будто что-то живое разрасталось там, пытаясь вырваться.

И жар, как от паяльной лампы, направленной в то место. И абсолютное беспросветное страдание...

Колени Кейтлин подкосились. Она обнаружила, что лежит на полу клетки.

Затем она заставила себя сесть.

— *Ах, Габриэль!*

— *Отстань от меня!*

— Мне жаль, — прошептала она и сразу же отправила эту мысль: — *Мне так жаль.*

— *Просто оставь меня в покое! Я не нуждаюсь в тебе...*

Кейт не могла оставить его в покое, она была заперта вместе с ним, переживая вместе с ним приступы боли, которые продолжали усиливаться. И она чувствовала, как они наплывали на нее, полностью распространялись по ее телу. Распространялись, расширялись... чтобы включить их всех. Всех пятерых, связанных сетью.

— *Кейтлин!* — прокричал далекий голос.

Соединение было нестабильным, слабым, но девушка узнала голос Роба.

Кристалл вызывал не только боль, он также усиливал способность Габриэля.

— *Роб, ты меня слышишь? Льюис, Анна, вы меня слышите?*

— *Кейтлин! Что происходит? Где ты?*

— *Габриэль, это они! Мы связались с ними! Это они!* — целую минуту, несмотря на натянутые до предела нервы, она была просто безумно счастлива.

— *Мы можем потерять связь в любую секунду,* — сказал Габриэль, но Кейт ощутила то, что чувствовал он. Сейчас между ними не было стен. Кристалл уничтожил их. И его облегчение и радость были такими же сильными, как и ее.

— *Роб, мы в доме мистера Зитса, вы должны выяснить, где он находится, причем быстро.* — Кейтлин рассказала им о кабинете и панели. — *Она снова может быть закрыта, но у Льюиса получится ее открыть. Вам лучше поторопиться, Роб, приходите скорей.*

— *Если хотите заставить нас живыми,* — добавил Габриэль.

Кейтлин была поражена тем, что он еще мог связно изъясняться. Она знала, что он берет на себя самую худшую боль. Она почувствовала, как волна восхищения им накрыла ее.

— *Держи это при себе, ведьма,* — сказал ей Габриэль.

«Это такое проявление нежности, — поняла Кейт. — Ведьма».

Она предположила, что ей лучше научиться нормально относиться к этому.

— *Ты бы мог пообещать мистеру Зитсу, что подумаешь о том, чтобы убить меня. Ты мог выиграть для себя время,* — сказала она ему.

— *Я не торгуюсь с людьми, подобными ему.*

Кейтлин сквозь приступы боли, которые слегка окрасились в малиновый и карминный цвета, ощутила огромное чувство гордости и победы.

— *Ты видишь, Роб? Мисте Зитс был не прав по поводу всех нас. Видишь, насколько не прав?*

Но Роба уже не было на связи. Соединение было слишком хрупким, или просто боль смыла все.

Она прислонилась к металлической клетке, туманно ощущая ее прохладу.

— *Держись* , — думала она, — *держись, держись, он идет.*

Она не знала, говорила она это Габриэлю или самой себе, но тот ответил.

— *Ты веришь в это?*

Это немного пробудило ее.

— *Конечно* , — сказала она. — *Я знаю, что он идет. Так же, как и ты это знаешь.*

— *Это опасно, он рискует собственной шкурой, приходя сюда,* — произнес Габриэль.

— *Ты знаешь, что он придет* , — повторила Кейтлин. Она смогла сказать это с абсолютной убежденностью, потому что она действительно чувствовала ее.

— Роб Добродетельный, — сказал Габриэль вслух. Он издал презрительный звук, похожий на фырканье, который тут же был искажен, потому что он почти сразу начал задыхаться от боли.

Позже Кейт так и не могла в действительности вспомнить то время, которое было после этого. Для нее это не было просто временем, это была, скорее, серия ужасных, бесконечных приступов, которые, в итоге, превратились в сверкающие, разрывающиеся красные и белые пятна, как расплавленная руда. У нее не было возможности следить за ними, но при этом она не ощущала ничего, кроме них. Она была наедине с приступами цветной агонии, захватывающими ее, словно пловца, попавшего в быстрину.

Одна, за исключением Габриэля, который был там, всегда на связи с ней. Боль нападала на них обоих, смутно чувствующих друг друга. Кейтлин не думала, что осознание того, что она была здесь, приносило хоть какую-то пользу Габриэлю, а вот она была рада, что он был рядом.

Казалось, прошло очень много времени, столетия, возможно, когда она наконец-то почувствовала еще одно присутствие в вихре боли, который теперь был ее жизнью.

— *Кейтлин, Габриэль! А теперь вы нас слышите? Кейтлин! Габриэль!*

— *Роб* , — ее собственный ответ был таким слабым и неуверенным, таким незначительным среди огромных волн, что она не думала, что он услышит.

— *Слава Богу! Кейт! Мы здесь, мы в доме. Все будет хорошо, Джойс с нами. Она на нашей стороне. Она ничего не знала о том, что он делает. Мы идем вам на помощь, Кейт.*

В словах Роба слышалось почти безумие. И эмоция... Эмоция, которой она раньше не ощущала в нем. Но она не могла сейчас об этом думать. Слишком много боли.

Она потеряла его присутствие, пока он не приблизился.

— *Роб* , — сосредоточилась Кейтлин. Комната одновременно была слишком яркой и необычно серой, мутной, меняющейся как молния. Роб был там. Золотой, как мстящий ангел, каким-то образом вставший между ней и ее болью. И Анна была там, и Льюис. Они оба плакали. Джойс с блестящими волосами, торчащими как у одуванчика. Они бежали к кристаллу. Кейт видела их движения прерывающимися, словно под стробоскопом.

А затем, как если бы нажали на выключатель, боль прекратилась.

Она, разумеется, оставила отголоски. В обычном состоянии Кейтлин нашла бы даже их невыносимыми. Но сейчас они настолько были слабее самой боли, что она чувствовала себя замечательно. Снова способна думать, снова способна дышать. Способна видеть. И она видела, как Джойс убрала острие кристалла от Габриэля. Из лба парня обильно шла кровь, кожа была порезана. Должно быть, каким-то образом он двигал головой, несмотря на приспособления. Кровь стекала струями, создавая впечатление, что он плакал.

«Он бы возненавидел это», — подумала Кейтлин. Но он был не в том состоянии, чтобы ненавидеть хоть что-то. Она осознала, что прошло некоторое время с тех пор, как она чувствовала хоть какой-то вид общения с ним. Она не слышала даже его крика. Он был без сознания. Дверь в клетку Фарадея открывалась... Роб был рядом с ней. Роб держал ее.

— *Ты в порядке? О, Кейт, я думал, что я могу потерять тебя.*

И вот она была вновь. Та новая эмоция, которая походила на боль, но была чем-то

другим.

Кейтлин посмотрела в глаза Роба.

— *Я не знал,* — сказал он, — *я не осознавал, как много мне пришлось бы потерять.*

Это было словно возвращение в тот день, когда он смотрел на нее с трепетом и удивлением, на грани открытия, которое изменило бы жизни обоих. За тем исключением, что сейчас он не был просто на грани. Полное открытие было в этих золотых глазах, сияющих с совершенной ясностью. Чистый свет, на который было почти невозможно смотреть.

— *Это было бы так, словно я потерял себя, потерял свою собственную душу,* — произнес Роб. Но на самом деле, не было похоже, что он говорил с ней, скорее, он сам осознавал это. — *А сейчас я будто снова нашел свою душу, свою вторую половинку.*

Кейтлин опять почувствовала это: вселенная затихла в ожидании, в ней были только они двое. Тем не менее, в этот раз, помимо тишины, была трепещущая радость и определенность. Они больше не были на пороге. Они переступали через него. Все было произнесено между ними. Даже не словами или мыслями. Это было так, словно их души смешались, сливаясь в объятие, которое было и сетью, и целительной способностью Роба.

Это было за пределами всего мира. Это был союз, единство душ, о котором Кейтлин и не мечтала.

— *Я с тобой. Я принадлежу тебе.*

— *Я часть тебя. Я всегда ей буду.*

Кейт даже не знала, кто из них это говорил, эти чувства были внутри них обоих.

— *Мы были рождены для этого.*

Он держал ее руки, а она его. Она чувствовала, как энергия протекала между ними. Энергия, похожая на миллионы сверкающих огоньков, как свежая, совершенно чистая вода, как музыка, как звезды. И она ощущала, что лечит его так же, как и он ее, возвращая ему то, что несчастный случай забрал у него: часть его, которая до этого была утеряна.

А затем все было таким простым и естественным. Будто они оба знали, что делать, даже не задумываясь.

Она подняла лицо, он наклонился. Его губы коснулись ее.

Через мгновение они уже обменивались самым нежным, самым невинным поцелуем, который только можно представить.

Кейтлин никогда не думала, что поцелуй парня может походить на это.

«Даже Роба».

Она была уверена, что его поцелуй будет удивительным. Но это вообще не было чем-то материальным. Это было, как тонуть в глазах Роба. Бесконечно тонуть в солнечном свете и золоте.

Они были рождены друг для друга. Для этого.

Длинная волна солнечного света, волна золота приблизилась и унесла их.

Смутно, постепенно Кейтлин слышала громкий шум. Громкий *голосовой* шум.

Глава 16

— Я сказала, мне жаль прерывать вас. Но, Роб, здесь кое-что нужно сделать. — Это была Джойс, которая звучала ужасно немелодично после тех удивительных голосов, которые слышала Кейтлин. Джойс смотрела на них с нетерпением и беспокойством. Лицо Анны все еще было влажным от слез. Прошло около минуты с того момента, как все они пришли.

Разумеется, это невозможно. Кейтлин сердцем ощущала, что прошли часы, но это не было реальным временем, идущим на этой унылой планете, это было время единения душ, где она и Роб парили часами, а здесь это заняло только минуту.

Роб освободился и отпустил руки Кейтлин. Небольшое расставание, но такое трудное. Пальцы Кейтлин сжали пустоту.

— Извини. Я думаю, я могу помочь Габриэлю, — сказал Роб. Он встал, шагнул, а затем

повернулся к Кейт и сел на колени рядом с ней. — *Я забыл сказать, я люблю тебя.*

Кейтлин рассмеялась слегка задыхающимся смехом. Как будто это нужно было говорить.

— Иди, помоги Габриэлю, — прошептала она.

— Нет, мне нужны вы оба, — объяснила Джойс. — И быстро. Вы не можете решить это перемещением энергии. Роб, его необходимо вернуть оттуда, где он сейчас находится. Мне нужно, чтобы вы все четверо прикоснулись к кристаллу.

Это фраза прорвалась сквозь золотой туман, окутавший сознание Кейтлин.

— Что? — сказала она, поднимаясь. Она смутно заметила, что чувствовала себя хорошо, в физическом смысле. Сильнее. Целебная энергия прошла по ней и Робу.

— Мне нужно, чтобы вы все прикоснулись к кристаллу, — терпеливо повторила Джойс. — И Габриэль тоже.

— Нет!

— Это единственный способ, Кейтлин.

— Вы видели, что он сделал!

— В этот раз это займет всего мгновение. Но мне нужно, чтобы все вы прикоснулись к кристаллу, все, кто находятся в связи. А сейчас, ради Бога, поторопитесь. Разве вы не понимаете, что мистер Зитс может вернуться в любой момент?

Кейтлин спотыкалась, выходя из клетки.

«Позволить кристаллу дотронуться до Габриэля снова... Исключено. Этого нельзя делать, это слишком жестоко».

А кристалл был злом. Кейт знала, что...

Но Джойс сказала, это единственный способ.

Кейтлин взглянула на Джойс, та посмотрела на нее ясными аквамариновыми глазами. Они выглядели страдающими, но честными.

— Разве ты не хочешь спасти его?

Рука Кейт начала зудеть и судорожно дергаться.

Ей нужно было рисовать, но на это не было времени. Вообще не было времени. Да и не на чем было рисовать. Ни ручки, ни бумаги во всей стерильной комнате.

— Пожалуйста, все, поверьте мне. Давайте, Льюис, просто приготовь руку, чтобы дотронуться до него. Когда я скажу «сейчас», хватайтесь за отросток.

Льюис глубоко вдохнул и кивнул. Он держал руку наготове.

— Анна? Хорошо, спасибо. Роб?

Тот посмотрел на Кейтлин.

Если бы она могла рисовать. Но она не могла. Кейт тоже посмотрела на Роба и сделала беспомощный жест, который завершился кивком.

— Нам лучше сделать это, — прошептала она.

Джойс закрыла глаза и вздохнула с облегчением.

— Хорошо. А теперь я встану за Габриэлем. Когда я скажу «сейчас», я пододвину его для прикосновения. Каждый из вас схватится за окончание кристалла и будет держаться за него. Хорошо?

Кейтлин слабо чувствовала согласие остальных. Она сама пододвинулась, чтобы встать перед кристаллом с протянутой рукой. Но ее мысли неслись с сумасшедшей скоростью.

«Я не могу рисовать... руками. Но моя способность не в них, она в голове, в сознании. Если бы я могла нарисовать мысленно...»

Даже тогда, когда Кейтлин только думала об этом, она уже рисовала, отчаянно представляя свои любимые масляные пастели.

Цветные взмахи. Сначала она возьмет лимонно-желтый. Мягкие мазки очень бледной охры. Затем изгибы телесного цвета. Два пятна светло-голубого цвета, перемешенного с веронским зеленым.

«Хорошо. Что это? Отступи. Отступи и посмотри!»

Мысленно она отошла, взмахи и мазки сложились в единую картину. Джойс.

Несомненно, Джойс. Затем серый. Изгибы и линии серого. Форма — стакан. И оттенки телесного цвета держащего его человека. Джойс, в руке у которой стакан.

— Все готовы?

Кейтлин не сдвинулась и не открыла глаза. Она сосредотачивалась на следующей части картины. Насыщенный оливковый, цвет кожи с массой горелой умбры и глубоким краппом для волос. И красно-коричневый для оттенка.

Марисоль.

Картина с Джойс и Марисоль. И Джойс протягивала Марисоль стакан...

— Я держу его голову, — сказала Джойс. — И... сейчас...

Кейтлин закричала... мысленно и голосом, сокращая предложения:

— *Не надо! Не делайте этого! Она с ним. С мистером Зитсом!*

На долю секунды Кейт подумала, а вдруг она была права. Может, Джойс неосознанно дала что-то Марисоль. Это могла даже быть картина, описывающая ненастоящее событие. Но в этот раз смысл нарисованного был совершенно понятен Кейтлин. Он заключался в угрозе и опасности. Этот рисунок походил на картинку из детства, где колдунья давала Белоснежке отравленное яблоко.

И сейчас, как раз когда Кейтлин открыла глаза, она увидела, что была права. Джойс толкнула голову Габриэля к кристаллу, удерживая ее. В это время на лице Джойс было выражение, которого Кейт раньше никогда не видела. Выражение, свидетельствующее об извращенной, звериной ярости.

«Она знала все это время, она была замешана во всем этом», — подумала Кейтлин, чувствуя себя плохо. Она ощущала шок и боль остальных, особенно Роба. Но ее крик достиг их вовремя. Никто не коснулся кристалла.

За исключением Габриэля... Габриэля, который приходил в сознание из-за раскаленных до бела ударов молний, вызванных болью.

Кейтлин двинулась, чтобы вырвать парня из рук Джойс, в то же время, что и Роб. Но не успели они добраться до нее, как двери распахнулись, и начался настоящий хаос.

Это был мистер Зитс и его псы. Что-то с силой летящего на огромной скорости грузовика ткнулось в Кейт, и она упала. Собака набросилась на нее. У мистера Зитса в руках был пистолет.

Все еще держа Габриэля у кристалла, Джойс кричала:

— Я разрушу связь. Я разрушу связь!

Роб боролся с другим псом. Анна пыталась стащить собаку с него, но ее призывы терялись в общем шуме.

— Есть более легкий способ разрушить ее. Только одному из них надо умереть, — закричал мистер Зитс и направил пистолет на Льюиса.

«Вот, как все закончится», — думала часть разума Кейтлин, часть, необычным образом отделенная от нее. Никто из них не мог помочь Льюису. Никто из них не мог ничего сделать, прежде чем мистер Зитс выстрелит.

Казалось, Кейт могла почувствовать, как палец пожилого человека сжался на курке. В то же время она видела всю комнату, как одну большую картину. Каждая деталь запечатлялась у нее в голове, как вспышка от фотографии.

Роб и Анна, борющиеся с ротвейлером, Льюис, стоящий почти в комичном ужасе. Искривленное лицо Джойс над Габриэлем, чьи щеки были покрыты кровью. Он как раз открывал глаза...

Кейтлин почувствовала пробуждение Габриэля в ту же самую секунду, когда ощутила его боль и ярость. Кто-то причинял ему вред. Кто-то угрожал члену его сети.

Габриэль нанес удар.

Мистер Зитс сказал, что телепат, находящийся в стабильной связи, не может выйти за ее пределы, но сейчас Габриэль был присоединен к источнику невообразимой мощности. Его разум вспыхнул, как взорвавшаяся и разлетевшаяся в четырех направлениях сверхновая звезда. С абсолютной точностью и убийственной силой. Он направил лучи огня в мистера

Зитса, Джойс и двух собак.

Кейтлин чувствовала слабые тени этого огня по сети, отзвуки того, что Габриэль обрушил на них. Это сбilo ее с ног.

Мистер Зитс, падая, выстрелил. Позади Габриэля Джойс ударилась о стену. Пес, вцепившийся в руку Кейтлин, конвульсивно дернулся, будто его ударило током, и замер.

Затем Габриэль прекратил это. Он упал рядом с кристаллом, совершенно обессилев. Вся комната была тиха и неподвижна.

— *Давайте выбираться отсюда* , — выдохнул Роб.

Кейтлин так и не поняла, как им удалось выйти из дома. Роб был основной движущей силой, он фактически тащил на себе Габриэля. Она, Анна и Льюис помогали друг другу. Прошло достаточно много времени, пока они, спотыкаясь и еле передвигаясь, наконец-то оказались на траве. Траве, прохладной от росы. Это было удивительно. Кейт с удовольствием легла на нее, будто только что вырвалась из пожара.

Наконец Льюис хрипло прошептал:

— Они мертвы?

— *Я думаю, собаки* — да , — ответила Анна.

Кейтлин согласилась, не упомянув о том, что видела кровь, идущую из глаз, носа и ушей пса, напавшего на нее.

— *Но мистер Зитс и Джойс...* Я не знаю , — продолжила Анна. — *Я думаю, они могут быть живы.*

— Следовательно, Джойс не хотела спасти Габриэля, — сделал вывод Льюис.

— Она хотела разрушить сеть любым способом, — ответила Кейт, не удивившись тому, что ее голос был сиплым, — даже если бы это убило нас. Габриэль был для них бесполезен, пока он связан с нами... не спрашивай почему, я потом объясню.

— Джойс оказалась плохой, — грустно сказал Льюис. Простота и невинность утверждения захватили Кейтлин... и что-то с ней сделали.

Джойс была плохой. Она была против них, готова использовать их все это время. Марисоль была права, Джойс все прекрасно знала. Она знала о большом кристалле и не колебалась при использовании его. Должно быть, она знала и о секретной комнате.

— Боже, — прошептала Кейт. — Как я могла быть такой дурой? Скорее всего, это была ее комната, там были только копии... Помнишь, Роб? Дубликаты. У мистера Зитса все его вещи здесь, а все ее — в Институте.

— Кейтлин, — так же тихо произнес Роб. В его голосе были боль и нежность. Он не мог дотянуться до нее, потому что держал Габриэля. — Не надо. Оно того не стоит.

Кейт посмотрела на него с удивлением... И поняла, что плачет. Обильными потоками слез. Она поднесла руку к щеке и коснулась влажного лица. Как только она сделала это, то почувствовала, что что-то в ее груди раздувается. И затем Кейтлин начала всхлипывать и рыдать так, как не плакала с восьми лет.

Анна держала ее.

— *Оставь ее в покое* , — сказала она Робу. — *Ей нужно выплакаться. Как и всем нам.*

Сотрясающие тело рыдания быстро закончились, и Кейт почувствовала себя лучше.

Габриэль пошевелился.

— В этот раз, — сказал ему Роб, — у тебя нет выбора, ты полутруп, а мы не можем здесь оставаться. Тебе придется принять помощь. — И, чтобы придать фразе большее значение, он добавил мысленно: — *Ты только что спас мою жизнь, есть лишь один способ тебе отплатить.*

Габриэль моргнул. Он выглядел ужасно. Кровь и боль исказили его прекрасное лицо, но он ухитрился изобразить на нем свое старое высокомерное выражение и прошептал:

— Только потому, что я не смогу остановить тебя.

Кейтлин прекратила хлюпать носом и улыбнулась.

— *Нет смысла говорить так, когда все твои стены пали* , — сказала она ему. Затем

она добавила: — *Мне нравится, когда ты такой. Стены могут быть такими ужасными.*

Габриэль не обратил на нее внимания, и это было все, что он мог сделать в тот момент.

Теперь Роб касался Габриэля своими мягкими, потрясающими пальцами. И Кейтлин могла ощутить, как сила полилась в Габриэля... по целительным точкам Роба, по их телепатической сети. Девушка положила свою руку на его и добавила своей силы, позволяя Робу взять ее и направить в Габриэля. Льюис и Анна подобрались ближе и тоже коснулись руки Роба, делая свой взнос. Все четверо, плотно связанные, желали дать жизнь и энергию Габриэлю.

Кейтлин ощущала его потребность и страх, которые быстро преобразовались в изумление.

«Он никогда раньше не чувствовал, чтобы ему добровольно давали энергию», — поняла она.

Сейчас Кейт могла чувствовать то же, что и он: сверкающие огни, чистую воду, восстановление сил. Пробуждение от полусна, возвращение в реальную яркую жизнь. Она также чувствовала изумление и радость Анны и Льюиса.

— *А я никогда не верил им насчет поднятия Кунндалини,* — сказал Льюис. — *Черт побери, я был неправ.*

— *Насчет чего?* — спросила Анна, смеясь про себя.

— *Кундалини. Старой китайской концепции здоровья. Ну, знаешь, связанной с Ци. Напомни мне когда-нибудь об этом рассказать.*

Анна, все еще смеясь, ответила:

— *Обязательно.*

Когда они все почувствовали себя готовыми взять быка за рога и идти на медведя с голыми руками, Роб махнул рукой.

— Достаточно, — сказал он. И добавил мягко: — Нам на самом деле не стоит здесь оставаться. Я думаю, Анна права, Джойс с мистером Зитсом живы... Нам нужно уходить.

— Но куда? — спросила Кейтлин. Она обнаружила, что может стоять и даже с легкостью двигаться.

Габриэль тоже был на ногах.

— Ну, для начала из Сан-Франциско, — сказал он, вытирая лицо промокнутой от росы рубашкой. Даже когда Габриэль просто поднимался, он слегка оторвался от них мысленно.

«Этого следовало ожидать, — сказала себе Кейтлин. — Не разочаровывайся. Ему необходимо личное пространство».

— Ну, разумеется, из Сан-Франциско. Но тогда... куда? Домой?

Как раз когда Кейт произнесла это, она поняла, что не может ехать туда. Если Джойс и мистер Зитс выжили, они отправятся за ней. Кейтлин теперь знала о них. Она представляет собой угрозу, так же, как когда-то Марисоль. Они захотят... усмирить ее.

И насколько сильно Кейт обожала отца, она настолько же хорошо его знала. Он был любящим. Но непрактичным, рассеянным. Невероятно счастливым в своем собственном маленьком мире, где он напевал что-то себе под нос и выполнял работу от случая к случаю. Какую защиту он может предложить ей? Он даже не сможет понять ее историю и тем более помочь справиться со всем этим.

На самом деле она, вероятно, подвергнет и его опасности, приехав домой. Для Джойс с мистером Зитсом не будет ничего проще, чем найти ее там. И как только они сделают это, она будет мертва. Так же, как и все, кто слышал ее историю.

У Кейтлин не было не малейшего сомнения, что у мистера Зитса были варианты убийства людей. У него были связи. У него были клиенты. Он найдет способ.

Оглядев остальных, Кейт поняла, что относительно своих семей они пришли к тому же выводу, что и она сама.

Девушка могла чувствовать их растущее замешательство.

— Но тогда... Куда же мы пойдем? — спросил Льюис хриплым шепотом.

— Нам нужно что-то сделать, чтобы остановить их. Не только мистера Зитса и Джойс,

но любого, кто в этом замешан. Должны быть другие... Такие, как судья. Нам нужно найти способ остановить их всех.

Кейтлин почувствовала, как ее дыхание оборвалось. Она посмотрела на Роба. Да, она любила его, но на самом деле... на самом деле она думала только о том, как уберечь себя и своих друзей. И это будет достаточно тяжело.

— Если мы их не остановим, — продолжал Роб, поворачиваясь и смотря прямо на нее, — они сделают это снова. Они попытаются опять, найдут другую группу ребят.

Роб рассчитывал на нее. Доверял ей, и, разумеется, он был прав.

— Это правда, — пошептала Кейтлин. — Мы не можем позволить этому случиться.

— Я согласна, — тихо вступила в разговор Анна.

Возникла пауза, затем Льюис сказал:

— Я с вами.

Они все посмотрели на Габриэля.

— У меня даже нет дома, — насмешливо сказал он, — Единственное, в чем я уверен, это то, что в камеру я не вернусь.

— Тогда пошли с нами, — произнес Роб.

— Вы даже не знаете, куда пойти.

Кейт сказала:

— Возможно, я знаю.

Все быстро взглянули на нее.

— Это просто мысль, — пояснила она — Я не знаю точно, почему она пришла мне в голову... Но вы помните тот сон, где мы все были вместе?

Все кивнули.

— Хорошо... А что, если это место во сне было реальным? Когда я думаю о нем, у меня возникает чувство, что это возможно. Больше ни у кого нет такого ощущения?

Все выглядели сомневающимися, кроме Анны, та была задумчива.

— Знаешь, — сказала она, — у меня было похожее чувство, когда мы находились там... Во сне, я имею в виду. Берег казался реальным. Он был похож на побережье в месте, где я живу, на севере. Он казался... знакомым. А тот белый дом...

— Подожди, — остановила девушку Кейтлин. — Дом. Белый дом.

Ее сознание снова закружилось. Она где-то еще видела этот белый дом. У себя в мыслях сегодня днем... Неужели это было только сегодня днем? Когда Джойс тестировала ее при помощи осколка кристалла.

Она не нарисовала ту картину, образ моментально исчез. Но сейчас она подумала, что сможет добраться до этого образа.

«Не думай! Рисуй! Мысленно рисуй! Позволь разуму сделать это».

Было ли это из-за недавнего контакта с великим кристаллом, или просто из-за отчаянья, она не знала, но разум начал рисовать, легко делая наброски плавными мазками. Энергичными четкими мазками. Ей даже не пришлось думать, какие цвета использовать. Они просто возникали перед ней, мерцая, на картине, которая была закончена в течение нескольких ударов сердца.

Точно, белый дом. С красными розами, растущими у дверей. Уединенный дом, уютно-прекрасный дом. И лицо в окне, коричневое, как карамель, с узкими глазами и слегка вьющимися каштановыми волосами.

Мужчина, который напал на нее... Но нападал ли он на самом деле? Он схватил ее и пытался поговорить с ней, когда она ждала Джойс. Он снова схватил ее на заднем дворе Института, и Кейт ударила его. Потом он назвал ее беспечной и сказал, что она никогда не думает.

И вот сейчас она думала. Кто бы он ни был, он находился в том доме. Он показал ей фото, на котором был изображен сад с розами и кристаллом в центре фонтана.

Тогда она не поняла, что это кристалл. Но когда она увидела его большую версию, тот уродливый вариант, который был у мистера Зитса, она почти вспомнила об этом.

Кристалл в саду роз не выглядел... извращенным. Он был чистым, прозрачным, без торчащих отвратительных отростков. Он выглядел... безупречным.

«Ну, и что с того?»

Кейтлин не знала. Но она глубоко вдохнула и попробовала объяснить остальным.

Когда девушка рассказала обо всем, повисла тишина.

— Итак, мы следуем за нашими снами, — сказал Габриэль с насмешливой сентиментальностью, его губы были слегка искривлены.

Эти слова почему-то порадовали Кейт.

— Да, — ответила она и улыбнулась ему. — Посмотрим, куда они нас приведут.

— Куда бы они ни вели, мы идем вместе, — сказал Роб.

Кейтлин посмотрела на него. Ей было холодно, и она была разбита. Девушка знала, что все опасности еще впереди. И у них не было четкого плана, *куда* им ехать, и еще меньше идей было относительно того, *как* им ехать.

Но почему-то это все было неважно. Они все были живы. И они были вместе. И когда Кейтлин посмотрела в золотые глаза Роба, она поверила, что все будет хорошо.